

УРАЛЬСКИЙ

ледотыт

1

1962

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ФАНТАСТИКА
 ГЕРОЯХ
 РАССКАЗЫ БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ
 ЗЕМЛЯКАХ
 ЧТЫ СОВРЕМЕННИКОВ
 ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ
 УРАЛ ВЧЕРА. СЕГОДНЯ. ЗАВТРА
 КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ
 СЛЕДОПЫТСКИЕ АББА

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
 СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
 И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

Собрание
Владимира Павловича
БИРЮКОВА

В НОМЕРЕ:

НАДЕЖНАЯ МЕЧТА. Письма из редакции. ♦ ПЯТЬ
 БЕГУЩИХ ДНЕЙ. Лирический репортаж В. Радкевича.
 ♦ СЕРДЦЕ ОСТАЛОСЬ ТАМ. Очерк Е. Спехова. ♦ ПЕРЕ-
 ХОДЯЩИЙ ПРИЗ ЖУРНАЛА У КРАСНОТУРЬИНСКОГО
 КЛУБА «СЛЕДОПЫТ». ♦ МУРАД. Рассказ Б. Рябицина.
 ♦ ЭЛЕКТРОВОЗ ИДЕТ В СИБИРЬ. Очерк И. Куренко.
 ♦ РОДНИК РУСТАМА. Рассказ А. Алдая-Семенова.
 ♦ КОРНИ. Рассказ В. Астафьева. ♦ ШПЛИНТ. Сказ С. Ом-
 быш-Кузнецова. ♦ ЛЕГЕНДА О ЗОЛОТОЙ БАБЕ. Повесть
 Ю. Курочкина. ♦ РАСПИСАНИЕ «ВИРДЖИНИЯ-ЛАЙН». Рассказ Ю. Усыченко. ♦ КАК ЖИВОЙ С ЖИВЫМИ. Очерк А. Пудвала. ♦ ПО ВЕЛИКОЙ ПРОГРАММЕ. ♦ СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ. ♦ ИЗ СЛОВАРЯ УРАЛЬСКИХ ОХОТНИКОВ ♦ СТРАНИЧКА ЮНОГО СЛЕДОПЫТА.

На второй странице обложки фото И. ТЮФЯКОВА — Родина ждет от тебя, следопыт!

1
ЯНВАРЬ
1962

Свердловское Книжное Издательство

НАДЕЖНАЯ

МЕЧТА

Дорогой «Уральский следопыт»! Поздравляем тебя с Новым, 1962-м, годом и просим дать нам товарищеский совет.

Мы с Павликом учимся в шестом классе. Если не считать этот год, то нам осталось учиться еще целых четыре! Ждать и ждать! Без нас взрослые успеют сделать все, о чем мы сейчас мечтаем. Честное слово, обидно! Мы понимаем, что нельзя на это обижаться, но не можем. Растем, растем — и все маленькими нас называют. Изобрели бы поскорее какой-нибудь убыстритель роста, что ли?

Мы с Павликом сначала твердо решили попасть на строительство Братской ГЭС. А ее вот-вот закончат. Павлик предложил после школы выучиться на монтажников-высотников и поехать на Воткинскую ГЭС. А в газете пишут, что и там скоро все будет сделано.

Целину освоили без нас. Геологи-разведчики все открывают и открывают новые месторождения полезных ископаемых. Наши земляки-уральцы готовят к пуску самый мощный в мире горнообогатительный комбинат около горы Качканар.

Юрий Гагарин и Герман Титов про-

ложили дорогу в Космос. Пока мы растем, они на других планетах побывают.

Растерялись мы с Павликом. Посоветуй, какую выбрать мечту? Хотелось, чтобы это была самая надежная мечта.

Володя Рыбников и Павлик Лагутин! Благодарю вас за новогоднее поздравление. Спасибо! Огромнейшее следопытское спасибо!

Вы просите совета? Хочу сказать вам прямо: готовьтесь к большим и славным делам. Любая, даже самая дерзкая мечта, будет исполнена, если верить в нее, если всеми силами, всей своей жизнью добиваться ее осуществления.

Вы хотите стать гидростроителями? Пожалуйста. Есть такая возможность.

На XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза Никита Сергеевич Хрущев говорил о «самой надежной мечте»:

«На Волге, Каме и Днепре десять гидроэлектростанций уже действуют на полную мощность, четыре строятся. Чтобы завершить реконструкцию Волжско-Камского бассейна, предстоит дополнительно построить четыре гидроузла, воз-

вести сооружения для переброски части стока северных рек Печоры и Вычегды через Каму и Волгу в Каспийское море. На Днепре придется соорудить шестую станцию — Каневскую ГЭС, реконструировать реку Припять и через систему каналов и реку Неман соединить Черное море с Балтийским».

Вы хотите попробовать свои силы на целине?

И об этом говорил Никита Сергеевич на XXII съезде партии. В ближайшие годы будет освоено еще не менее восьми миллионов гектаров целинных земель. Бескрайние поля зерновых скоро начнут перемежаться цветущими садами, в совхозах и колхозах вырастут огромные стада домашних животных.

Вы хотите разведывать месторождения полезных ископаемых, прокладывать через тайгу, горы и пустыни трассы новых дорог, строить заводы, фабрики, города?

И это можно считать вашей «самой надежной мечтой».

Вот, какую задачу поставил перед советскими молодыми людьми XXII съезд.

«Молодежи предстоит поднять новые богатства наших недр, построить фабрики, совхозы, заводы, города. Но богатства недр лежат не под Москвой, не под Ленинградом, они лежат в тайге, в горах, в пустынях. Чтобы поставить эти богатства на службу народу, надо их извлечь из недр».

Наши Сибирь и Дальний Восток — это кладовая несметных природных богатств. Здесь есть все: нефть и уголь, олово и молибден, золото и алмазы. Здесь шумит многовековая тайга, битком набитая ценной пушниной и лесом. И ко всему этому только-только начала прикасаться рука человека.

Теперь вы убедились, что любую вашу мечту можно считать вполне надежной.

Только это уже не мечта, а действительность. Все, о чем говорим мы с вами, воплощено в самом величайшем документе истории человечества — Третьей Программе Коммунистической партии Советского Союза, программе строительства коммунизма!

Мечта многих поколений людей — создать общество, где бы не было ни бедных, ни богатых, где бы счастье лилось полным потоком — воплощается в жизнь! Посмотрите вокруг. Всюду возвышаются башенные краны, вырастают новые дома. Сколько труда нужно для этого! Строители ждут вас, Володя и Павлик. Ждут вас и наши славные машиностроители — создатели новейшей техники, которая сделала человека всезнающим, всевидящим и всеумеющим. Наука помогает производству. Производство — науке. А вместе они создают новый мир — мир народного счастья.

О чем бы вы ни мечтали, вас ждут большие и славные дела. Вы будете в числе тех, кто первым откроет двери коммунизма!

Дорогие Володя и Павлик, дорогие наши читатели! Поздравляя с Новым, 1962-м, годом, с первым заглавным годом новой коммунистической эпохи, хочется пожелать вам, чтобы учеба и работа спорились в ваших руках, чтобы каждое дело, направленное на благо нашей Родины, нашего народа, становилось вашей «самой надежной мечтой», которую вы должны во что бы то ни стало и как можно скорее воплотить в жизнь.

Для пожилых, для молодых — для всех дело найдется: работа предстоит большая и нелегкая.

Но зато какая это замечательная работа!

ПОДВИГИ—РЯДОМ С ТОБОЙ

Крушение предотвращено

Это произошло в долине Мургабского оазиса, у железнодорожного моста, перекинутого через пограничную речушку. Сержант Василий Бойко спустился к реке, чтобы утолить жажду и освежиться. Вдруг он почувствовал, как под ним, словно от взрывов, вздрагивает земля.

Сержант поднялся на железнодорожное полотно и увидел тепловоз, на полном ходу мчавшийся к станции, хотя в этом месте поезд обычно идет медленно. Промелькнуло несколько вагонов, в тамбуре одного Василий заметил человека, бешено крутившего ручку тормоза.

Рискуя жизнью, сержант Бойко бросился на подножку вагона, но не удержался и упал. Вскочил и схватился за поручни следующего вагона, поднялся в тамбур, забрался на крышу. Навстречу ему бежал помощник машиниста Макаров.

— Бегите на четырнадцатый вагон и тормозите! — бросил он на ходу.

Сержант по крышам вагонов добежал до четырнадцатого, спустился на площадку и взялся за ручку тормоза. Тяжеловесный состав, груженный цементом, железобетоном, трубами, машинами, сбавил скорость и остановился в пятистах метрах от станции.

Так сержант комсомолец Василий Бойко предотвратил крушение.

Два героических часа

В ночь на 1 мая комсомолец, молодой врач станции Новоазаревская 6-й комплексной антарктической экспедиции Леонид Иванович Rogozov совершил беспрецедентный в медицинской практике подвиг: сам сделал себе операцию аппендицита.

В подготовке операции участвовали все сотрудники станции. Леонид точными движениями

произвел вскрытие. Все приходилось делать, глядя в зеркало. Наступил самый ответственный момент — надо было найти, извлечь и удалить аппендикс. Лицо Rogozova от большого напряжения покрылось крупными каплями пота, однако Леонид продолжал работать, отдавая короткие указания «ассистентам».

Когда аппендикс нашли, стало ясно, что малейшая задержка с операцией могла привести к трагическому концу. Rogozov избежал его, благополучно завершив операцию. «Ассистенты» наложили швы. С момента вскрытия прошло около двух часов. Под угрозу Rogozov заснул.

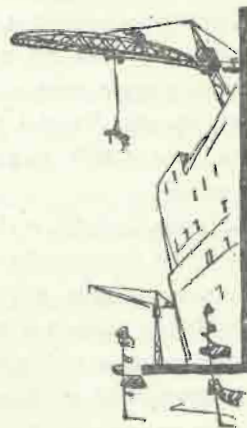
Случай небывалый, удивительный, героический. Ведь Леонид знал, что в любое время он может потерять сознание, и тогда никто из окружающих не сумеет ему помочь. На этот огромный риск он шел из любви к жизни. И победил.

Товарищ в опасности

Это случилось на одной из строек Сибири. Электросварщик Федор Миронов сидел у бригадной конторки, когда услышал нестройные, тревожные крики. «Бригадир», — кольнула в сердце догадка. Ведь несколько минут назад он пошел по просьбе крановщицы Галины Демьяненко отрегулировать на стреле крана каретку. Глянул в сторону крана, — так и есть: Олег висит на поясе под стрелой. Поднять, ся наверх не пытается... либо ударился, либо...

Додумывать Федя не стал. Схватил в кладовке монтажный пояс, взял с собой смотанный в бухту пеньковый канат и бросился на выручку. Сноровисто взобрался по лестнице до стрелы. Остановился на мгновение, пристроил канат за спиной, закрепился пояском и пополз по скользкой и вздрагивающей от ветра конструкции. Каждый сантиметр давался большим усилием. Наконец он увидел почти под собой меловое лицо бригадира.

Федору оставалось размотать канат. Пытаясь

этом мужество и героизм Президиум Верховного Совета СССР присвоил Вам звание Героя Советского Союза».

Рыбак и море

Экспедиция вела лов тунцов южнее экватора. Двухмачтовый клипер «Нора» ежедневно принимал улов с траулера № 1130, или «тридцатки». В этот вечер пришвартоваться к клиперу было опасно. Дул сильный ветер. Решили переправить дневной улов в капроновом мешке под плотиком.

Плотик сделан из металла — квадратный, с полыми бортами, издающий при ударе глухой, жесткий звук. Гигантская «авоська» с тяжеленными рыбинами ушла под воду. На плотик прыгнул матрос Ерастов, босой, в трусиках, с загорелыми руками.

И вдруг раздался крик: «Акулы!». К плотику приближались три белые пенные стрелы. Широкие грудные плавники с черными пятнами, заостренная голова, ровные, как костяные пилы, зубы. Это серые акулы.

— Бей веслом по плоту!

Ерастов поднял над головой весло и... упустил конец троса. Человек оказался один на один с акулами. Он отчаянно стучал веслом и ногами о плот — акул это не пугало. Они настойчиво вели нападение. Когда хищницы оказались вблизи, матрос ударил ближайшую из них по голове и отогнал ее. Но другие акулы продолжали охоту.

В это время капитан повел клипер к плотику. Когда между бортом и плотиком осталась узкая темная полоса, бросил трос. Ерастов схватился за него обеими руками и крикнул:

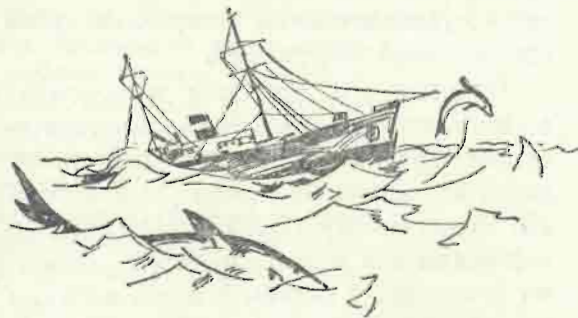
— Что же вы смотрите! Бросайте за борт крючки с наживой.

Отвлекли акул кусками белого мяса савары. А в это время Ерастов передавал из мешка в морозильный трюм огромных тунцов. И вдруг снова:

— Акулы справа!

Голубая акула-людоед шла к плотику.

— Прыгай! Давай руки! — крикнули Ерастову.

— Багор! — послышалось в ответ.

Матрос вступил в единоборство с хищницей. Через несколько минут он выгаскивал из ее пасти меч-рыбу: «не пропадать же добру!». Еще несколько минут — и матрос был на борту.

Материал подготовлен по страницам газет 1961 года

подтянуть его к себе, он сделал слишком резкое движение и мгновенно почувствовал под собой пустоту — сорвался. Внизу испуганно ахнули. Догнувшись рукой до верхней кромки стрелы, Федя изо всех сил напряг окаменевшие мускулы... зацепился за нижнее обрамление ногой. С невероятными усилиями вскарабкался на стрелу. Накоротко укрепившись поясом, подтянул к себе бригадира, закрепил его пояс морским узлом и медленно стал опускаться вниз. Каменщики приняли Олега и понесли к машине скорой помощи.

Очувившись на земле, Федор неуклюже достал из кармана папаросу. Прикурить не мог: ломались спички. Кто-то дал ему огня, кто-то надел на голову фуражку. Парень медленно пошел к общеджитию.

Дорога смелых

Сто девяносто шесть боевых вылетов у Валентина Федоровича Ковалева, летчика-испытателя первого класса. И в мирной жизни он остался летчиком.

Одлажды он проверял в воздухе новые опытные двигатели. Внезапно правая установка загорелась. Минуты борьбы с огнем. Короткое сообщение.

— Горит правый двигатель. Пожар ликвидировать не удалось. Выбрасываю экипаж.

Двенадцать человек исчезли в люке. Все, кроме командира и бортинженера Алексея Котерева. Командир делал последние приготовления. Отвернул машину от населенных пунктов, сбалансировал самолет, выключил зажигание. В кровь кусая губы от досады, пошел к люку. И вдруг голос бортинженера:

— Валя, все!

— Как все?

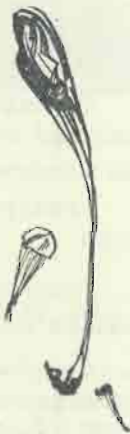
— Все в порядке. Двигатель отвалился.

Хладнокровие Котерева передалось командиру. Медленно дерзкая мысль: дойдем до аэродрома? И он повел на посадку машину с отвалившимся двигателем.

Новый двигатель с поправками испытателей получил право на жизнь. А сколько бы еще сил отняли испытания, если бы Ковалев и Котерев бросили самолет!

И снова годы испытаний. Не раз Валентин Федорович Ковалев в сложнейших условиях спасал экипаж и машину. Это он впервые в мире перешел на тяжелой машине скорость звука.

Дорогую квижечку хранит летчик: «За успешные испытания новой техники и проявленные при

КОНКУРС

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС НА САМУЮ ЯРКУЮ БИОГРАФИЮ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА.

Наше время — время великих свершений, ярких человеческих судеб. От беззаветного революционера Якова Свердлова к герою гражданской войны Василию Чапаеву, от Чапаева к первой женщине — трактористке Паше Ангелиной, от Ангелиной к герою Отечественной войны Алексею Маресьеву, от Маресьева к космонавту Юрию Гагарину, — эта нескончаемая эстафета поколений создает коллективный образ героя нашего времени.

Какой он, герой нашей замечательной эпохи, прокладывающей пути в неведомое? Человек чести и долга, личного мужества и преданности общественным идеалам, человек, воспитанный комсомолом и Коммунистической партией в духе коллективизма, новаторства, беспредельной верности коммунистическим интересам.

И в то же время это живой человек со всеми неповторимыми чертами своеобразной, сильной личности. Человек со своей судьбой, своими интересами, своей удивительной биографией.

Они скромны, эти люди, и не кричат о своих заслугах — это тоже коммунистическая черта. Мы еще в большом долгу перед неизвестными героями нашей страны, сверстниками Павки Корчагина, ровесниками Зои Космодемьянской, друзьями покорителей целины — перед маяками наших дней. Мы должны рассказывать о них больше, интереснее, должны быть следопытами замечательных биографий людей нашего времени.

Яркая биография — это зачастую удивительный поворот личной судьбы, про-

диктованный общественной целесообразностью. Это революционер Глеб Кржижановский, ставший знаменитым ученым-энергетиком; это фельдшер Серго Орджоникидзе, превратившийся в командарма советской промышленности, основателя Магнитки и Уралмаша; это знаменитый полярный летчик Михаил Водопьянов, ставший писателем; это множество людей, шедших по жизни сложным, нелегким путем.

Мы приглашаем к участию в конкурсе писателей и журналистов, историков и краеведов. Мы рады будем также видеть среди участников конкурса многоопытных, бывалых людей, которые сами расскажут о своем жизненном пути или пути своих товарищей.

Мы приветствуем и другую форму участия в конкурсе: совет для редакции, рассказ о людях, на которых следует обратить внимание литераторов.

Основной жанр в конкурсе — документальный очерк. Размер — до 15 страничек на машинке.

Конкурс проводится в течение 1962 года.

Рукописи присылать в двух экземплярах по адресу:

Свердловск, 14, улица Малышева, 24, редакция «Уральского следопыта» — конкурс «Биография современника».

За лучшие очерки устанавливаются две премии:

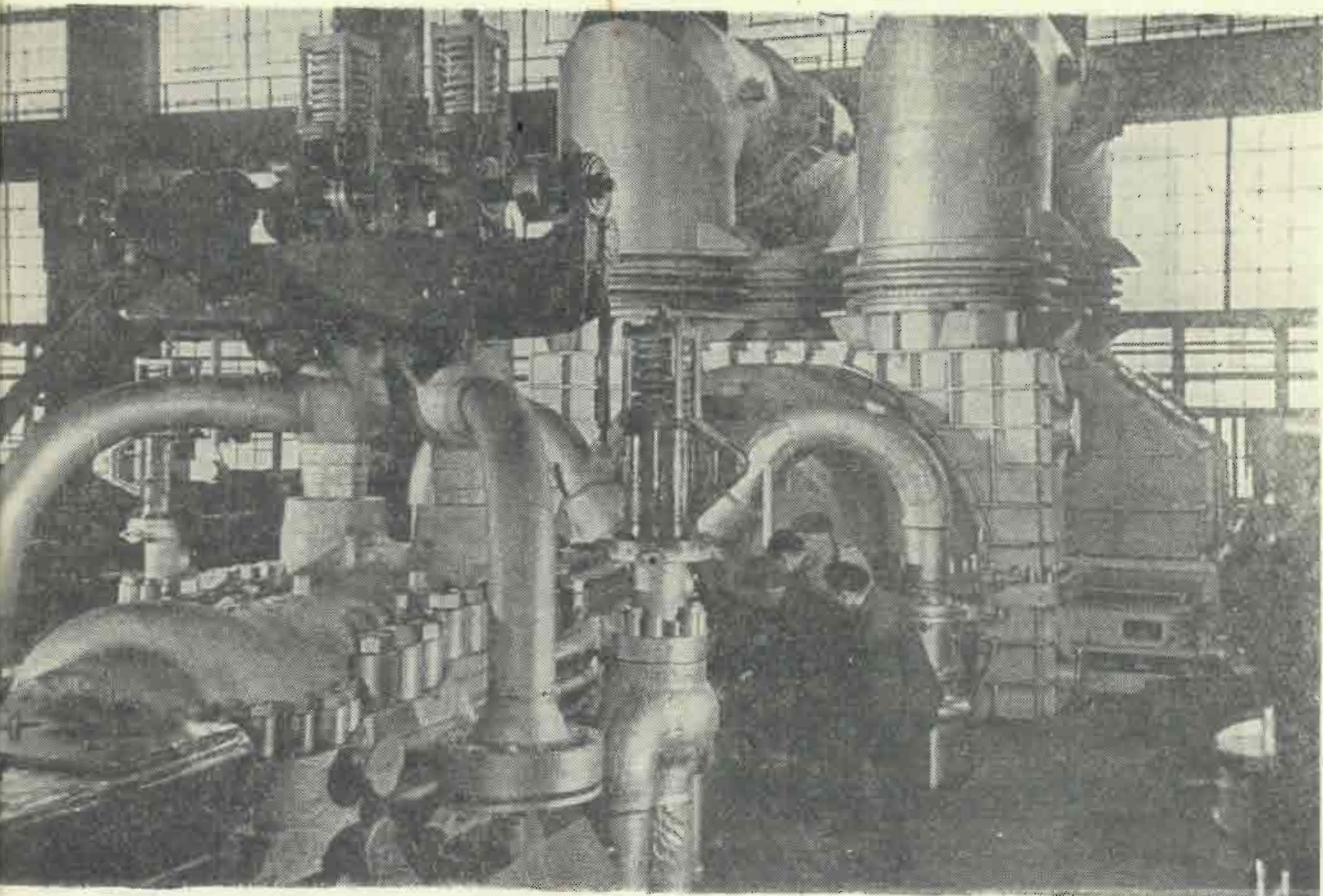
**ПЕРВАЯ ПРЕМИЯ — 300 рублей,
ВТОРАЯ ПРЕМИЯ — 200 рублей.**

Лучшие очерки будут напечатаны в журнале.

Итоги конкурса — в № 1 «Уральского следопыта» за 1963 год.

УРАЛЬСКОГО

СЛЕДОПЫТА

По Великой Программе

Такого сооружения еще не было в практике турбостроения. Коллектив Уральского турбомоторного завода досрочно собрал первую теплофикационную турбину высокого давления мощностью 100 тысяч киловатт. Она, помимо электроэнергии, сможет обеспечить теплом жилой район с населением свыше ста тысяч человек.

Уникальная теплофикационная турбина отправлена в Москву. Она будет использована для электрификации и отопления одного из новых жилых районов столицы.

На очереди — сооружение теплофикационных турбин еще большей мощности.

Фото И. Тюфякова

ПЯТЬ БЕГУЩИХ

Владимир РАДКЕВИЧ

Рисунки Г. Перебатова и С. Киприна.

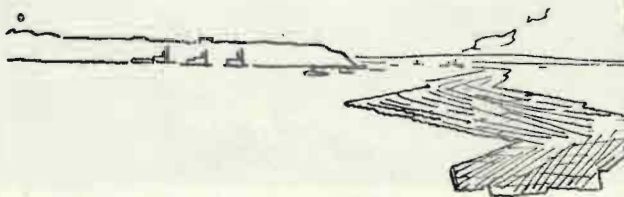
3 октября 1961г

4 октября

5 октября

6 октября

7 октября

3 октября 1961 года

Еще плывут плоты по Кама.
И по-осеннему темна
Река, теснясь меж берегами,
Вскипает, как в грозу,— до дна!

В кровоподтеках глины рыжей,
С утра, стряхнув с себя туман,
Вода бушует, пеной брызжет,
Не льется — рвется сквозь проран.

Нет, Кама ярости не прячет,
Она не сдастся без борьбы,
Она еще швырнет, как мячик,
Многопудовые кубы.

ИДУТ ПЛОТЫ.

Но эту силу, ярость эту,
Волны разгневанной разбег
Навек служить добру и свету
Заставит скоро Человек.

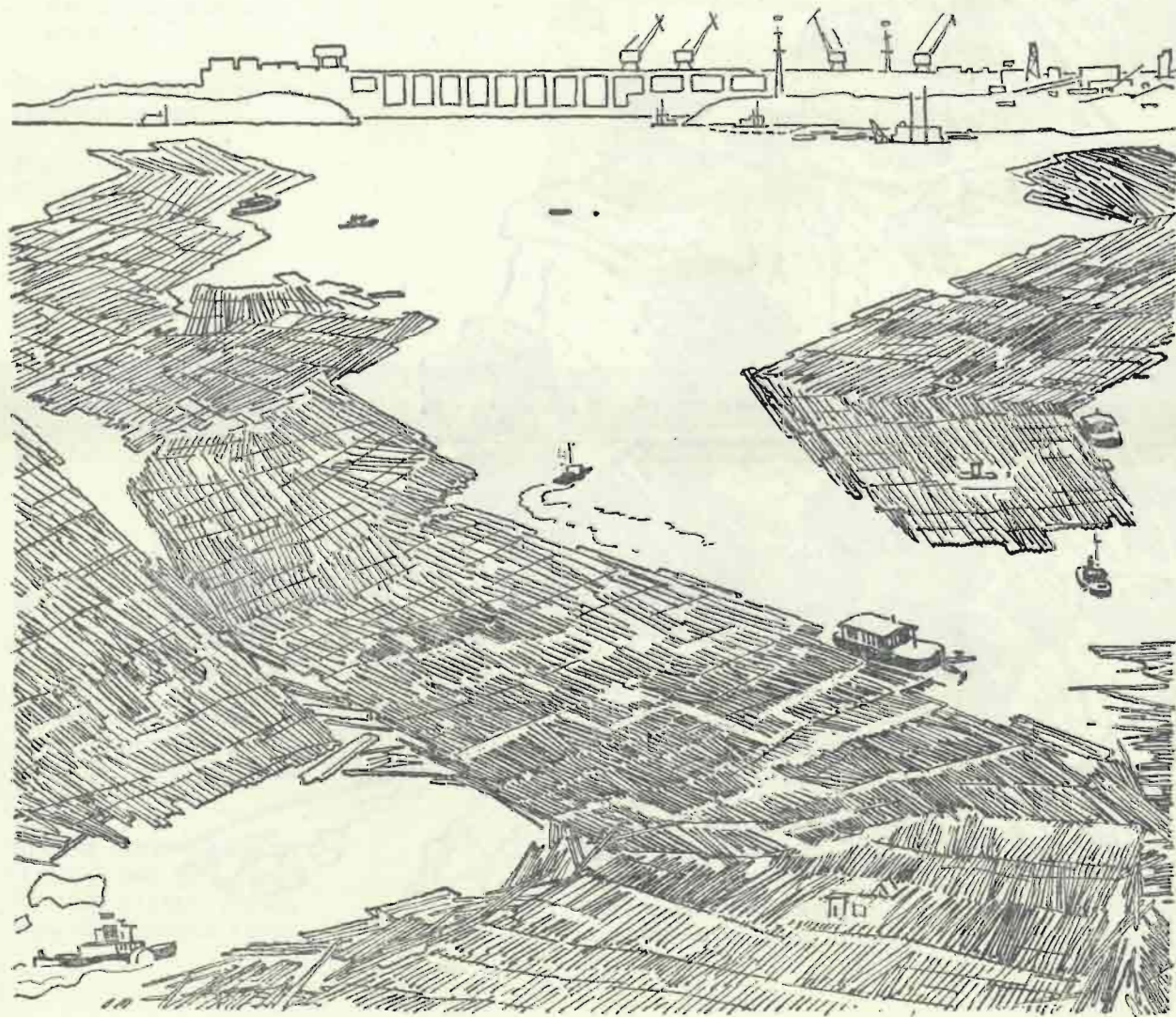
Здесь все готово к наступлению,
К осуществлению мечты.

...В последний раз «Сергей Тюленин»
Ведет через проран плоты.

ДНЕЙ

Юрический репортаж

«Коллектив Воткинской ГЭС, идя навстречу XXII съезду КПСС, досрочно, в начале октября, осуществил перекрытие Камы. Могучая уральская река пошла по новому руслу» (из газет).

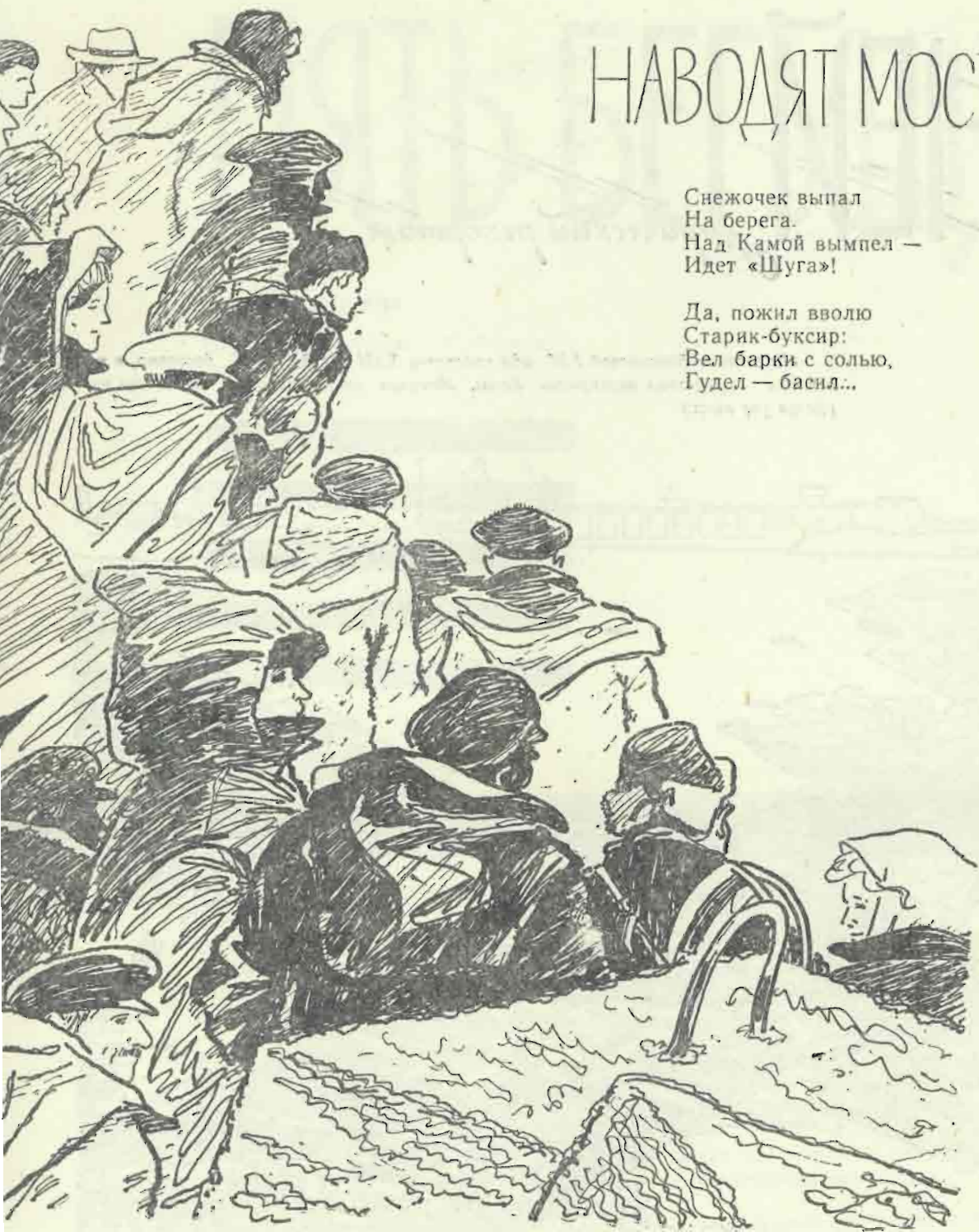

4 октября

НАВОДЯТ МОСТ

Снежочек выпал
На берега.
Над Камой выпел —
Идет «Шуга»!

Да, пожил вволю
Старик-буксир:
Вел барки с солью,
Гудел — басил...

Бормочут плицы
С волною в лад:
—Что ж, пригодиться
Я очень рад!

Толкая бережно
(Есть, малый ход!),
Понтоны к берегу
«Шуга» ведет.

Годами меченый,
Да все ж не слаб,
Хромая, мечется
Речной прораб.

Лишь в катер бросится,
Махнет рукой,—
Как дух, пронесится
Он над рекой.

Грозит — лучится
В морщинках взгляд:
—Что ж, пригодиться
Я очень рад!

Свирь, Волгу с Доном
Прошел не зря...

Легли понтоны
На якоря!

5 октября

Пусть с насмешкою вздорной
И обидной стократ
О «работе топорной»
Люди вам говорят.

Поглядите-ка сами,
Как легки и остры.
Мост на матушке Каме
Ладят те топоры!

Бревна ровненько тешут,
Прижимают их в ряд —
Русской удалью тешат,
Русской сметкой дивят.

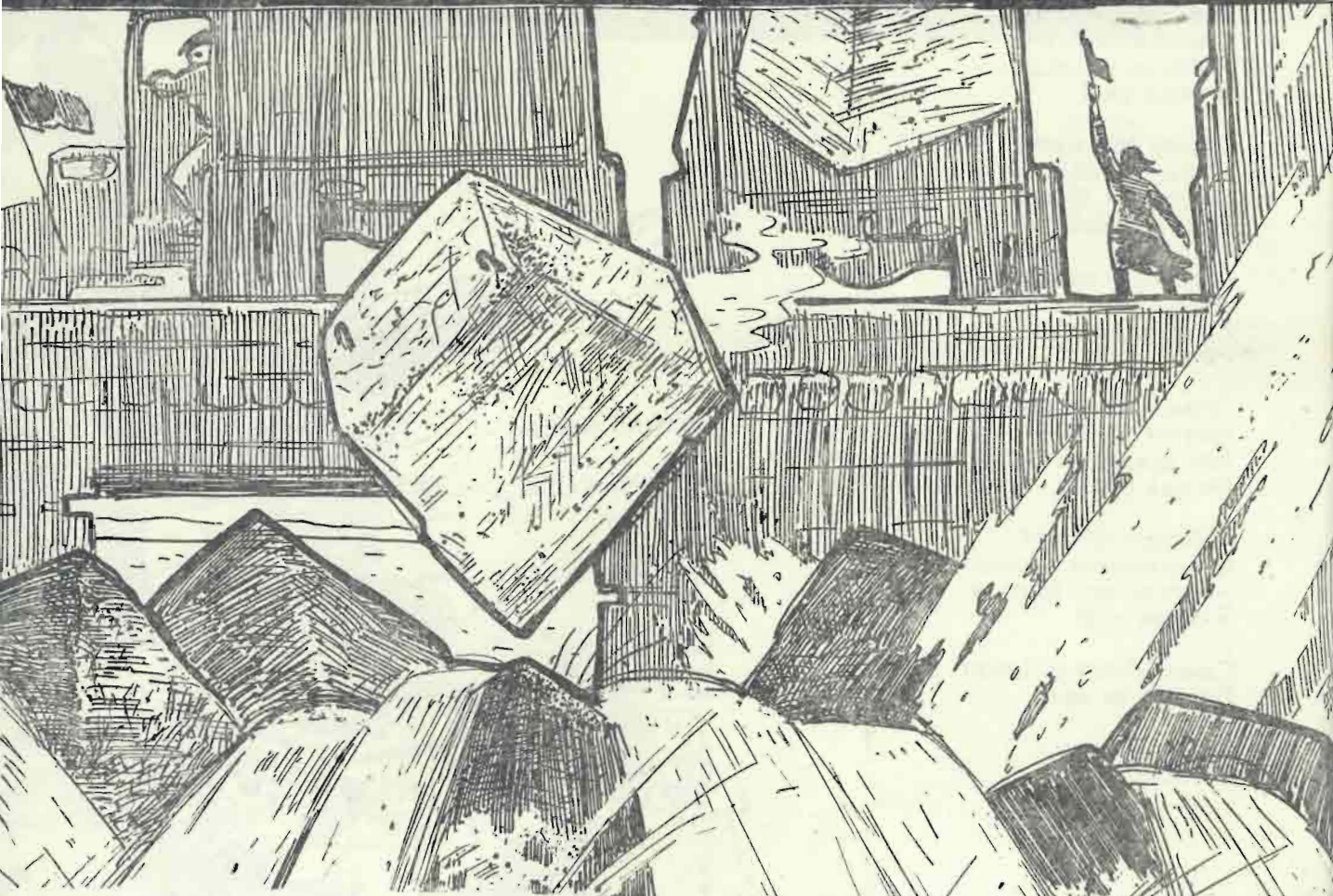
СТУЧАТ ТОПОРЫ

Знать, от знающих дедов
К внукам их перешло,
Много судеб изведав,
Волшебство-ремесло.

Пот смахнув рукавицей,
Бросят в шутку:— Застыл!..

Точно к сроку ложится
На понтоны настил.

6 Октября

ПЕРЕКРЫТИЕ

В небе тучи с рассвета
ветер северный гнал.
В небо взмыла ракета —
к наступленью сигнал.
Рядом красный, зеленый —
два дрожат огонька.
Грудью бьет о понтоны,
их заметив, река.
Кама яростно ропщет,
ей дохнуть не дают.
Возле регулировщиц
самосвалы снуют,
Чтоб бетон за мгновенье
прямо в ярость реки
Сбросить по мановенью
той девичьей руки
Это — штурма начало!
Это — люди в огне!
Молча курит начальство
и стоит в стороне!

Кама в горле прорана
 крутит водоворот,
Все расчеты и планы
 на проверку берет.
Кама камни ворочает,
 раскалясь добела...
Ой ты, юность рабочая —
 два орлиных крыла!
Ты в шоферской спецовке,
 что надета впервой

Промелькнула у бровки
 под водой огневой,
На кабинах блеснула
 комсомольским значком...
В Каму небо нырнуло
 сероватым клочком,
И сквозь пенную вьюгу,
 целя камни-рога,
Вдруг навстречу друг другу
 пошли берега!

7 октября

У Воткинской ГЭС на месте села Сайгатка возник рабочий поселок Чайковский...

САЙГАТКА-ЧАЙКОВСКИЙ

Сайгатка, старая Сайгатка,
В бурьян уткнулся край села...
О, сколько лет ты, как солдатка,
Одной надеждою жила!
Я не узнал, твой житель давний,
Тех мест, где с песнями не в лад
Забота пряталась за ставни
В войну осиротелых хат.
Ты позабыть меня неволишь
И мне не веришь нипочем,
Что я семь лет назад всего лишь
В селе работал избачом.
Лисал частушки и плакаты
И «всем искусством» ведал тут...
Другие,
 новые ребята,
По новым улицам идут!
О жизни спорят громогласно.
Поют у клуба досветла...
И счастье полностью подвластно
Строителям гидроузла.
За молодое невниманье
Ты их, Сайгатка, не вини:
Плотина, улицы и зданья
И новый город — все они!
Смотри: глаза девчонки милой
Цветут, как будто два цветка,
У памятника над могилой
Погибших в годы Колчака.
Нет, у истоков новой были,
В зовущие к созвездьям дни

Здесь молодые не забыли,
Что продолжение они.
Монтажники, бульдозеристы,
В любой работе — мастера,
Они сейчас — живые искры
Того, Октябрьского костра.
О них еще легенды сложат,
О покорителях реки...
Из школ рабочей молодежи
Расходятся ученики.
И в общежитиях устало
Заснут, уткнув в подушки лбы,
Творцы бетона и металла,
Творцы своей большой судьбы.
Затих на улицах московский,
Уральский, волжский говорок.

И в сквере слушает Чайковский
Плеск моря нового у ног.

В СТРОЙ ДЕЙСТВУЮЩИХ

ВОТКИНСКАЯ ГЭС ДАЛА
ПРОМЫШЛЕННЫЙ ТОК

ПОСЕЛОК ЧАЙКОВСКИЙ
(Пермская область), 19 декабря.
(Наш корр.). Строители Воткин-
ского гидроузла на Каме одержали
выдающуюся победу. Вчера на
год раньше срока они ввели в дей-
ствие первый гидроагрегат мощ-
ностью 100 тысяч киловатт. "Сей-
час энергосистема"
регов "

Вночи горели костры. В их трепетном свете могучие кедры казались еще выше, объемнее. Нависали они пухлыми вершинами над крошечным, кинутым глубоко в тайгу лагерьем головного отряда, грозясь утопить в снегу и вагончики с дерзкой надписью на стенках: «Вперед — на Конду!», и бульдозеры, и людей, которых было всего семнадцать.

Эти семнадцать владели огнем. Всякий раз, когда пламя, вспыхивая, бросало в морозное небо длинные языки, деревья отшатывались испуганно, отступали в темень. Было что-то завораживающее, колдовское в единоборстве огня и ночи, людей и тайги.

биться сквозь глухомань, открыть в суровом этом краю первую нить будущей трассы, отмеченной пока на походных картах лишь робким пунктиром.

Густая снежная пыль и хвоя, еловые и сосновые шишки, сучья дробно стучали по капотам машин, о лобовые стекла.

Сквозь белый туман ничего не было видно. Прерывистый гул моторов гасил все звуки. И только алое пятно пламени впереди указывало путь водителю головной машины.

Следуя за ним, бульдозерист вновь и вновь швырял стальную громаду в нехоженную чащобу леса, пробивал дорогу товарищам.

...А маленький круглолицый паренек, держа в одной руке ведро с соляжкой,

баллада О ВПЕРЕДИ ИДУЩИХ

— Кто тут сигнальщика спрашивал? — Из-за вагончика вышел невысокий паренек в шапке-ушанке и белом полушубке. Блики огня трепетали на его круглом, совсем детском лице. Воспаленные глаза глядели вопрошающе и смущенно из-под заиндевевших ресниц. — Я сигнальщик! Пойдемте...

* * *

Он шел впереди.

За ним, рокоча, двигались бульдозеры и кусторезы, выворачивая с корнями ели и сосны.

Отступала тайга, пятилась под дерзким напором упрямых людей, которым во что бы то ни стало надо было про-

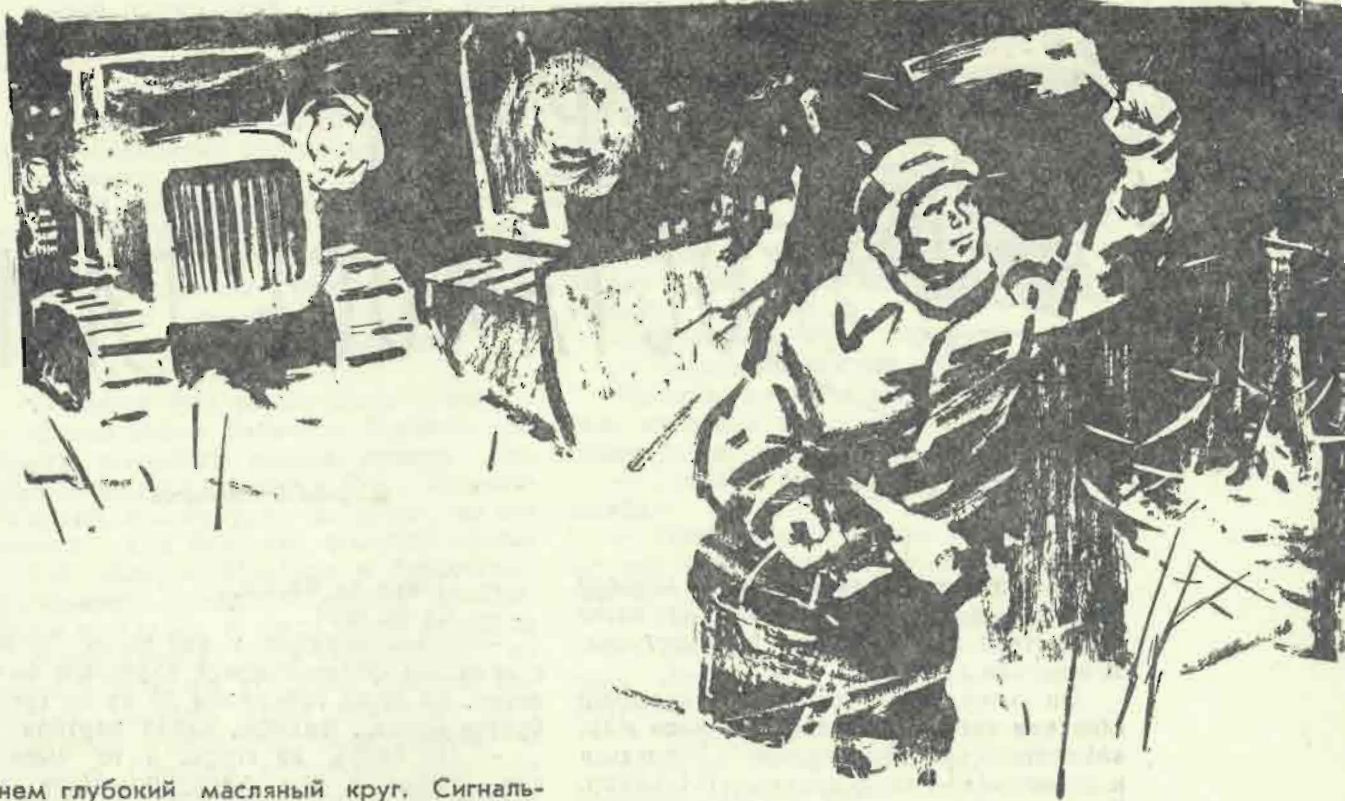
в другой — пылающий факел, бежал дальше. Продирался сквозь кустарники и мелколесье, прыгал по кочкам промерзших болот. Падал, обрезая руки об острую наледь, вскакивал и снова бежал по снегу.

Он не имел права уставать. Он шел впереди и весь день, и всю темную северную ночь, напряженно вглядываясь в оставленные разведчиками зарубки на деревьях.

И лицо его было белым от инея, и сам он был белым от снега.

Однажды...

Это случилось уже на закате. Звонкий наст, мягко хрустнув, раздался под ногами, открыв снежную полынью. Ведерко ткнулось донышком в сугроб, оставив на

нем глубокий масляный круг. Сигнальщик очутился по пояс в снегу. Поднял над головой ведро, факел и пробовал бежать дальше. Ноги не слушались его. А машины, не останавливаясь, шли вперед. Подкошенный стальным ножом кедр накрыл вершиной сигнальщика.

Теряя сознание, он слышал, как нарастал воющий рокот машин. Пробовал открыть глаза, но веки стали свинцовыми. Огромная тяжесть прижала его к земле. Сигнальщик уже не слышал, как отчаянно звал его товарищ — бульдозерист, не помнил, как тот положил его в кабину и отвез в лагерь.

...

...Машины уже ждали, готовые вновь двинуться по едва расчищенной от пней и завалов просеке, что соединяла головной отряд строителей дороги Ивдель — Обь с поселком. Слабый гул моторов заглушал разговоры. В красном зареве костров металась длинные тени. Люди, работая без рукавиц, разбирали на пяти-

десятиградусном морозе мотор кустореза. Двое простукивали полозья вагончиков: отряд должен продвинуться по тайге за сегодняшнюю ночь еще на три километра вперед.

— Трудно будет нам без сигнальщика, — обронил кто-то.

— Я могу за него!..

— И я!..

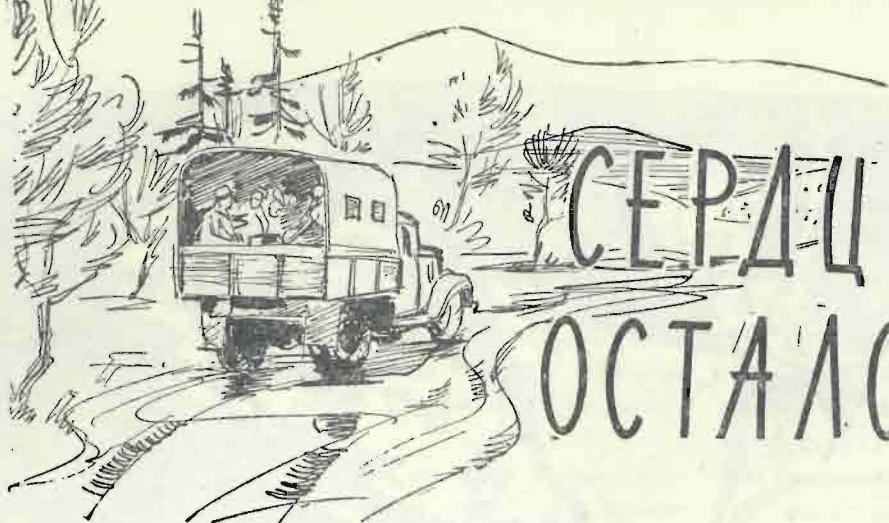
— Я тоже!..

Скоро отряд двинулся в путь. И алое дрожащее пламя впереди было маяком для головной машины.

Строители шли сквозь тайгу к цели.

Е. ПОСТНИКОВ

Станция Пелым —
город Свердловск

СЕРДЦЕ ОСТАЛОСЬ ТАМ

Евгений СПЕХОВ

Рисунки А. Казанцева

Дверки резко захлопнулись. Автобус тронулся с места. Владимир не хотел признаться самому себе, что отступил. И все-таки...

Он коснулся горячим лбом скользкой обшивки автобуса. Видно, поднялся жар. «Может, остановить машину? Вернуться к ребятам?» — вяло подумал Владимир. Точно из космоса, донесся тихий, печальный голос: «Может, не надо, Воля?» — Так зовет его только Аркадий.

Мокрый снег слепил окна. Размеренно чакал «дворник» на ветровом стекле. Владимира бил озноб. А кажется, еще недавно таяли снега и было все иначе...

...Какие сборы у восемнадцатилетнего парня? Мать положила самое необходимое. Новые рукавицы и кусачки арматурщика он сунул в карман.

Двенадцать парней ехали в новую жизнь. Конечно, с ними Владимир и Аркадий. Ехали в поезде. Всю ночь пели песни, шутили. Кто-то спросонья упал с полки.

В Нижней Туре погрузились в машину, крытую черным брезентом. Ее называли душегрейкой, а за билет содрали шесть пятьдесят. У ребят были рюкзаки да «авоськи», а у Владимира, как назло, — чемодан. Шофер придрался.

УРАЛЬСКИЙ
Следопыт
НА КОМСОМОЛЬСКИХ
СТРОЙКАХ

— Плати за багаж.

— Да ты что?..

— У нас порядок, у нас закон. Дети с семи лет обилечиваются взрослым билетом, на вещи габаритом 35 на 55 требуется билет... Видишь, какая картина...

— Не спорь, не спорь, а то высадят, — тыкал в бок Аркадий. — Черт с ним, с габаритом..

Машина шла ровно и быстро. Трясти начало внезапно, словно кто собрал все кюветы и кинул их под колеса. Все торкнулись головой о брезент. Кто-то из пассажиров с ехидцей заметил: «Качканар привет передает».

Ехали в темноте, а тут вдруг развиднелось. Владимир посмотрел в узенькое оконце. На покосах пестрели проталины. Обнаженные и стыдливые, стояли березы в ожидании листы. Снег оседал, ноздрился. Природа жаждала солнца, чтобы закипеть, забурлить апрельской распутицей. И как-то не вязалось ее пробуждение с разбитой дорогой и едкой до тошноты гарью «душегрейки».

О встречах добровольцев Владимир читал в газетах. Обычно писали, что гремел оркестр и кто-то из начальства произносил речь. Правда, иногда оркестр не упоминался, и Владимир считал, что так, пожалуй, и лучше. Приезжают парни укладывать бетон, вязать арматуру, одним словом — строить. К чему оркестр? Что они, артисты? Смешно... Вот доброе слово услышать, вроде рекомендацию получить в жизнь — это пожалуйста.

А было все по-другому. Грязная улица с невысокими дощатыми домами, тол-

па людей в ожидании обратного рейса автобуса и первая рекомендация шофера:

— Газуйте в столовку, а то закроют...

Одиннадцать бросили на плечи рюкзаки, двенадцатый подхватил чемодан — и в столовую.

Потом они ходили по поселку. Строятся дома, торчат пни, какой-то всеобщий хаос. И все-таки понравилось. Чем? Дерзостью! Здорово отбросили тайгу. И Качканар возвышается, как вулкан. Только не курится дымка над ним.

Взойти бы туда...

Володька был романтиком. С шестого класса пошел работать. Хотелось все узнать, пощупать своими руками. Два года провел на стройке в Реже. Научился вязать арматуру, да так ловко, что его признал даже Аркашка, большой «спец» в этой области. Признал и безропотно подчинился. Потом они вместе «вкалывали» на заводе. А когда снова потянуло в неизведанные края — собрались на стройку. Вот они, эти края! Смотри, Володька, радуйся. Здесь признают одну романтику — труд. Засучивай рукава — и за дело. Случаем встретишь беду — не согнись. Победишь — ляжет на сердце добрая память о дерзкой юности... А теперь давай в отдел кадров.

Там ждали люди. Все приезжие. Мрачно молчали. Подошел высокий, грузноватый мужчина. Громко спросил:

— Значит, приехали? Откуда? Режевские... Ну-ну, — повернулся и пошел прочь. Владимира удивил его голос — без интонации, с удивением на каждом слове. Брови сурово нахмурены, а глаза добрые, отцовские. Владимир решил подойти к нему, спросить, куда лучше устроиться, но Аркадий дернул за рукав: «Очередь!»

Ох! Лучше бы ее не было. Не приняли. Представляют? Говорят: «Опоздали, ребятки. Мест нет в общежитии. Через месяц — милости просим». Они вышли из комнаты.

— Через месяц, через месяц! — перерезал Владимир. — Так мы ноги протянем за месяц-то...

— Домой? — спросил Аркадий.

— Не смейся...

Присели на лавку. В комнате напротив звонили телефоны. Голос без интонации спрашивал, отдавал приказания. Ребята закурили. Мужчина вышел в коридор. Увидев парней, спросил:

— Что? Не приняли? Приходите еще. Каждый день убывают — прибывают. Ждите. Да...

Так и сделали. Дежурили по одному. Раз Аркадий зевнул: освободились две койки, но их перехватили. Владимир стал дежурить сам.

На пятый день — удача: один пришел рассчитываться. Володька — за ним. Спрятался за спину, ждет. Начальник отдела кадров устало задал трафаретный вопрос:

— Как фамилия?

— Бетховен, маэстро...

Володька прыснул в кулак, за что парень наградил его тумачком. Начальник спохватился:

— Бросьте разыгрывать цирк! Уезжаешь?..

— Представьте. А мою кровать прошу вот этому патриоту, — парень сделал шаг в сторону.

— Опять ты? Ладно... Фамилия?

— Тимкин, девятнадцать лет, русский. Пожалуйста, возьмите и друга. Устроимся...

— Где он?

Аркадий, словно призрак, появился в дверях. Парень весело смотрел за происходящим. Кажется, ему все это было знакомо.

— Ты давай к нам, в «Кастрюль-монтаж»...

— Куда?

— Вот темная личность! В сантехники...

— Нет, я — в трест.

— Выдумал, это же «Качканаррудстрой»: хошь — работай, хошь — стой. Нет? Ну, бывай...

Вся бригада состояла из новичков. И бригадир свой парень, Михаил Руднев. Строили производственную базу. Собственно, участие их в строительстве было довольно странным. Может, оттого, что большинство из них не имело специальности, мастер Тараканов, — маленький толстый человек, — помыкал ими, как хотел. Наряды не выписывал, а работу давал ту, от которой отказывались другие бригады. То пошлет копать землю. Копают, не куражатся. Через час идут разгружать вагоны с песком. Иногда привозят бетон, а бетонщики ушли — кладут бетон. А нарядов на все это нет, Тараканов закрывает их в конце месяца. Владимиру сразу не понравилась такая работа.

— Не пойдет так!— сказал он однажды мастеру.

Тараканов поднимал над головой мясистый указательный палец и торжественно говорил:

— Кто вас послал? Комсомол! Что вам говорили? Не бойтесь трудностей! А вы?...— и, довольный произведенным впечатлением, покидал площадку.

Однажды, проходя мимо, мастер заглянул в бригаду:

— Мое почтение! Как могло-работалось?

— Надо бы хуже, да некуда,— буркнул бригадир.

— Ну, ладно. Продолжайте в том же духе,— он повернулся, чтобы уйти. Владимир преградил дорогу:

— Как закроете наряды, Аполлон Исидорыч?

— Порядочек! Да ты что, Тимкин, Тараканова не знаешь?

— Потому и спрашиваю. Отвечайте!

— Саботаж! Не позволю!.. А ты, Тимкин, смотри!— и Тараканов затрусил прочь.

Пожаловался Владимир в комсомольский штаб. Вызвали Тараканова, предупредили, а он, к удивлению всех, еще больше распоясался. Руднев махнул рукой: «Не связывайся! Режет наряды, подлец, сознательно». Одни поддержали Владимира, другие — наоборот:

— Что тебе, больше всех надо?

Но Владимир не послушался «разумников», на профсоюзном собрании снова выступил против Тараканова. Высмеял его задания — перекаладывать кирпичики с места на место. Требовал настоящей работы. Пусть даже землю копать, но чтобы осмысленно.

Тараканов смолчал. Но при встрече усмехнулся со злом и многозначительно стучал пухлым пальцами по синей папке с тесемками. Мол, все в моей власти.

В одиночку дрался Владимир. Аркадий не в счет. Тот презирал мастера молча. Владимир возмущался:

— Ну, что ты молчишь? Нас оскорбляют, а ты молчишь!..

— Я презираю...

— Плевал он на твоё презрение. Драться надо, понимаешь?

* * *

По-детски доверчивые кроны берез уже позолотила осень. Перепадали дож-

ди, и туман не покидал низины даже днем. Качканар укрылся пеленой грязновато-серых облаков. Смолкли разногласные разговоры тайги. Приглушенным стал шум стройки.

В эти дни Владимир и еще несколько ребят жили в совхозе, на уборочной. Раз надо, так надо. Не отказывались. Только обидно, что отбирал их опять Тараканов. Словно наказание выносил. Ткнул синей папкой в грудь: «Ты, ты и ты, Тимкин». Аркадий сказал:

— Пиши и меня.

— Ах, значит, вы заодно? Хорошо, и ты...

Копали картофель, подвозили к скотным дворам солому. По субботам приезжал Тараканов, что-то проверял, записывал.

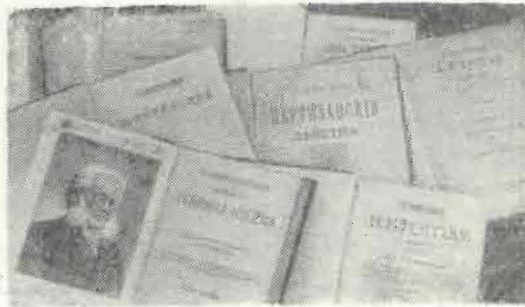
БИБЛИОТЕКА

Сподвижник Блюхера, герой гражданской войны Николай Дмитриевич Томин¹ всю жизнь собирал книги. После его смерти осталась интересная библиотека, подаренная женой героя жителю города Куртамыш, Курганской области, Кочегину.

В библиотеке Николая Дмитриевича — собрания сочинений Гоголя, Лескова, Глеба Успенского, Некрасова, Мельникова-Печерского, зачитанный томик свобододолюбивых стихов Тараса Шевченко. Здесь же несколько книг популярного в начале 900-х годов писателя А. И. Эртеля, примыкавшего к демократическому крылу русской журналистики, пьесы Генрика Ибсена. Сохранились аккуратно переплетенные годовые комплекты «Нивы», Журнала иностранной литературы.

Особого внимания заслуживает книга военного историка В. Н. Кзембовского «Партизанские действия», изданная в 1894 году. Томин приобрел ее, очевидно, в 1915 году. Об этом свидетельствует карандашная пометка. На титульном листе автограф Н. Д. Томина. В книге популярно изложена тактика партизанских войн, обильно иллюстрируемая примерами из эпохи Отечественной войны 1812 года и гражданской войны в США 1861—1865 годов. Несмотря на определенную тенденциозность в изложении фактического материала, книга могла служить неплохим учебником по теории партизанских операций. Очень возможно, что она в какой-

¹ Смотри «Уральский следопыт» № 2 за 1961 год.

вал и прятал в синюю папку. К группе Тимкина Тараканов не мог придрататься, как ни старался. Ребята работали хорошо.

Здесь-то и произошла новая стычка с мастером, которая так изменила весь ход жизни Владимира Тимкина.

Провожали в армию парня из бригады. Часов в двенадцать закончили работу и собрались за столом. Подняли тост за парня: служи честно! Подняли второй — за стройку. А за вторым — третий: за жизнь. Потом пели и грустную «Ряби-нушку», и мужественную «Комсомольцы-добровольцы».

Обнялись на прощание. Все-таки свой парень, режевской. Проводили до машины. Тут их и увидел Тараканов.

ГЕРОЯ

то мере помогла Николаю Дмитриевичу стать отличным командиром.

Павел Захарович Кочегин собирает материалы о жизни Н. Д. Томина. Вот что он рассказал мне:

— Любовь к книгам с раннего детства привил Николаю Дмитриевичу Томина дед Афанасий Михайлович. Никслай окончил только три класса начальной школы. Когда ему исполнилось десять лет, умер дед, а вскоре скоропостижно скончался отец. Пятнадцатилетним мальчиком Николай переехал из Казачьего Кочердыка в Куртамыш и поступил на работу к купцу Завьялову. Все свободное время отдавал юноша книгам. Высылая часть денег из каждой полочки матери на содержание трех сестреноч, почти все остальные Николай тратил на книги. Мало-помалу в его библиотеке скопилось более тысячи томов.

Часто по делам службы Николаю Дмитриевичу приходилось ездить по городам и селам Урала и Сибири. Оттуда он привозил в Куртамыш запрещенную литературу. Читал он ее в кругу своих друзей и в Казачьем Кочердыке, где им был организован нелегальный кружок из сельской молодежи. Члены кружка собирались на квартире у Головачевых и засиживались до утра. К сожалению, из нелегальной литературы в библиотеке Томина ничего не сохранилось.

Николай Дмитриевич был человеком широких интересов. Он знал политэкономия, философия, историю России и всемирную историю, военное дело, иностранные языки, основы ведения сельского хозяйства. Глубоко изучал он произведения классиков марксизма-ленинизма. В 1923 году, обучаясь в Москве на Высших академических курсах, Томина подписался на полное собрание сочинений Владимира Ильича Ленина. Однако получить все тома не успел.

На протяжении всей жизни этого замечательного человека книга была ему верным другом.

Сейчас общественность Куртамыша поднимает вопрос о создании в городе дома-музея Томина. Библиотека героя в нем займет почетное место.

В. ПАШИН

— Пьянствуешь, Тимкин? Молодежь спаиваешь?

Только бы сдержаться, смолчать, сказать что-нибудь презрительное...

Сорвался. Все перевернулось в душе. Выхватил ненавистную синюю папку и бросил под колеса машины. В это мгновение она тронулась. Владимир схватился за борт и перемахнул в кузов. Кто-то еще ухнул на дно кузова. Владимир посмотрел под ноги. Потирая ушибленное колено, недоуменно смотрел на друга Аркадий...

* * *

— Отец! Да иди же сюда! Володя вернулся... А как вырос, загорел... — Мать обняла его голову. — Мальчик мой, у тебя же температура. Быстрее раздевайся! Андрейка, беги к соседям, попроси малинового варенья, у них есть.

Белоголовый мальчишка накинул на плечи шубенку и выскочил в сени. Из комнаты вышел отец с газетой в руке. У него, кажется, прибавилось седин.

— Ну, привет, качканарец! И вправду возмужал. А чего раскис? Накормить бы его сначала, мать, да и по стопочке пропустить. Такой случай...

— Ты отпил свое...

— Понимаешь, Володя, запретили. А ты что, в отпуск? Рановато как будто. Сколько уже живешь на Качканаре?

— Семь месяцев.

— Смотри, как время идет! Ну, отдыхай. Завтра поговорим.

Отец ушел, а Владимир не мог представить, что он завтра скажет отцу. Мать тепло укрыла его. Андрейка подал горя-

чую кружку чая с вареньем и облизнулся.

— Ешь, Андрейка, я не хочу.

— А ты расскажи про Качканар. Нам в школе говорили. Он большой? А медведи там есть?.. А что там будет?

— Комбинат, руду обогащать.

— Как это — обогащать?

— Долго рассказывать. Потом.

Мать еще некоторое время сидела в изголовье и шершавой рукой гладила его волосы.

— Хорошо у вас, мама, покойно, — тихо сказал Владимир.

— Может, приедешь насовсем?

«Да я вот и приехал», — подумал Владимир. И его вновь охватила тоска.

Утром вся семья Тимкиных собралась за столом. Только Андрейка умчался в школу. Пришел с работы старший брат Михаил, недавно демобилизовавшийся из армии.

— Как жизнь, качканарец? А я думал, не махнуть ли к тебе?

— Ты объясни, что за комбинат вы строите? — спросил отец.

Стараясь не выдать волнения, Владимир стал рассказывать. И чем дальше он говорил, тем тревожней становилось на душе. Покинуть такую стройку! Почему так случилось, что именно Тараканов затмил ему все? Ведь он видел сотни счастливых ребят. Да разве и сам он не работал с радостью и упоением, когда дел было по горло? В такие дни он с особенным удовольствием снимал проселенную потом рубашку и блаженно плескал на себя воду...

Отец смотрел на пылающее больным румянцем лицо сына и смутно улавливал за словами рассказа тревогу и волнение.

— А ты не разочаровался? — вдруг спросил отец.

— Нет.

— А я где-то читал, что разочарование — свойство слабых, — отец вышел из-за стола. Владимир, не поднимая головы, грустно признался:

— Уехал я с Качканара, насовсем...

* * *

А сердце осталось там... Бывает, споткнешься где-нибудь и придумаешь себе оправдание. Успокоишься. Но сердце не обманешь. Оно стучит тревожно день и ночь. Сложная эта штука — сердце...

По утрам Владимир включал радио, и диктор читал: «Сегодня на Качканаре». Газеты наперебой писали каждый день о жизни и делах строителей. Одно слово «Качканар» вносило в сердце бурю сомнений. Он и не подозревал, что так привязан к стройке. Да, сердце было там...

Отец видел, что происходит с сыном, но разговора больше не начинал. Казалось, он предоставил Владимиру все решить самостоятельно. Только однажды сказал:

— Есть мудрые слова: береги честь смолоду!

Нетрудно было догадаться, чего он хотел.

Думал... Чтобы больше не колебаться, поступил на завод слесарем. Все, что бы ни делал, невольно сравнивал с прежней работой: «Нет, на Качканаре иначе».

И тосковал. Ночью снился грохот, шум компрессоров, даже Тараканов с его неизменной синей папкой...

Однажды к нему подошел комсорг:

— На комсомольский учет когда встанешь? — Владимир отшатнулся, ответил что-то невразумительное.

Дома его ждало письмо. На штемпеле — «Качканар». Писал Аркадий: «Новостей много. Ты, наверное, порадуешься. Сначала — сняли Тараканова. Только ты уехал, ребята пошли в партком. Там разобрались. На собрании рассказали, как случилось с тобой. Тараканов грозил, кричал, но его все-таки сняли. Теперь ходит почему-то с красной папкой. А работаем мы арматурщиками на заводе стройматериалов. Знаешь, наша любимая работа, да и заработок приличный. Может, приедешь, Воля? О тебе помнят. Правда, ругают. Говорят — струсил. А ты приезжай».

Владимир расстегнул ворот рубашки, чтобы легче дышалось. Он снова и снова перечитывал бесхитростные строки. Лицо горело, словно свежий ветер отхлестал его своими ручищами...

* * *

Прошел год. Недавно я снова побывал на Качканаре. Встретил и Владимира. Он работает бригадиром арматурщиков. Женится. Вспоминает о старом неохотно. А когда узнал, что я хочу написать о его судьбе, просил не упоминать фамилию.

По Великой Программе

Урал — край больших масштабов. Что ни завод — то гигант. Сегодня мы расскажем лишь об одной челябинской новостройке, которая дала первую продукцию в канун Нового года — первого года Великой Программы партии.

Вот он, могучий стан «2300» на Челябинском металлургическом заводе. Около пульта управления универсальной клетки стана — оператор Г. Крупницкий (на снимке слева) и вальцовщик-инженер В. Маркович.

Вальцовщик-инженер — это ли не показатель высокой культуры труда, замечательной технической оснащенности стана-гиганта! В его производственный комплекс входит больше тысячи объектов. Достаточно привести такую деталь: чтобы ввести стан в действие, понадобилось проложить 113,5 километра трубопроводов для подачи воды, пара, газа, сжатого воздуха.

Миллионы тонн нержавеющей стальных листов выдаст новый мощный стан. И ни на одном участке к металлу не будет прикасаться рука человека. Всеми процессами управляют механизмы и контрольно-измерительные приборы. По оснащенности техникой и объему выпускаемой продукции стан «2300» не имеет равных в стране.

Пуск стана «2300» совпал со знаменательным событием в жизни страны — открытием XXII съезда партии.

Фото А. Ходова

Конфуз кунст-мастера

Чугунная плита лежит в траве. Она засыпана сухими листьями, покрыта изумрудно-зелеными лишайниками. Плита старая.

Смел весь сор и вижу надпись, отлитую полтора года назад: «На месте сем погребено тело умершего унтер-шихтмейстера Федора Граля рождением саксонской нации кунст-машинного мастера Иоганн Граля сына, который на Екатеринбургские золотые промысла в службу вступил по

именному его императорского величества повелению 1800 года генваря 2-го.

Родился 1776 года июня 2-го, скончался 1806 г. августа 20-го на 30-м году и 3 неделях от рождения своего».

Саксонцы в Березовске? Ничего удивительного. В те времена иностранцев было достаточно, особенно в горном деле. Они считались большими специалистами.

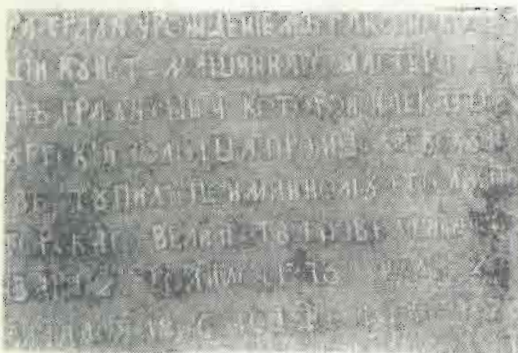
Совсем недавно я читал книгу М. А. Горловского и А. Н. Пятницкого «Из истории рабочего движения на Урале» и нашел такие строки: «В числе иноземных механиков, приглашаемых И. Германом (начальником екатеринбургских горных заводов), попадали нередко люди, не имевшие знаний в области механики, а порой просто проходимцы». Дальше авторы рассказывают о том, как по поручению Германа «специалист» Иберфельд с 1806 по 1813 год строил для Березовских золотых приисков паровую машину. Обошлась она в 11 тысяч рублей, но «по неправильности составных частей в надлежащее

действие не пошла». Тут же я повстречался со своим старым знакомым — мастером Гралем. «Немного ранее Иберфельда так же неудачно строил на тех же Березовских золотых приисках коннодействующую водоотливную машину другой иноземец, кунст-машинный мастер Граль». Он тоже оконфузился: «За невозможностью отлить сильный приток, машина Граля отставлена без действия». И хотя вступил в службу этот Граль «по его императорского величества повелению», пользы от него на приисках не дождался.

А в это время крепостные механики и мастера в 1799 году построили на Гумешевском руднике уральскую паровую машину. Тагильчанин Е. Г. Кузнецов пустил свои машины — катальную и для резки железа. В 1815 году паровые машины собственной конструкции строил для заводов Верх-Исетского округа техник А. Вяткин.

Эти люди развивали русскую технику во славу России, а не имя длинного рубля и иноземного чванства, как саксонский кунст-машинный мастер Граль.

НИКОЛАЙ ХРУЩЕВ

КАК, ЧТО, ПОЧЕМУ? БЛОКНОТ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ СОВЕТЫ СЛЕДОПЫТЫ

Гость из Южной Америки

У меня есть комнатный цветок. Листья у него продолговатые, широкие. Цветет он дважды, зимой, в январе и в феврале. К кому бы я ни обращался, никто не мог определить, что это за растение.

М. Шкляр.

Отвечает кандидат биологических наук В. В. Тарчевский

На фотографии — редкое комнатное растение: амазонская лилия, или зухарис, что в переводе с греческого означает: «весьма изящный». Родом оно из тропиков Южной Америки.

Это растение в культуре появилось сравнительно недавно. Весьма привлекательны его темно-зеленые широкие листья, у основания немного сердцевидные, которые сидят на длинных черешках,

выходящих из луковицы. Амазонская лилия цветет два раза в год. Из старых луковиц появляются длинные цветоносы с чи-

сто-белыми красивыми, вниз обращенными цветами. Они очень похожи на цветы нарцисса, но более изящны. В период цветения помещение наполняется удивительно нежным и приятным запахом.

Амазонская лилия сейчас широко распространяется в комнатном цветоводстве, так как равных ей по красоте цветов и запаху среди луковичных растений нет.

Конкурент соли

Можно ли поверить, что человек за год съедает несколько килограммов металла? А это так.

Поваренная соль состоит из металла натрия, который горит даже в воде, и хлора — одного из ядовитейших газов. Для взрослого человека, живущего в умеренном климате, в сутки требуется 15—20 граммов соли, в год —

Олень Максим

Впервые мне довелось побывать на Приполярном Урале в 1960 году. Чум у манси, пастухов колхоза имени Жданова, стоял на берегу горной речки Кожемя. В ее долине тогда паслось более 700 оленей. Мне очень хотелось сфотографировать их. Близко к себе олени не подпускали. Пастух Никита Гындыбин подгонял ко мне животных, но олени пронюхали стрелой, красиво положив длинные ветвистые рога на спины. Только один не испугался. Он подошел, остановился, высоко поднял голову, будто позируя. Торопливо делаю кадр за кадром. Его изображение уже не входит в объектив.

Наконец, олень так махнул своими длинными рогами, что я, прижимая «ФЭД», упал в кусты.

— Курла-а!.. Это Максим. Максим один такой, — отогнав оленя, подбежал ко мне Гындыбин.

Вечером, когда мы сидели в чуме, Максим зашел к нам и сразу

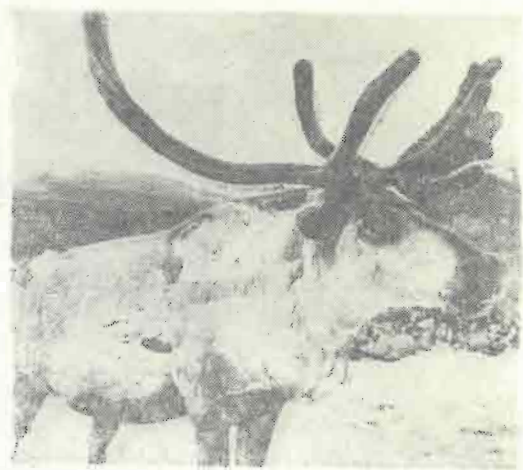
же потянулся к столику. Получив кусок лепешки, вышел.

В прошлом году я снова побывал у оленеводов Приполярного Урала. Встретился с Максимом. В кармане куртки у меня был кусок хлеба, и я подал его своему старому другу. Он, не торопясь, взял его с ладони, съел и стал обнюхивать мои карманы. Фотографироваться на сей раз он не захотел.

— Максим самый сильный и самый смелый, — сказал Василий Гындыбин и рассказал интересную историю.

В стадо повадились два волка. Они зарезали несколько оленей. Одного хищника отравили, посыпав стрихнином убитого волка-ми оленя. Второго долго не могли уничтожить.

Как-то под вечер Василий в бинокль увидел волка, пробирающегося к стаду. Пастух подошел к упряжке оленей, взял за повод Максима и спрятался за него с боевым карабином. Хищник приближался. Мимо упряжки стрелой пронеслось все стадо, сшибая и перевертывая оленят. Один Максим стоял, не шелохнувшись. Ко-

гда волк был в 25 метрах от Василия, пастух спустил курок и убил хищника наповал.

— Максим помог, — закончил свой рассказ Василий.

Г. ГРИГОРЬЕВ

НАХОДКИ. ОТКРЫТИЯ. КАК, ЧТО, ПОЧЕМУ? БЛОКНОТ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ. СО

больше 6 килограммов. В этом количестве содержится примерно 2,5 килограмма натрия.

По твердости соль не уступает каменному углю, антрациту, но ее легко размывает вода. С помощью поваренной соли можно заморозить мороженое и растопить снег, лед. Она способна сохранять пищевые продукты от порчи и убивать растения. Ее применяют для отбеливания тканей и при дублении кож.

Но, пожалуй, самое интересное, что у известной всем поваренной соли появился конкурент. Недавно в Совете Министров РСФСР состоялась пресс-конференция — обед, на котором дегустировались блюда, приготовленные из кукурузы. «...Даже соль на этом обеде, — писали корреспонденты, — заменила соль глютаминовой кислоты, добываемая из кукурузы. Она не только «солит», но и улучшает вкус пищи».

Ю. РЯБОВ

Река построила мостовую

Летом 1961 года мы спускались на лодках по реке Чусовой. В один из вечеров наши лодки причалили к пологому берегу, заросшему редкой травой, километрах в трех ниже устья реки Сыльвицы. Дежурный по лагерю осматрелся и удивленно свистнул: «Да тут не галечник, а каменная мостовая!»

Действительно, весь берег был устлан плоскими известняковыми

плитами до 50—70 сантиметров в поперечнике. В промежутках между ними виднелись плитки поменьше и гальки с плоской верхней стороной. На поверхности камней — многочисленные, отчетливо заметные борозды, направленные вдоль берега.

Стали мы выворачивать крупные камни, чтобы устроить сиденья, и оказалось, что это вовсе не плиты: только верхняя сторона камней плоская, а все остальные неровные или немного закругленные. Кто создал эту мостовую?

Оказалось, что сама Чусовая. Во время весенних паводков река заливает берег, катит гальки и валуны и, ударяя ими о камни, лежащие на дне, скалывает острые углы, оставляет борозды и в конце-концов срезает выступающие части вровень с поверхностью берегового склона. Получается неплохая каменная мостовая, как на городских улицах.

В. ЛУКИН

ВЕСОМАЯ «НЕВЕСОМОСТЬ»

— На семилетку, на коммунизм работает и невесомость,— шутят в городе башкирских нефтехимиков Салавате. Как во всякой шутке, здесь есть доля правды. Речь идет об использовании летучих, «невесомых» газов, выделяющихся при перегонке нефти. Химия готовит из них настоящие чудо-продукты.

Какие? Вот один из них: карбамид. Что это такое? О нем рассказывают плакаты во всех четырех новых корпусах нефтехимического комбината: «Карбамид — это хлеб», «Карбамид — это молоко, мясо, масло».

Начальник нового комплекса Николай Данилович Костюк охотно расшифровывает все до тонкостей:

— Наше азотистое удобрение дает такую прибавку к урожаю, что за

1962 год мы как бы подарим стране десять миллионов пудов пшеницы.

Но мощности по карбамиду только разворачиваются. К концу семилетки город Салават будет одним из крупных поставщиков этой продукции в Советском Союзе.

Ну, а почему на плакатах упоминается мясо, молоко, масло? Ответ прост: карбамид с удовольствием едят коровы, овцы, свиньи. Это — корм сказочной силы. Подсчитано, что один килограмм его заменяет двадцать два килограмма овса, или двадцать килограммов картофеля. Так-то газ и преобразуется в продукты питания.

Мы беседуем с Николаем Даниловичем и открываем все более любопытные грани карбамида. Оказывается, в нем прямо заинтересованы все.

Например, зубная паста, чуть-чуть обогащенная этим чудесным веществом, делает зубы белоснежными. Карбамид улучшает качество пластмасс и тканей. Словом, ждут его многие, многие предприятия.

Возможно поэтому так торжественно горд начальник смены, техник Келарев, которому выпало дать первый карбамид. В дни работы XXII съезда партии его смена впервые получила несколько сот

Есть ли ноги у змей?

Летом, когда мы ходим в лес за ягодами или грибами, то часто встречаем змей. Однажды на сенокосе в Кировградском районе Свердловской области, на берегу речки Пачка, я переворачивал

граблями валки кошенины. Вдруг увидел змею и убил ее. Мы с братьями стали ее рассматривать. К нашему удивлению, змея оказалась с ногами; несколько пар розовых лапок были расположены на расстоянии 7—8 сантиметров друг от друга. Змея тонкая, черного цвета, полуметровой длины.

Когда мы сказали об этом отцу, он несколько не удивился и сказал: «Я, ребята, раньше встречал таких змей, с ногами».

Иногда люди говорят: «Не увидишь, как у змей ног». Так ли это?

А некоторые люди считают, что черная и тонкая змея — самая ядовитая. И еще один вопрос: правда ли, что где много змей, там много и золота?

Очень прошу ответить на мои вопросы.

Коля ГАРЕНСКИХ,
ученик 5-го класса
поселка Левиха.

Отвечает кандидат биологических наук Павлиннин.

ДОРОГОЙ КОЛЯ!

Твое сообщение противоречит всем данным зоологической науки. Давно и точно установлено, что ног у змей нет.

Среди современных змей есть семейство ложноногих змей, у которых рудименты (остатки) задних конечностей нередко выдаются в форме коготков по бокам клоакальной щели. Но рудиментов бывает всего два, и они имеют форму коготков, а не ног. К тому же, эти змеи обитают далеко от нашего Урала — в Америке, юго-восточной, южной и центральной Азии, Африке.

Если даже допустить на минуточку, что ты встретил змею с ата-

килограммов ма-
леньких кристаллов,
похожих на сахар-
ную пудру. В Сала-
вате забилось еще
одно индустриаль-
ное сердце.

С. СУХОВ

Творцы «весомой не-
весомости» (слева на-
право): слесарь Туря-
бай Халнуллин, аппа-
ратчица Роза Куяшова,
слесарь Аркадий Бока-
рев, помощник аппара-
тчицы Мария Тимофеева.

Фото Ю. Каплуна.

вистическими (предковыми) при-
знаками, то и это не поможет
установить истину, так как у
далеких предков змей было
только две пары конечностей, как
у современных черепах, ящериц,
крокодилов. (У некоторых ящериц
конечностей нет. Один вид безно-
гой ящерицы есть и у нас на
Урале — это веретенница). Уче-
ным известно много фактов, ког-
да у родившегося животного об-
наруживается признак (или при-
знаки), которые имелись у его
предков. Но объяснить появле-
ние нескольких пар ног у взрос-
лых змей, предки которых имели
всего две пары, невозможно.

Жаль, конечно, что тебе не уда-
лось ни сохранить, ни хотя бы
сфотографировать такую змею.
Науке нужны факты и только
факты. В следующий раз, если

еще представится случай встре-
тить такой экземпляр змеи, по-
кажи ее учителю биологии или
сфотографируй.

Второй вопрос: «Правда ли,
что где много змей, там много и
золота?». Иногда это может быть
и так, но совершенно случайно.
Жильное золото находится в гор-
ных породах, добыча его связана
с горными работами, в результа-
те которых происходит накопле-
ние каменных отвалов и россы-
пей. А это создает благоприятные
условия для жизни змей. Вообще
каменистые места благоприят-
ствуют им. В некоторых районах
степного Зауралья тоже есть зо-
лото, но там оно рассеяно в мяг-
ких породах, например, глинах,
поэтому связи между количеством
змей и местами разработок золо-
та здесь нет.

И еще один вопрос: «Правда
ли, что черная и тонкая змея
самая ядовитая?». В пределах
Свердловской области живет три
вида змей: медянка, уж обыкно-
венный и обыкновенная гадюка.
Ядовита только гадюка, хотя ее
яд редко смертелен для челове-
ка. Более тонкая и более темная
чем гадюка — медянка, но она
не ядовита.

Самые опасные змеи, например,
кобры, живут в южных районах
нашей страны и южных странах.
Укусы некоторых из них почти
всегда смертельны.

От укуса самой крупной ядови-
той змеи — королевской кобры —
человек умирает через три-че-
тыре минуты, если пострадавшему
не ввести своевременно антимеч-
ную сыворотку.

ПЕРЕХОДЯЩИЙ ПРИЗ — КРАСНОТУРЬИНЦАМ

Решением редколлегии «Уральского следопыта» приз журнала за 1961 год присужден краснотурьинскому клубу «Следопыт».

В песне краснотурьинских следопытов есть такие слова:

*Если хочешь стать героем
И мечтаешь о Луне,—
Не спиши! Давай откроем
Все секреты на Земле!*

Пятьдесят школьников, членов туристско-краеведческого клуба, открывают эти секреты. На их счету много интересных дел, и главное — создание городского краеведческого музея к 40-летию пионерской организации имени В. И. Ленина.

Вначале мало кто верил, что ребята сумеют «на голом месте» за два года создать музей. Уж слишком нелегка была задача, а исполнители ее слишком молоды. Но следопыты настойчиво шли к цели. Они разыскивали реликвии прошлого, записывали рассказы о старине, читали книги по краеведению.

Запаслись актами на право приемки исторических ценностей (в этом помогли городские организации), и старожилы стали отдавать в музей дорогие семейные реликвии. Среди них — зеркало, в котором большевики-подпольщики хранили «Коммунистический манифест» и другую подпольную литературу, 13 редких фотографий Л. Н. Толстого, приговор царской полиции над участниками первомайской демонстрации в 1907 году, свечной шахтерский светильник и другие экспонаты.

А тут возникли новые проблемы. Передавая ребятам фотографии и экспонаты, краснотурьинцы рассказывали удивительные истории, делились воспоминаниями о незабываемых событиях. Зачастую эти рассказы не имели прямого отношения к вписанным в приемный акт реликвиям. Как же быть? И появилась новая идея: к 50-летию Советской власти собрать материалы для исторического сборника о героях-земляках. Создали новую секцию — литераторов.

Дела в клубе пошли еще успешнее. Историки дополнили свои находки гектографом и печатной машиной подпольной типографии Турьинской организации РСДРП, фотографиями руководителей и организаторов большевистского подполья, а литераторы записывали рассказы о революционном движении в период 1905—1907 годов, собирали публиковавшиеся ранее в газетах заметки о становлении Советской власти на Северном Урале.

В канун XXII съезда партии следопыты открыли музей-выставку, рассказавшую об истории городской партийной организации за период от III съезда РСДРП, на котором в числе двадцати четырех делегатов был земляк следопыта — Андреян (Ян) Сергеев, до XXII съезда КПСС — съезда строителей коммунизма.

За год существования следопытского клуба проведено три похода и две комплексные экспедиции по северным районам Свердловской области. Наиболее успешной была двухмесячная экспедиция «По малой северной орбите», названная так потому, что путь похода, нанесенный на карту, был схожим с орбитой полета космических кораблей.

За время похода кинолюбители засняли более трехсот метров цветной киноплёнки, историки приняли в музей экземпляр второй программы партии, выпущенный Екатеринбургским агентством «Центропечать», избирательные бюллетени по выборам делегатов в Учредительное собрание и другие ценные материалы и документы.

Не подвели в походе и геологи: в музейной коллекции появилось двадцать образцов минералов, среди которых есть золото, платина и горный хрусталь. Находка горного хрусталя оценена геологами Турьинской разведывательной партии как открытие, и подана заявка на новое месторождение этого полезного ископаемого.

Ребята ведут большую работу по охране природы. В «Уральском следопыте» не раз печатались выступления краснотурьинцев — нашего коллективного корреспондента. Сегодня мы публикуем рассказы ребят о своих делах и фотографии к ним Н. Белянкина.

1. МАЛ ЗОЛОТНИК, ДА ДОРОГ

За два месяца летней экспедиции геологи нашего клуба настойчиво искали месторождения золота в Какве и Турье, в Вагране и его притоках, в Сосьве и Ивделе, в Волчанке и Посьме и десятке других безвестных речушек. Но нашли золото лишь в одном малюсеньком ручейке, недалеко от Краснотурьинска. Несколько крупинок, но все же нашли и тут же побсжали к геологам Турьинской партии.

Главный геолог партии Георгий Львович Гомберг спросил, где намыли шлихи. Назвали место. Оказалось, что это месторождение давно известно геологам.

— Не горюйте, ребята, — стал нас подбадривать Георгий Львович. — Недаром в народе говорят: «Мал золотник, да дорог!» Будете искать — обязательно найдете не золотник, а целую кладовую.

Продолжая экспедиционный поход по орбите, мы добрались до хребта Хоза-Тумп, что означает «Длинная Гора». Здесь, выбирая место для лагеря, наши геологи Валя Бочарова и Толя Болкичев заметили выходы матового кварца. Известно, что там, где увидишь молочный кварц, следует искать рудное золото. Поэтому находка Вали и Толи нас очень обрадовала.

Утром следующего дня мы вскрывали дерн на вершине хребта, взорочали глыбы гранита и сланца, обследовали кварцевые обнажения. В одном из сколов молочного кварца Валя Бочарова заметила двухсантиметровую раковину, заполненную, по ее определению, магнетитом и мелкими желтыми крупинками золота. Но детальное обследование не подтвердило Валино предположение:

магнетит действительно был, зато желтые кристаллы оказались обыкновенным пиритом.

После завтрака Валя удалила из раковины магнетит и пирит и заглянула в нее через лупу. В очищенной раковине она нашла прозрачный, чистый, как капля морской воды, кристалл горного хрусталя!

За два дня нам удалось обследовать более двух километров восточного склона горы. За это время мы пробили десять шурфов, перевернули бесчисленное количество массивных глыб кварца и сланца. Золото, к сожалению, найти не удалось, зато горный хрусталь, которого недоставало в нашей клубной коллекции, у нас оказался в избытке.

Позднее нашу находку оценили геологи и помогли составить заявку на открываемое нами месторождение полезного ископаемого.

Л. МАТРОСОВА, историк клуба

2. ЭТО ВОЗМУТИТЕЛЬНО!

— Нет, что ни говорите, а здешние места во многом схожи с нашими, каквинскими!— стояла на своем Светлана.

В это время к костру подошел Витя Кургузов.

— Не спорьте, ребята, Света права!— сказал он.

— А ты докажи!

— Доказать? Пойдемте — убедитесь.

Продолжая отстаивать каждый свое, мы вышли на лесную дорогу.

— Смотрите!— показал Витя на сосну, на стволе которой вместо зелени торчали сучки-кульяпки.

— А теперь сюда!— Витя подвел нас к огромному изуродованному дереву.

— Точь-в-точь, как у Синих Скал на Какве!— согласился Толя Болкичев.

Этот разговор, происходивший в самом начале похода под Верхотурьем, можно было бы не вспоминать, если бы мы не столкнулись с новыми возмутительными фактами безобразного отношения к природе.

Летом в журнале «Уральский следопыт» мы писали о нерадивом отношении ивдельчан к зеленым насаждениям, в ча-

стности, о столетнем тополе, израненном гвоздями: к дереву прибивали объявления.

Добравшись до Ивделя, решили проверить, изменилось ли что-нибудь. Ничуть не бывало. На тополе до сих пор висит огромная доска с надписью, призывающей беречь лес от пожаров. К ней прибавилось множество других объявлений.

Здесь все так же продолжают уродовать кедры.

А как берегут ивдельчане «зеленое золото» в десяти, пятидесяти километрах от города? Никак. Кому вздумается, тот там и рубит любое дерево, в любую пору.

Вот, к примеру, как выглядит узкоколейная дорога от поселка Каменка до лесосеки, где идет заготовка лесоматериала. По обе стороны полотна стоят изуродованные сосны, березы, кедры, лиственницы. Реже видны следы жадных рук шишкарей — срубленные под корень кедры.

Спилить кедр ради килограмма орехов, обрубить еловые ветки для подстилки во время ночевки — преступление.

В верховьях реки Ивдель есть живописнейшее место — Крутой Увал. Скалистые берега, неугомонное пение птиц, холодная, прозрачная, как хрусталь, речная вода и старухи-сосны с крохотными шапками зелени на самой макушке.

Туристы «украсили» Крутой Увал множеством автографов. Рядом с примитивным столом, сделанным из срубленных деревьев, — красавица сосна, на ее стволе надпись:

УЛТИ
17/10—1955

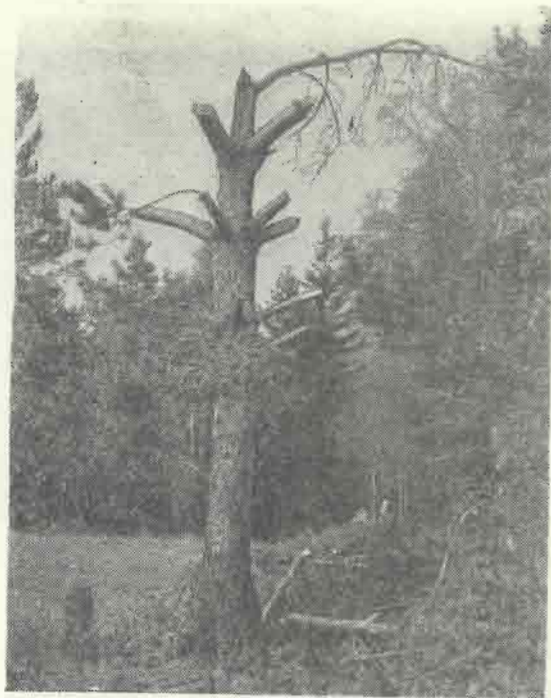
По буквам можно догадаться, что их вырезали студенты Уральского лесотехнического института. Быть может, кто-то из них, приехав с дипломом в Ивдель, приказал прибить щит на тополе около кинотеатра?

А вот другая надпись, с ошибкой:

ИВДАЛЬ
АТХ — 1961 г.

Вместо того, чтобы на Крутом Увале оставить табличку, призывающую беречь красоту родных мест, ивдельские туристы решили увековечить свое бескультурье.

А коль уж хозяева края позволяют себе это, надо ли говорить о сормовичах, ленинградцах, студентах «МЭИ» и «МАИ», авторах надписей: «МИСИ»,

«ТПТИ», «ДЭТГ», и людях, пожелавших вписать свои имена, не скрываясь под сокращенными названиями своих учреждений и учебных заведений?

Да, надо! Надо строго судить каждого, кто поднимет руку, чтобы вырезать на стволе свою фамилию, как это сделали Т. В. Гадилева и Н. В. Беспалов, отдыхая на Крутом Увале 8 сентября 1959 года!

Л. ЗАВАРЗИНА, историк и ботаник клуба

3. ОБРАЗОВАНИЕ ДВУХДНЕВНОЕ

Погожим июльским утром в поселок Старая Сосьва прибыл следопытский отряд краснотурьинских школьников. В блокнотах не было ни одного адреса, ни одной фамилии, куда бы можно пойти, встретиться и побеседовать, спросить о поселке, о людях. Поэтому ребята останавливали прохожих и объясняли им:

— Мы следопыты. Собираем материал и экспонаты по истории партийных организаций края. Посоветуйте, пожалуйста, у кого можно узнать о жизни сосвинских коммунистов.

Незнакомые люди предлагали:

— Сходите к Лукьяну Ивановичу Корелину. Он живет в двухэтажном доме по улице Левина...

— Обязательно побеседуйте с Бахаревым. Он, кстати, ваш земляк. Александр Михайлович самый старый из наших сосвинских коммунистов!

— На улице Балдина, около почты, живет партизан гражданской войны Михаил Александрович Куфтырев.

...Тепло встретил гостей Александр Михайлович Бахарев:

— Из Краснотурьинска, говорите? Значит, земляки! Мне очень приятно побеседовать с вами.

Ребята сели на ступеньки крыльца.

— Чьи же вы будете? — спросил он. — Местные, турьинские или приезжие?

— Мы с Людой коренные краснотурьинцы. Она Матросова, а я Котов, — ответил Саша.

— Котовых знаю! С одним из Кото-

вых, — правда, его уже нет, погиб парень, — мы вместе учились в школе. По два дня церковно-приходской школы окончили...

— Почему же так мало?

— А вот почему... На девятом году жизни, как-то под вечер, отец позвал меня к себе и говорит: «Ну, Санушко, тебе в школу пора. Я уже говорил со священником, примут...»

Пришла осень, мать сшила холстинную сумку, почему-то всплакнула и проводила меня из избы обычными для тех времен словами: «Иди с богом!»

Во второй день учебы, — забыл только, по какому случаю — нас заставили петь. Ребята поют, и я тоже. Окончилось песнопение, ко мне подошел поп и говорит:

— Твой голос подходящ для церковного хора. С завтрашнего дня будешь певчим.

На другой день отправился вместо школы в церковь. За несколько минут до начала богослужения меня позвал к себе поп Молоковский и спрашивает:

— Умеешь держать язык за зубами?

— Умею, — отвечаю.

— Держи! — говорит он и протягивает медную монету и порожний шкалик. — Сбегай в лавку, замени порожний шкалик на новый и тихонько, через алтарь, принеси мне.

Взял я шкалик, монету и помчался в лавку, взял водку. Тихонько прошмыгнул в алтарь, пробрался на то место, куда велел Молоковский. Стою и думаю:

зачем священнику понадобилась водка во время богослужения? Тут Молоковский увидел меня, сделал несколько шагов назад. Потом басом пропел что-то старухам, а как только те согнули спины в поклоне, протянул руку в мою сторону:

— Давай сюда!

Шкалик мгновенно исчез в пышной поповской рясе.

Обедня шла своим чередом. Молоковский зычно пел и размашисто крестил то себя, то людей. А прихожане, хором повторив за ним «аминь», клали земные поклоны.

В один из таких моментов поп снова повернулся ко мне, достал уже открытый шкалик и так ловко «опрокинул» его в рот, что не только молящиеся старухи — даже я, стоявший в двух шагах от него, чуть было не прозевал этот неписанный поповский «обряд».

Немного спустя я получил новую монету, пустой шкалик и приказание идти в лавку. В этот день я сделал три таких похода, а на следующий — четыре. Быть на побегушках у попа мне не хотелось, я сказал об этом отцу.

— Что, учиться не хочется?

— Нет, шкалики таскать не хочется!

— Какие шкалики? — спросил удивленный отец.

Выслушав меня, сказал:

— Видно, не про нашего брата, Санушко, школа-то открыта... Лучше быть неграмотным, но человеком, чем грамотным, но Молоковским. Ничего, жизнь научит тебя настоящей грамоте.

Так я и остался до поры до времени с двухдневным образованием.

Вскоре началось строительство Надеждинского завода. Мы переехали на новое место.

Вместе с отцом я пилил лес, корчевал пни. Потом построили завод и стали работать на нем.

Рабочие Надеждинского завода, и особенно большевики-подпольщики, с которыми я познакомился, не только помогли мне стать хорошим мастером кузнечного дела, но и грамоте научили, дали мне Программу партии большевиков, принятую на втором съезде.

Это была первая книга, которую я читал, правда, по слогам.

В 1905 году я стал коммунистом.

А. БОЛКИЧЕВ, историк.

4. БАБКА УЛЬЯНА— СЛЕДОПЫТ

Когда нам в проводники до Янык-Чахла предложили женщину-манси, бабушку Ульяну, все невольно заулыбались, а кто-то спросил, сколько ей лет.

Отвечая нашей переводчице, бабушка Ульяна по-стариковски хитро прищурилась:

— Ульяна Еремеевна уже не помнит, сколько ей лет. То ли перевалило за сто, то ли семьдесят пять.

Но в пути мы очень скоро убедились, что Ульяна Еремеевна может соревноваться с нами в ходьбе.

Никакой оленьей дороги бабушка Ульяна не признает. Она ходит напрямик, лесом, не страшась ни завалов, ни болотистых мест.

Шла она обычно сзади всех, изредка что-то кричала нам и показывала палкой направление. А через каждые пятьдесят минут, как по хронометру, снимала со спины крошню, останавливалась и во весь голос кричала:

— Э-э! Отдыхай надо!

Сядем в кружок отдыхать,— что-то рассказывает, хохочет, показывает палкой в сторону солнца и снова хохочет. Словом, наша проводница была очень веселым человеком.

Зато на второй день, когда мы уже изрядно устали, а по расчетам должны были прийти на Янык-Чахл, бабкин смех нас серьезно встревожил. А она, мобилизовав все свои знания русского языка, сказала нам в утешение:

— Янык-Чахл немножко талеко!—

надела лямки крошней и махнула палкой на запад, что означало: пора в путь.

Спустя часа два лес стал редеть, и мы увидели, наконец, заветную вершину.

Бахтияров, наш постоянный проводник, рассказал, что Ульяна Еремеевна — самый лучший проводник в этих местах. Она старше всех жителей края, но никогда не сидит на месте. Погостит у родственников неделю-две и без карты, без компаса уходит в новые места за сто, двести километров.

*В. БОЧАРОВ, геолог
В. СКУЛОВ, географ*

5. ТРОФЕЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Летом несколько дней мы провели на берегу реки Актай. Приехали сюда не случайно. Директор Серовского краеведческого музея В. Н. Лузянина рассказала нам о героизме красногвардейских отрядов, отважно сражавшихся с белобандитами на Актае в первые годы Советской власти.

— Постарайтесь разыскать какие-нибудь «трофеи»,— посоветовала нам Вера Николаевна.

В одной из верхотурских деревень мы

встретили Х. И. Малыгина — партизана гражданской войны. С его помощью установили, где были огневые точки белогвардейцев, наиболее вероятные места, куда обрушивали огонь красногвардейские пушки.

Люда Заварзина и Толя Болкичев заметили рядом со старой огневой точкой пень дерева, сломанного прямым попаданием снаряда. Около него нашли пятисантиметровый осколок.

Вечером в гости к нам пришли верхо-

турские школьники. С их помощью в следующие два дня мы раскопали два снаряда, ручную гранату без запала, ствол пулемета с английским клеймом, три винтовочных патрона немецкого производства и ствол русской трехлинейки. Верхотурские пионеры помогли нам нанести на современную карту линию обороны красногвардейцев, огневые точки, блиндажи и другие укрепления колчаковцев.

М. ПЕТРОВЫХ, капитан второго отряда

6. НЕОБЫЧНЫЙ БАГАЖ

Багаж, отправленный нами из Верхотурья, был действительно необыкновенным. В вагоне вместе с чемоданами, тюками и самыми разнообразными свертками — массивная, окованная железом дверь весом в сто два килограмма!

Воронцовские железнодорожники, куда прибыла эта тюремная дверь, были удивлены до предела:

— Кому потребовалась такая машина? — в недоумении спрашивали они друг друга, читая бирку.

Узнав, что отправитель необычной клади — мы, а получатель — Дворец культуры строителей, удивлялись еще больше:

— Для Дворца культуры — тюремная дверь?.. Не иначе, как недоразумение какое-то!

Но никакого недоразумения здесь не было. Эту тюремную дверь с ручной кузнечной клепкой, самодельными болтами и гайками сняли в камере-одиночке бывшей Верхотурской тюрьмы. В ее стенах томились революционеры нашего края, а среди них и краснотурьянские горняки. Нам удалось установить, что в тюремной камере-одиночке, дверь которой мы отправили в музей, подвергались пыткам Г. В. Суворов, С. А. Семенов, А. В. Постников, Д. П. Тумашев, арестованные после разгона первомайской демонстрации в 1907 году. Одного из узников «камеры пыток» — Григория Васильевича Суворова мы отыскали в Ленинградской области. Он прислал нам письмо. Дополняя рассказ Суворова

воспоминаниями других участников революционного движения, нам удалось узнать новую историю, связанную с Верхотурской тюрьмой.

В годы, когда на Северном Урале хозяйничали бандиты колчаковского прислужника князя Вяземского, многие верные сыны нашей партии были схвачены белобандитами, заточены за массивные тюремные двери и зверски истерзаны в камере-одиночке.

3 декабря 1918 года наш земляк, коммунист Дмитрий Иванович Пушкарев пришел по приглашению брата Анатолия Ивановича на семейный вечер. Неизвестно, как узнали об этом колчаковцы, схватили Пушкарева и в эту же ночь отправили его в Верхотурье.

Палачи всеми силами старались выведать у него имена товарищей. Дмитрий Иванович наотрез отказался отвечать белогвардейцам.

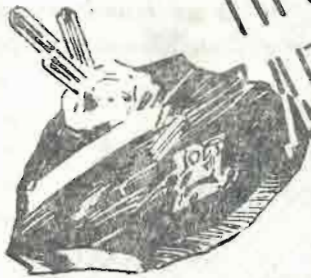
Долго, но безрезультатно пытали коммунистов колчаковцы (с Д. И. Пушкаревым был второй узник, имя которого нам еще не удалось узнать). Их стойкость довела бандитов до звериного бешенства. Привязав обессилевшие тела, они стали отрубать шашками пальцы на руках и ногах, потом зарубили героев.

Обо всем этом и расскажет экскурсовод Народного краеведческого музея посетителям, остановившимся в молчании около мрачной тюремной двери.

Э. СЕРГЕЕВА, И. СТАРЦЕВА, историки клуба

«Наши лесные, рыбные и иные природные ресурсы — великое национальное богатство. Идя к коммунизму, мы должны заботливо охранять природу, разумно, по-хозяйски пользоваться ее ресурсами, восстанавливать и умножать природные богатства наших лесов, рек и морей».

(Из доклада Н. С. Хрущева
на XXII съезде КПСС)

ПРИЗ «СЛЕДОПЫТА» ДЕНЬ СЛЕДОПЫТА

«Уральский следопыт» уже три раза вручал свой переходящий приз лучшему отряду следопытов нашего края. В борьбу за него с каждым годом включается все больше и больше коллективов: ведь приз — это признание ценности твоей следопытской деятельности за год, значимости ее для дела строительства коммунизма. Среди претендентов на приз — школьные коллективы, следопытские клубы и общества, кружки при дворцах пионеров. Но в последнее время к их числу прикнули также и туристские группы студентов вузов и техникумов, школ и училищ трудовых резервов, молодые рабочие.

Как быть? — задумались мы в редакции. Отказать им в праве на соревнование за приз будет неверно. Разве можно отказать молодому человеку в желании стать следопытом только потому, что он вышел из школьного возраста? Но тогда условия соревнования будут неравными — младший не всегда сможет сделать то же, что старший.

Поэтому с Нового года будут присуждаться

ДВА ПРИЗА «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА».

Один для ребят школьного возраста, другой — для тех, кто постарше.

Основным в оценке достижений как той, так и другой категории следопытских групп будет по-прежнему ответ на вопрос —

ЧЕМ ТЫ ПОМОГ СЕМИЛЕТКЕ?

Какие открытия и полезные находки сделаны группой? Какими значительными общественно полезными делами ознаменован был ее туристский поход?

Одни — открыли месторождение песка, глины или руды, которые очень необходимы новому строительству. Другие — развели дорогу к труднодоступному научному объекту в малоисследо-

ванном районе. Третьи — выявили объекты охраны природы в своем районе и помогли обеспечить надежную охрану их. Четвертые — тщательно обследовали и изучили какую-то реку и выявили возможности ее полезного освоения. Пятые — составили карту почв района и тем самым помогли колхозам и совхозам лучше использовать свои полевные площади. Шестые — создали большой и красивый показательный парк на радость и пользу своим землякам. Седьмые... да разве перечислишь все то хорошее, что могут сделать следопыты на пользу родной стране, в какой форме внесут они свой вклад в семилетку, в строительство коммунизма!

Выдвигать следопытскую группу на соискание приза может любая организация, предприятие, учебное заведение, клуб через обком комсомола своей области. Нужно только, чтобы, кроме того, участники группы сами представили интересное описание своих открытий, находок, исследований в форме дневника или очерков для опубликования на страницах журнала, сопроводив его альбомом фотографий, рисунков, карт, схем.

Срок выдвижения кандидатов на приз и присылки материалов — до 15 августа.

Присуждать приз по представлению обкомов ВЛКСМ будет специально созданное жюри из представителей комсомола, профсоюзов, Уральского филиала Академии наук, совнархоза, Уральского геологического управления, ученых и краеведческих обществ. А вручать его в одной из областей Урала (каждый год в разной) 25 августа.

Этот день будем считать

ВСЕУРАЛЬСКИМ ДНЕМ СЛЕДОПЫТА.

сделав его традиционным днем отчета следопытов Урала о славных делах текущего года, днем обмена опытом, днем следопытской дружбы.

автра ты поедешь на выставку. Эти слова относились к крупному косматому псу неопределенного серо-бурого цвета, характерного для кавказских овчарок. Могучие животные, они отличаются неукротимостью нрава и той перзобытной злобностью, какая, вероятно, была свойственна первым хищникам, прирученным человеком.

Сегодня на долю Мурада выпало неслыханное внимание: его привели из отары, осмотрели, ощупали, измерили вдоль и поперек. Затем незнакомый человек хлопнул его по загривку: «Хорош!»

Показал бы Мурад ему «хорош», если б тут не было старшего чабана, которому пес привык повиноваться... Чабан улыбнулся, и пес повилял хвостом.

— Куда его теперь? — спросил старший чабан.

— Да пустите в кошару, пусть гуляет до утра.

— А ошейник? — Чабан нерешительно вертел в руках тяжелый железный ошейник с острыми кривыми шипами наружу — не ошейник, а настоящая броня, надежно защищающая шею овчарки. Схватит волк за шею и, напорвшись пастью на шипы, отпустит. Это грозное украшение сняли с Мурада, когда представитель выставки стал обмеривать овчарку.

— Да что его надевать — завтра все равно снимать опять!..

Быстро опустилась бархатная, напоенная запахами чебреца и мяты южная ночь. Сначала скрылись контуры далеких гор, а потом и ряды пирамидальных тополей вдоль дороги. Притихшие овцы

сбились плотной массой в углу кошары — невысокого глинобитного загона.

Темна и тиха ночь, но смотри, чабан, в оба глаза, слушай в оба уха...

В самое темное время, когда, казалось, даже неугомонных цикад стал смаривать сон, подкрались к кошаре голодные волки. Ветерок тянул навстречу им и не позволил псу вовремя зачуять врагов. Невидимые, перемахнули они через загон.

Но не пришлось волкам отведать ба-

ранины. Живая преграда вдруг выросла перед хищниками — Мурад. Не счесть уже, в сколько схваток вступал он с извечными врагами за свою недолгую жизнь. На полном маху сшибался он грудь с грудью с волком, и тот катился по земле со сломанным позвоночником. Беломраморные, крепкие, как лучшая сталь, клыки Мурада смыкались мертвой хваткой на шее волка.

Но сегодня Мураду не удалось даже развернуться, чтоб принять бой, как то подсказывал ему его бойцовский опыт. Он сразу оказался в гуще врагов, они окружили его со всех сторон. Со всех сторон злобно щелкали челюсти, зелеными огоньками вспыхивали глаза. Один против пятерых. И все пятеро одновременно набросились на него.

Напуганные, дрожащие овцы бились в углу кошары, сотрясая хрупкие стены. А в другом конце загона раздавались приглушенные хрипы, злобный вой и снова хрип, лязганье челюстей...

Когда на помощь собаке прибежали люди, один волк бился на земле в предсмертных конвульсиях; другого, подра-

ненного, удалось до-
бить; остальные, пе-
реметнувшись через
ограду загона, рас-
таили в темноте ночи.

А Мурад? Доро-
гой ценой досталась
ему победа. Один
против пятерых. Тут
было впору и хвост
поджать. Но он не
поджал... И теперь
он лежал на сухой
земле, которую ов-
цы утрамбовали так,
что она превратилась
в коричневый
камень. Только сла-
бые вздохи свиде-
тельствовали о том,
что пес еще жив.

Старший чабан
осветил его фона-
рем, ощупал всего
жесткими заботли-
выми руками. Ран
было много, но, вро-
де, ни одной смер-
тельной. Но собака
не поднималась.

Чабан осторожно
приподнял морду
Мурада, подведя под
нее ладонь. Глаза пса были тусклыми,
веки полуприкрыты.

— Видать, жаманули крепко...

— Досталось...

— Еще бы!..

В голосах людей звучали нежность и
сочувствие к погибшему животному.

— Да как они ухайдакали его? Поку-
сы-то — ерунда...

И тут внезапно догадка осенила всех:
Ошейник!.. Надо же... Надо же было
волкам явиться именно в эту ночь, когда
Мурад впервые щеголял без обычного
своего наряда!

Волки не загрызли, они придушили

*Активному автору и другу
нашего журнала писателю Бо-
рису Степановичу Рябинину
исполнилось пятьдесят лет. Бо-
лее четверти века тому назад
он начал выступать в печати с
очерками и рассказами о род-
ном крае — Урале. Старшее
поколение читателей помнит
его интересные краеведческие
материалы, напечатанные на
страницах «Уральского следо-
пыта», выходявшего еще в
1935 году. Особенную популяр-
ность снискали книги Б. С.
Рябинина, посвященные соба-
ке — другу человека, — «Мои
друзья» и «Вы и ваш друг
Рэкс».*

*Редколлегия журнала
«Уральский следопыт» в день
юбилея желает Борису Степа-
новичу здоровья и новых твор-
ческих успехов.*

его, навалились все
скопом и все стара-
лись ущипнуть за не-
защищенную шею.
Измочалили, исхва-
тали, шея была мок-
ра от волчьей слюны.

Лучший пастуший
пес, на выставку хо-
тели отправить...

— Эх! — Только
и смог произнести
старший чабан.

И он хлопнул па-
пахой оземь. Разве
можно было слушать
приезжего город-
ского человека: что
он понимает в таких
делах? Поди, ни еди-
ной ночки не провел
в степи со стадом у
костра, живого вол-
ка в глаза не види-
вал...

Занялся день. Му-
рад все так же ле-
жал. Не умирал и не
жил. Чабаны отходи-
ли и снова приходи-
ли. Кто-нибудь все
время дежурил око-
ло пса.

Он пролежал так до вечера. А потом,
заслышав возвращающуюся с пастбища
отару, вдруг поднял голову, втянул
ноздрями воздух, чихнул, поднялся, ша-
таясь, отряхнулся и отправился лакать
воду из лужи у колодца. Отлежался!

Не только ошейник, но и шея крепка
у пастушьей собаки — мускулистая, твер-
дая; шерсть как войлок. Скоро не про-
кусишь!

— А ведь если б не он, то бы наша
отара... — сказал один из пастухов, про-
вожая собаку взглядом.

И больше к этому не возвращался
никто. В степи не любят говорить много.

К последнему перегону

Поезд прихотливо выстукивает колесами ритм: то разгоняется, то замедляет ход. Вот он летит сломя голову, а вот встал, словно озадаченный. Евгений Нихамкин проснулся, глянул в окно. Там словно бы остался его сон: голубая зимняя сказка — ночь.

Поезд снова тронулся. Покачивается, постукивает вагон — дом Евгения, дом на колесах. Панцирная сетка кровати скрадывает все толчки. Не то, что на деревянной полке. Прямо состояние невесомости. Ребята спят, как в колыбелях. Евгений приподнял голову и обвел взглядом соседние кровати. Не шелохнутся ребята! Отдыхают. Кто его знает, как придется на новом месте. Какое оно, Зауралье, — последний перегон?

Последний перегон... Чтобы завершить электрификацию Великой Сибирской магистрали, сколько переходов надо было осилить! Иркутск — Черемхово. Черемхово — Зима. Зима — Нижнеудинск. Нижнеудинск — Тайшет. Тысячи

километров провода навесили монтажники над знаменитой, нужнейшей дорогой. А рельсы, холодно струясь, все так же улеглись в бесконечную даль. Надо было идти, идти...

Сейчас гудят в той дали мощные электровозы, несут на плечах составы — тяжеловесы. И по всей дороге теперь так: от Москвы до Иркутска. За исключением участка Макушино — Исилькуль. 270 километров, последний перегон. Какое оно, Зауралье?..

Вагон Басалаева

Когда строительно-монтажный поезд пришел в Петухово, его отвели на самые зады. Здесь стоять домам на колесах, здесь жить монтажникам не один месяц.

На новом месте Евгения Нихамкина выбрали комсоргом прорабского участка. Вот тебе и голубой сон! Невысокий, щуплый на вид, Евгений ерошил жесткие черные волосы и недовольно выставлял

вперед осанистый нос. Как радиолокатор, беспокойно ворочалась его крупная круглая голова.

— Ничего, ты жилистый! — шутили ребята.

— Нас не заклюй только, нос-то у тебя ничего...

А Евгений был совсем недоволен. И, главное, тем, что не было работы. Между вагончиками протянулись уже бельевые веревки, жизнь вошла в колею, а работать не начинали. И все потому, что к их приезду не успели установить опоры.

Как-то Евгений заглянул в вагон Басалаева. Возле этого степенного парня чувствуешь себя прочнее и уютнее.

— Значит, заело тебя: работы нет. Заело? — спросил Валентин Басалаев, вычерчивая указательным пальцем круги на раскрытой книге.

— А тебя нет?

— Мне что. Ты у нас вожак, твоей голове и болеть, — невозмутимо ответил Валентин. Евгений, не заметив, как лукаво ухмыльнулся Володя Тисленко, дружок Басалаева и его сосед по вагончику, взъерошился:

— Твоя бригада без работы, и тебе, бригадиру, все равно? Брось заливать! Давай придумаем лучше что-нибудь.

Басалаев отложил книгу, откинулся на спинку кровати и кивнул головой: дескать, давай, Нихамкин, предлагай, а мы оценим. Евгений уверен, что у Валентина есть какая-то идея, только он не торопится ее высказать. Ну и выдержка, ничем его не проймешь. Вспомнил случай перед самым открытием одного из электрифицированных участков на линии Иркутск — Тайшет. Произошла авария, нужно было заново навешивать провода, а буквально через несколько часов должен пройти первый электровоз. В прорыв бросили бригаду Валентина. Фронт работ такой, что больше одной бригады не поставишь. Остальные волей-неволей превратились в болельщиков. Стояли на полотне с часами в руках, волнуясь, высчитывали: успеют — не успеют? А Басалаев вот так же невозмутимо посвистывал и, казалось, не торопился. Тисленко, Прибытко, Яшин, Сулимов — вся бригада словно решила заснуть на проводах. Болельщики подгоняли ребят.

А Валентин будто и не слышал. За десять минут до выхода электровоза с со-

седней станции работа была кончена. Только тогда бригадир снизошел до «болельщиков»:

— Насчет того, что поспешность нужна лишь в специальных случаях, вы, конечно, знаете. Если б мы промашку дали — когда переделывать?

...Тисленко оторвался от книги и спросил Евгения:

— Что будет иметь вагон Басалаева за хорошую мысль?

— Работу!

Мысль оказалась дельной. Пока продолжают устанавливать опоры, развезти материалы по дистанциям, а потом, не тратя времени на погрузку и выгрузку, ускоренно повести монтаж.

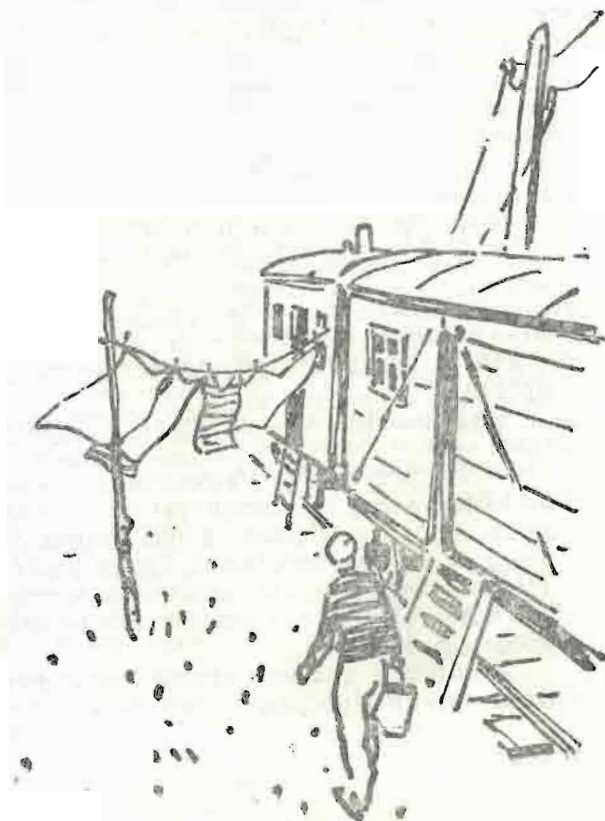
Вечером на собрании так и порешили.

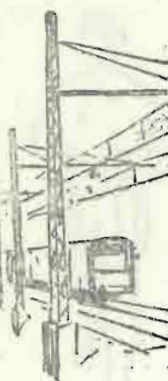

В любую погоду!

Опоры поставлены. Монтаж идет быстро, благо провод, изоляторы — все основные материалы под рукой. Но работать трудно.

Много позже монтажники вслух читали газетную заметку о себе. Читали и улыбались. Автор писал, что вокруг вагончиков ходят медведи и что жизнь у

них, монтажников, полна необыкновенных происшествий и приключений. Насчет медведей — это, конечно, сказки. Насчет происшествий — всякое бывало. Стальные магистрали — не лужайка. Нервы, выдержка, сноровка, — все тут нужно. А самое главное, чтобы душа в работе не робела.

Внизу остановился длинный товарный состав. Сверху видно, сколько добра в вагонах: уголь, комбайны, экскаваторы, станки. Тепловоз дергает состав. Лязгает целый километр. Состав не трогается. Снова рывок — поезд на месте. Тисленко досадливо морщится. Валентин Басалаев, одной рукой схватившись за несущий трос, а в другой держа ножовку, которой распиливал медный провод, тоже смотрит на состав.

— Мало каши ел тепловоз — говорит он.

— Ничего. Скоро пойдут электровазы.

В воздухе жара. Накаленный верхний трос жжет руки, нижний — поджаривает подошвы. Тисленко слюнявит пальцы и закручивает гайку. Послюнявишь — не так жжет. От вспотевших смоллой шпал доносится терпкий, густой запах.

По полотну дороги бежит Евгений Нихамкин. Он машет беретом:

— На орбите — космонавт-два! Титов в спутнике три оборота уже сделал!..

На какое-то мгновение жары как не бывало. До позднего вечера, как птицы, перекликаются над дорогой монтажники, передают вести о полете Титова. Гудят под ветром провода, кричит где-то вдалеке паровоз.

Ночь. Но спать никто не хочет. Все в вагоне — красном уголке. Кто-то вздыхает:

— Летает в небе чудо техники — корабль «Восток-2». А вот когда к нам, к контактникам, зайвится автоматика?

Мастер Виктор Третьяков хмыкает:

— Не все сразу. Батя мой в таких случаях войну вспоминает: стояли люди, держали оборону, а тем временем разгром немцам готовился. Так и у нас. Трудно, зато мощные электровазы пойдут потом. А где-то и технику для нашей работы придумают.

А потом в красном уголке после работы читали Программу, без конца спо-

рили, каким будет коммунизм. В одном все сходились: отличной работой надо подчинить себе время, приблизить то, что намечено на 1980 год.

Виктор Третьяков оказался провидцем. Вскоре из главка приехал инженер и показал чертежи монтажного вагона. Ребята восхищенно прищелкивали языками: замечательный вагон, давно ждем такую механизацию.

Ф а к е л ы

Несколько суток шел проливной дождь. Бригады не покидали линию с утра и до самой темноты. В вагончики возвращались промокшие до нитки. Переодевшись в сухое, сходились к прорабу — подвести итоги, спланировать работу на завтра. Даже в непогоду до предела сжатый график перевыполнялся. Потом установились солнечные дни, но темп почему-то снизился. Евгений Нихамкин терялся в догадках.

Однажды к нему подошел монтажник Анатолий Сахаров.

— Ты посмотри, Женя, на наши пыльные, усталые лица! — сказал он бойким, «пижонистым», как шутили ребята, говорком. — Нет-нет, секретарь, я не нытик. Только надо всем отдохнуть, встряхнуться как-то. Придумай-ка что-нибудь.

Евгений призадумался. А ведь, пожалуй, на самом деле ребята ходят после работы какие-то сонные, к кроватям тянутся.

Веселым воскресным утром отправились на грузовиках к озеру Медвежьему. Весь день купались, загорали, играли в волейбол, валялись на траве. Когда поехали назад, Сахаров, любивший книжные фразы от третьего лица, не сказал, а пропел:

— Домой они возвращались усталые, но довольные.

Ребят словно подменили. Из грузовиков неслись песни, смех, шутки. Сахаров, довольный ухмыляясь, сказал Евгению:

— Увидишь, завтра снова как черти.. Голова нужна, товарищ Нихамкин, когда имеешь дело с человеческим материалом, да еще в такой сложной обстановке. На нашу дорогу — самую длинную в мире — сейчас из-за рубежа

смотрят: сделают или не сделают? Шутка сказать — электрифицировать линию длиной свыше пяти тысяч километров!

Работа пошла обновленным, ускоренным темпом. Теперь еще позже возвращались в вагончики. На планерках бригады запрашивали в полтора раза больше материалов, чем раньше.

— Ну и жадюги! — дивился мастер, но не спорил. Что спорить, ведь и дневные задания на столько же перекрывались. В конце сентября основные навесные работы были завершены.

...Нихамкин, Басалаев, Тисленко шагают по шпалам станционных путей. Они останавливаются напротив подстанции и смотрят на ее огни. По проводам уже идет ток. От Москвы до Иркутска. Завтра здесь пройдет первый электровоз. У Евгения перед глазами стоят длинные огненные факелы. Сегодня возвращались с дальнего участка по древнему Сибирскому тракту. По бокам высокие стройные березы, охваченные немим осенним пламенем. Аллея торжественных факелов. В память тех, кто звенел за свободу кандалами на этой дороге. В честь Евгения, Валентина, Володи и всех остальных, кто пустил рядом с Сибирским трактом электровозы семилетки. Электровоз, вперед лети, в коммуне остановка!

Не будет остановки. Даль не имеет конца.

— Ну, я пойду, ребята. В школу пора, — говорит Валентин Басалаев. Никогда еще не ходило в вечернюю школу столько ребят из их поезда, сколько нынче.

Завтра пройдет первый электровоз. Он будет украшен портретом Ильича. На кумаче — краткий рапорт Двадцать второму съезду

партии о досрочном завершении работ по электрификации Великой магистрали. И будет много цветов. Митинг, электровоз с портретом Ильича, цветы... — знаковая и каждый раз неповторимо прекрасная картина.

Игорь КУРЕНКО

*Железнодорожный путь Макушино —
Исиль-Куль.
Курганская область.*

ГЕРОЙ ЦУСИМЫ

В деревне Мостовой, Камышловского района, Свердловской области, живет восьмидесятилетний пенсионер Прокопий Кирьянович Боровских. 14—15 мая 1905 года на броненосце береговой обороны «Адмирал Ушаков» комендор-наводчик принимал участие в Цусимском сражении.

14 мая при встрече с японской эскадрой ушаковцы стойко сражались. Броненосец получил большие пробоины, нос был затоплен, боевые башни подбиты. Действовали только 120- и 47-миллиметровые пушки. Броненосец с трудом продвигался за эскадрой.

Наступило некоторое затишье. Командир собрал поредевшую команду на ют:

— Что будем делать, брагцы?

Кто-то крикнул:

— Биться до последней капли крови!

Раздался одобрителный гул голосов.

15 мая к броненосцу приблизились два быстроходных японских крейсера с предложением сдаться в плен. В ответ прогремел пушечный залп. Лишенный способности маневрировать, броненосец был плохучей мишенью, на него обрушился град японских снарядов. Оставшиеся в живых вели ответный огонь из уцелевших пушек. У одной из них стоял молодой комендор — Прокопий Боровских. Он олох, но не прекращал огня.

Гордо умирал броненосец. Вот он стал крениться на правый борт. Командир приказал затопить корабль, а команде — спасаться. В воду спускались шлюпки и спасательные круги, с пробочными матрацами люди выбрасывались в море. Японцы продолжали обстреливать моряков: в живых осталось немногие.

После окончания войны Прокопий Боровских вернулся в родную деревню. За отвагу, проявленную в Цусимском сражении, его наградили Георгиевским крестом 4-й степени и медалью. Всю жизнь Прокопий Кирьянович провел в непрерывном труде. В родном колхозе его наградили медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Только недавно он вышел на заслуженный отдых.

П. КОШКИН

РОДНИК РУСТАМА

Андрей АЛДАН-СЕМЕНОВ

Родник выбивался из-под скалы. Над ним нависали ветви смородины. Спелые ягоды осыпались в родник. Куропатка на лету подхватывала их.

В маленьком мирке у родника тихо и сыро. Если бы куропатка была наблюдательной, она бы увидела, что над родником спит медведь, а вверх по сонке, раздвигая заросли стланика, поднимается человек. Но куропатка обклеивала ягоды и ничего не замечала. Вот птица промахнулась, и смородинка нырнула в родник. Куропатка покосилась на воду, но ягодка бесследно исчезала. Зато под кустом в песке мерцала другая. Куропатка проглотила ее.

В это время медведь проснулся и потянул носом; легкий ветер дул из ложины, зверь не чувствовал опасности.

Он спустился к роднику и стал пить. Пил долго. Потом встал на задние лапы, передними захватил куст смородины, выдернул его с корнями и кинул в родник.

Желтые и крупные, как фасоль, самородки брызнули из-под корней смородины и запутались в густой шерсти зверя.

И вдруг медведь почувствовал запах человека. Шерсть на загривке поднялась...

Рустам Гафури спускался с сопки, отсчитывая шаги: восемь, девять, десять. На десятом он присел на корточки, отложив в сторону ружье и маленьким скребком выгреб землю из-под замшелой сланцевой глыбы. Глыба еще в доисторические времена расколосась на тонкие пластинки, и они стояли вертикально, «щеткой». Сланцевые «щетки» всегда волновали геолога: в них нередко находили золото. На этот раз в «щетке» не было признаков металла. Геолог поднялся и снова стал отсчитывать шаги: раз, два, три... На десятом опять присел на корточки, разгреб ягель. Показался вечный лед.

— Пустота! — сказал себе Гафури. — Айда, пошли дальше!

Он шел не по прямой, а по кривой линии, и путь его образовывал довольно точную дугу с севера на юг, с вершиной дуги на западе.

Гафури вышел на берег ключа, весело перебирающего камешки, вымыл холодной водой лицо, вытер золотистую бородку. Его глаза от ключевой воды стали еще синее и глубже.

— Безымянный ключ! Какое же тебе дать имя?

Из зарослей смородины выпорхнула куропатка. Гафури выстрелил. Куропатка забилась на камнях.

Эхо еще ухало по распадку, когда с восточной стороны сопки вдруг раздались два выстрела. Геолог подождал, пока не умрет эхо, и ответил тоже двумя выстрелами. Потом поднял куропатку, покачал ее на ладони:

— А назову-ка я ключ «Куропаткой». Очень даже хорошее имя!

Гафури взял несколько проб на ключе. Ему захотелось подняться вверх на сопку. Может быть, в истоке ключа будут лучшие пробы? Но потом подумал:

«Я иду по определенному маршруту. Не сейчас, так позже подойду к верховьям ключа...»

И он направился вниз.

Неожиданно в вечернем воздухе ударил выстрел. Гафури ответил двумя выстрелами. Раздался еще выстрел. Гафури стремительно побежал на восточную сторону сопки.

...Антон Зайкин с досадой кинул на землю лоток с ничтожными крупинками золота на дне и выругался:

— Черт его знает, где тут искать!

Правы все-таки старатели. Поиски золота — карточная игра... Пофартит — выиграл, не пофартит — зря время убил. Никакой расчет здесь не поможет...

Он посмотрел на сопку и представил свой маршрут через скалы. Маршрут шел полукольцом с юга на север, и вершина его дуги была на востоке.

Зайкин отсчитал десять шагов и присел в густом стланике. Чтобы лучше работать, он прислонил ружье к кусту и стал осторожно разгребать землю.

Раньше у Зайкина не было системы в поисках. Он нетерпеливо метался из распадка в распадок, с ключа на ключ. Ему хотелось побыстрее найти богатое золото, и поэтому он нередко бросал поиски в тех местах, которые потом приобретали на Севере легендарную славу.

Сейчас ему «навязали» новую систему поисков. По этой системе он брал пробы через каждые десять шагов, и маршрут его представлял замкнутое кольцо. На западной стороне кольца работал Рустам Гафури. Они шли по кругу и должны были встретиться в определенной точке.

— Мать моя, мамочка! — сказал Антон, насыпая грунт в лоток. — Как надоели эти дурацкие пробы!

Он приподнялся с колен и почувствовал за спиной тяжелое сопение: медведь недоуменно рассматривал его. Геолог схватил ружье. Медведь попятился и встал на дыбы. Антон выстрелил. Зверь рванулся к нему. Зайкин выстрелил еще

раз. И тотчас же услышал два выстрела с западной стороны сопки.

«Что случилось?» — спрашивал Гафури. Пришлось перезарядить ружье и дать еще два выстрела, сигнальных: «Не волнуйся, все в порядке».

— Что, отгулялся, разбойник? То-то и оно-то!

И, вытащив охотничий нож, Зайкин стал свежевать зверя.

Из зарослей стланика появился Гафури:

— Ого! Я нес на жаркое куропатку, а у тебя медведь.

Через минуту пылал костер, милый человеческому сердцу на севере даже в июльские дни. Гафури присел у костра и стал ощипывать куропатку.

— Мать моя мамочка! Смотри-ка, Рустам, что в медвежьей шерсти запуталось! — Зайкин протянул похожий на фасолинку самородок.

— Золотое руно! — расхохотался Гафури, приподнимаясь от костра.

— Золото рассыпное. Весь вопрос в том, откуда пришел медведь? Если он живет здесь, значит, здесь и золото. А если он явился из тайги, то мы только зря теряем время на этой сопке.

— Но признаки металла в пробах все-таки есть.

— Признаки! Нам нужно золото, а не признаки.

— Где бы ни укрывалось золото, мы пересечем его месторождение не первым, так десятым кольцом. С каждым новым маршрутом мы суживаем пределы поисков. И потом мы еще будем брать пробы в квадратах между кольцами.

— Кольца, квадраты! Все это напрасная трата сил. Если вот здесь, — Антон ковырнул сапогом землю, — золота нет, то кричи не кричи — бесполезно. Медведь валялся на самородках, надо искать это место.

— Если он валялся где-то здесь, мы по очередному кольцу подойдем к этому месту.

— В тебе нет страсти, Рустам! Ты — человек с арифмометром вместо сердца.

— У меня есть уверенность. И, кроме того, надо уметь обобщать факты.

— Золото на медведе — факт?

— Да.

— Обобщи его!

— Пока не могу.

— То-то! Если бы я искал золото, где хотел, я бы нашел, но ты придушил меня своей дурацкой системой.

— Это не моя система, Антон. Это система наших геологов.

Гафури внимательно осмотрел медвежьи лапы. Между когтями застрял смородиновый лист. Он вытащил его и растер между пальцами. Потом опять занялся куропаткой.

Солнце обволакивала пепельная дымка. Вершины сопки потускнели. Где-то горела тайга, и дым от пожара рассеивался по горам.

— Антон, иди-ка сюда.

— Зачем?

— Иди, иди... Смотри! — Гафури протянул распластанный зоб куропатки.

— Н-да... Золотая куропатка дешево, конечно, золотого медведя. А сколько в зобу черной смородины! Видно, она и золотинку приняла за ягоду. Вот еще один факт для твоих обобщений, Рустам.

— Верно.

Они пообедали. Куропатка пахла ягодой и травами, медведь — рыбой. После обеда легли отдыхать. Антон шумно подышал и захрапел. Гафури сосредоточенно смотрел в пепельное небо.

Солнце уже склонилось на запад, когда Гафури разбудил товарища.

— Антон, из этой сопки вытекает ключ, который я назвал «Куропаткой».

Иди на ключ, поднимись вверх по его течению и разыщи заросли смородины.

— Это зачем же, Рустам?

— Осмотри хорошенько. Исследуй и ключ, возьми пробы в его бортах. Словом, там должна быть богатая россыпь...

— Почему ты в этом уверен?

— Я обобщил факты. Давеча я обратил внимание на то, что между когтями медведя застрял смородиновый лист. Медвежьи лапы были мокрые. Медведь купался в ручье, а потом решил полакомиться смородиной, в корнях которой было золото. Куропатка была на том же месте, клевала ягоды; потом обнаружила золотинку, приняла за смородинку и проглотила. Я убил ее через полчаса после того, как она улетела с ручья.

— Откуда такая точность?

— Ягоды куропатка не успела переварить. Помнишь, они в зобу были совсем свежими. Ты убил медведя немного позже. Значит, медведь не мог прийти издалека. Если бы он шел издалека, шерсть

бы высохла и золотинки высыпались. Я уверен, россыпь там...

— Мать моя мамочка! Так почему ты посылаешь меня, а не идешь сам?

— Вторым кольцевым маршрутом мы пересечем ключ в том месте, где растет смородина. Значит, рано или поздно мы обнаружим месторождение. Но я, владея системой, исследую весь квадрат сопки и буду знать точно, каковы здесь запасы металла. А ты? Ты — пенкосниматель, правда золотой, но пенкосниматель. Иди, наслаждайся!

Антон пошел на сопку.

...Родник выбивался из-под скалы. Куст смородины торчал в воде вверх корнями.

Антон взял первую пробу, и, когда отбил пески, со дна лотка ударил жирный свет маленьких самородков.

— Вот это да! — торжественно вскрикнул Зайкин. — Но что за глупое название у ключа — «Куропатка»? Я дам ему новое название — «Родник Рустам»!

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА НАГРАДИЛА ЕЩЕ ОДНУ ГРУППУ АКТИВИСТОВ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»:

Андронникова Ираклия Луарсабовича, писателя, заслуженного деятеля искусств РСФСР, доктора филологических наук; **Далчева Атанаса**, заместителя главного редактора болгарского журнала «Пламче»; **Зеленского Ежи**, корреспондента польского журнала «Доокола свята»; **Митяева Анатолия**, главного редактора журнала «Мурзилка»; **Николаева Владислава Николаевича**, литератора; **Попову Русену**, ответственного секретаря болгарского журнала «Пламче»; **Ручьева Бориса Александровича**, поэта; **Слюсарева Ивана Кирилловича**, старейшего художника Урала; **Станчева Лучезара**, главного ре-

дктора болгарского журнала «Славейче»; **Старикова Виктора Александровича**, писателя; **Хазановича Юрия Яковлевича**, писателя; **Громова Леонида Васильевича**, **Королеву Надежду Николаевну**, **Софрону Николая Антоновича** — научных сотрудников Совета по изучению производительных сил при Госэкономсовете СССР, членов редколлегии рукописного альманаха «Недра».

КОРНИ

Рассказ

В. АСТАФЬЕВ

Молодой рыжеволосый парень шел по лесной тропе, уже подернутой щетиной травы и круглыми листками подорожника. Парень был в модной клетчатой рубашке со множеством белых пуговиц. Он пытался запевать, но тут же бросал начатую песню, насвистывал другую, третью. Словом, нетрудно было заключить, что этот парень свалил гору с плеч, и теперь на душе у него сплошной праздник.

Да, так оно и было. Семен Усачев только позавчера сдал экзамены за десятилетку и вот возвращался домой, на контрольный пост высоковольтной линии. С месяц не был он дома.

Быстро, в прискок, поднялся парень на перевал и увидел мачты линии. Отсюда они походили на приземистые козлы для распиловки дров, а домик под ржавой крышей напоминал гриб-красноголовик. У самого домика звенел, пенился и мчался ручей. И хотя ручей невелик, и увидеть его отсюда было невозможно, Семен угадывал по приметам, известным только ему, путь этого лесного баловня, который прожил, наверное, века и все еще ребячился — картавил и резвился.

Как-то еще в войну мать оставила Сеньку дома одного и ушла по делам. Сенька спал и, когда проснулся, хотел зареветь, чтобы напомнить о себе, но тут ему послышалось, что мать наливает молоко в бутылку. Он быстренько подался на кухню. Матери там не было. Сенька ухватился за занавеску, попробовал встать. Занавеска тотчас оторвалась, и мальчик шлепнулся на пол. Снова собрался зареветь, посопел носом, поднес к глазу кулак, но неожиданно передумал и, ловко переваливаясь с боку на бок,

двинулся к распахнутой двери. Здесь он взялся за косяк, преодолел порог и первый раз в жизни коснулся боковыми ножонками прохладной травы.

На завалинке дремала курица. Малыш схватил ее за лапу, курица закудахтала и убежала. Эх, Сеньке бы так бегать! Не умеет. Ползет малыш. А в траве-то, оказывается, много всяких твердых предметов.

Сенька все-таки добрался до забора неторопливо подполз под нижнюю жердь. Рубаха задралась, спину сучком

поцарапало. По ту сторону жерди в траве росли беленькие цветы. Один цветок внимательно, как доктор больного, ощупывал шмель. Сенька тронул цветок пальцем. Шмель свалился в траву, свирепо зажужжал, и цветок осыпался. Хотел Сенька сердитую муху схватить, но рядом болтал кто-то быстро-быстро. Ухватился малыш за тонкий ствол березки, встал и увидел того, кто его дразнил и звал. Это был ручеек.

Сенька сделал ладушки и заковылял к ручью, точно замороженный. Он даже забыл о том, что уже ни за что не держится. Отпечатки маленьких подошв оставались на мокрой земле. Здесь и проложил Семен свою первую в жизнь тропу — в три шага.

Отец Сеньки был на войне. Мать работала за него и, когда вернулась с линии, обмерла, не обнаружив дома ребенка. С остановившимся сердцем заглянула она в подполье, в кладовку, в стайку, за ограду. Еще секунда — и дико закричала бы она на весь лес, но тут в кустах мелькнула головенка с рыжеватым лисьим пушком.

Потом Сенька стал ходить за ручей, отыскивать в траве яркую ягоду-землянику или гриб-подосиновик, издали похожий на обломок кирпича.

Усачев вернулся с войны и привез сыну маленький топорик. Сенька помогал отцу вырубать кустарник. Только трава, цветы, да ягодники имеют право расти под опорами, на которых висят толстые провода высоковольтной линии.

Лес почтительно расступался перед прямой, непоколебимой трассой, но не сдавался. Его можно вынудить отступить, но трудно заставить умереть. Старые корни таились под дерном и каждую весну регулярно выдавали побеги на белый свет.

У отца участок двенадцать километров, и пока он с топором добирался до конца его, возле избы выростала плотная стена тонкого березняка. Кора на нем, что луковая шелуха, ветви шершавые, клейкие. Местами березки сменял осинник, а возле отводных канав брызгал весенней порой белыми пушистыми каплями ивняк...

Семен бросил на плечо вещевой мешок и начал спускаться с горы, с каждым шагом все глубже погружаясь в прохладный лес, в густые запахи, в дремотный, обомшелый мир.

Дома никого не было. Семен попил из кринки молока, сменил клетчатую рубашку на старую косоворотку, взял в чулане топор, попробовал острие пальцем и пошел отыскивать отца. Он легко перемахнул через тот самый забор, под который когда-то полз на животе, и ахнул: вместо ручейка зияла черная канавка, как запекшаяся рана. По дну ее в скорбном молчании сочилась хилая струйка воды. Обнажились гладкие камни, а на самом деле были серыми.

Здесь, на этих камнях, журчал неугомонный ручеек, рассказывая голопузому мальчишке о густом и высоком лесе, о песнях, которые он там слышал, о птицах, зверьках и букашках, которые ему встречались.

Медленно побрел Семен вдоль ручья, вышел на трассу и увидел отца. Тот был без фуражки, в кирзовых сапогах. Линялая рубаха, не заправленная в штаны, промокла на его глыбистых лопатках. На потной, сморщенной шее отца — сухие былинки, в рыжеватых волосах запутались пленки бересты. Еще кряжистой и суше сделался отец.

Ухватив несколько березок в горсть, он наклонялся и, ахнув, срубал под самый корень.

Пенечки брызгали влагой. Сок сейчас же густел на срезах, заклеивал их пленкой, чтобы не утекла вовсе жизнь из корней.

Семен поздоровался с отцом, сел рядом на трухлявую валежину. Отец закурил, подумал и протянул кисет сыну. Парень повременил, помялся и принял кисет. Отец ухмыльнулся и дал ему прикурить. Морщась, будто от дыма, он еще раз искоса осмотрел сына, как бы оценивая его взглядом:

— Вот, вырос, выучился — замени. Натешился я, рад и на пенсию. — Он подождал ответа и, кашлянув, прибавил: — Конечно, по силе возможности помогать стану...

Семен молчал. Насторожило Усачева это молчание. Чувствуя что-то неладное, отец, как на торге, начал сбивчиво хвалить свою службу, местность, материальные выгоды. Эта непривычная, растерянная скороговорка отца заставила Семена еще больше нахмуриться. Он не решился сказать сразу, что хотел, и начал изда-лека:

— Между прочим, знаешь ли ты, папа,

что на одном твоём участке были свалены десятки тысяч деревьев, — и, перехватив удивленный взгляд отца, добавил: — Много тысяч, а трасса эта тянется на триста пятьдесят километров. Трасс таких в нашей стране тысячи...

— Тебе-то какое дело до этого?

Семен, не отвечая на вопрос отца, продолжал свое:

— А аварии все-таки бывают, и судьба огромных предприятий иногда зависит от каких-то пустяков, случайностей.

— Ничего не попишешь, такая отрасль, — пожал плечами Усачев и сделал вид, будто он все еще не догадывается, к чему Семен завел весь этот разговор. — Тебе легче будет. Уже сплошь металлические опоры ставят, скоро до нас дойдут, а таким опорам сносу нет.

— Опоры железные, тумбы бетонные, техника усовершенствованная, а лес губят, как и прежде. Вся тайга в морщинах...

— Такая отрасль... — снова начал Усачев, но на этот раз сын не дослушал его:

— Дело не в этом. Люди отрасли создали. Значит, должны они придумать, как лес сохранять. А то затвердили: отрасль, отрасль. Любая отрасль для жизни создается! — Семен повременил. — Не буду я тебя сейчас заменять, дальше учиться поеду.

Отец поднял на сына угрюмые глаза, хотел прикрикнуть, дать ему разок по загривку, но что-то было в нем сейчас такое, чего нельзя сокрушить подзатыльником. Усачев засовал руками, отыскивая спички:

— А я-то надеялся, обихаживал участок, честь по чести... Ладонь от топора затвердела, что копыто...

— Душа у тебя еще сильнее затвердела! — сказал Семен и тут же пожалел об этом. Лицо отца сделалось чужим, надбровные дуги набрякли и стали похожими на увесистые камни.

— Ты мою душу не тронь! — рявкнул он. — Это такая отрасль... Не о душе думал, когда кулаков зорил, из пулемета фашистов резал, лес корежил, а о вас, сопляках... — Усачев смолк, сердито пытая, снял сапог, рывками перемотал портянку и возмущенно плюнул: — Не сидели вы с лучинкой, не жрали хлеб с лебедой! — Он сунул ногу в сапог и яростно, с клетотом в горле рассмеялся: — Видали, душа у нас затвердела! — и резко по-

вернулся к Семену: — Что стало бы с тобой, грамотей, если бы твой родитель мягкодушным оказался?

— Ручей-то высох, — тихо сообщил Семен.

Усачев осекся, с минуту помолчал.

— А я, думаешь, слепой? — И, злясь на себя за то, что сбился с грозного тона, снова повысил голос: — Сводят леса и будут сводить. Чего ты делаешь?! Вон она, жизнь, как вышагивает... Попробуй останови! — В голосе отца слышалось торжество и злорадство. — Нет, не верти носом, а гляди, гляди! — Усачев показывал пальцем, ноготь у которого сделался от табака вроде желудя, на высокие опоры, махающие через горы, леса и реки.

— А зачем ее останавливать? Надо сделать так, чтобы и электричество, и лес...

— Как этакое сумеешь, умник? — ехидно прищурился Усачев, и Семену показалось, что отец хитрит, подзуживает его.

— Если бы я знал... — с сожалением выдохнул Семен и мечтательно добавил: — Может быть, надо поднять провода над лесом, может, наоборот, положить их в землю или давать ток по радиоволнам — не знаю я еще, но надо ж чего-нибудь придумать! — Семен неожиданно выкинул руку: — Вон, гляди, плачет порубленный тобой лесок, плачет!

Парень саданул свой топор так, что он до топорща вошел в гнилую валежину, и зашагал прочь. На выпуклой груди его трепетала от ветра расстегнутая косоворотка. Семен шагал размашисто, высоко нес свою голову с вихрастой мальчишеской макушкой. Чем дальше провожал его Усачев взглядом, тем спокойней становился его взгляд. Ни растерянности, ни злости на лице Усачева не было. Надбровные дуги раздвинулись, обозначив глубоко упрямые глаза. В глазах этих, чуть зеленоватых, уже начинающих выцветать, таилась затененная мудрость человека, способного без сожаления выпалывать васильки, маки и другие милые цветочки ради того, чтобы лучше росли хлеба.

Усачев докурив сигарку до того, что стало жечь губы, и тихо, но властно позвал:

— Семка-а!

Минуту было тихо. Потом затрещали мелкие сучки, зачавкала под сапогами

болотина. Усачев плюнул на ладони, не торопясь срубил пучок гибкого тальника.

Появился Семен с непримиримо спаявшимися на переносе бровями. Отец искося глянул на него, слегка усмехнулся и бросил окрапленные зеленым дождиком прутья в большую кучу, приготовленную для сжигания, затем напился из весенней, уже полувысохшей лужи мягкой снеговой воды и, утираясь подолом рубахи, закряхтел, почможивая губами:

— Не та водица, не та...

Он лег вниз лицом на траву, подмяв под себя прохладные желтые цветочки, и долго лежал, не шевелясь.

Как и в прежние годы, к нему летел со всех сторон привычный шум леса: птичий перезвон, стрекот и жужжание всевозможной мелкоты. И только не слышалось одной, самой привычной, самой живой песни — песни ручья.

Усачев резко поднял голову от травы, сел. К щеке его, испеченной солнцем,

шершавой, как хлебная корка, приклеился зеленый листок.

— Ладно, — решительно стукнул он себя увесистым кулаком по колену. — Пять, если надо — десять лет еще поклянюсь я пенькам, но с одним уговором: когда настанет черед в домовину меня класть — омоете из нашего ручья.

Семен встрепенулся, собираясь что-то сказать, но отец сам заговорил непривычным, назидательным тоном, и оттого, видимо, у него получалось это сердито:

— Весь мой век жизнь об руку со смертью шла, надо бы это учесть тем, кто любит рассуждать о душе.

Семен вспыхнул, потупился, а отец задумался. Сын уважительно помалкивал. Он знал, что отец его любит рассуждать молчком. И мысли в его голове рождаются неторопливые, грузные, что мельничные жернова, и такие же твердые. Если уж он что надумал или сказал — этому надо верить.

Рисунок В. Мишина

ОПЫТЫ СООБЩАЮТ СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ СЛЕДОПЫТЫ

Троги

При проведении геологических исследований в центральной части Южного Урала мы столкнулись с необычайно сильно изрезанной местностью.

На одном снимке — долина реки Большой Ик, вверх по течению от села Мраково. Много интересного таит в себе эта река для следопыта. Здесь и живописные скалы, сложенные известняками, и прозрачные холодные воды быстрой реки, и густые прибрежные заросли, где можно полакомиться смородиной и малиной.

Но особенно привлекает внимание широкая долина. Она имеет корытообразную форму с крутыми склонами и плоским дном. Такие долины обычно называются трогами, или троговыми долинами. Они появились в результате продвижения и пропавания ледника.

Долина реки Большой Ик напоминает трог. Как же возникла она? Или действительно в результате деятельности ледника (об этом нам позволяет говорить наличие на Южном Урале ледниковых отложений, скажем, в верхнем течении реки Белой), или в результате размывающей деятельности реки? Пока это нерешенная проблема.

На другом снимке видна типичная троговая долина на Полярном Урале. Вдали вершина горы Пай-Ер.

Б. ПИЛЬЩИКОВ.

ШПЛИНТ

С к а з

С. ОМБЫШ-КУЗНЕЦОВ

Рисунок В. Токмакова

Это было в первые годы Советской власти. На завод, где работали мы с отцом, привезли из Германии машины. Привезти-то привезли, а собрать и в работу пустить никто их не мог. Походили-походили мы вокруг, и пришлось снова перед капиталистами шапку ломать: пришлите, мол, господа, своих специалистов машины поставить. Ну, те, конечно: битте, битте — пожалуйста, значит; поставим, мол, и обслуживать будем, но только золотом платите.

Делать нечего, пришлось заключать контракт на два года. Приехали немецкие инженеры и, верно, машины быстро собрали и обслуживать их стали исправно. Обижаться на специалистов нельзя было, только наших рабочих к себе близко не допускают, чтобы, значит, их науку не переняли.

Уже немного времени до окончания контракта осталось, наше заводское руководство и так и сяк к немцам: обучите, мол, русских машинами управлять. А немцы нашим:

— Зачем?.. Мы уезжать пока не собираемся, нам и тут хорошо. Единственная просьба: дайте какого-нибудь парнишку, чтобы с масленкой вокруг машин бегал, масло в клапаны заливал. Не наше дело — такой мелочью заниматься.

И опять заводскому руководству даться некуда, продолжили контракт и масленщика в помощь дали. Хотели инженера масленщиком поставить, да знали, что проверят немцы, кто такой и как у него грамотешка. Назначили тогда молодого рабочего Ваньку Вострейкина, на вид невзрачного, рыжего, вихрастого, и образование — четыре группы всего. Мы его все «шплинтом» звали. Шплинт — это мелкая деталь, ничего не стоящая.

Вызвал Ваньку директор завода:

— Ты, Вострейкин, шустрый парень,

боевой, и задание тебе боевое: душа из тебя винтом, а чтоб через три месяца машину как свои пять пальцев знал.

Ванька сначала испугался.

— Где уж мне, — говорит. — Вы лучше кого-нибудь другого поставьте.

А директор ему прямо:

— Не трусь, Вострейкин! Должен ты рабочую линию держать или нет?

И начал Вострейкин с масленкой вокруг машин бегать. Работал старательно, смазку заливал вовремя, а о машинах ни одного вопроса немцам не задавал. Немцам это нравилось, и они его похваливать стали.

А через три месяца пришел Вострейкин к директору и доложил:

— Ваш наказ выполнен. Все как есть изучил. Могу теперь не хуже немцев с машинами управляться.

Пригласил тогда директор к себе немец-инженеров и так сказал:

— Дорого за работу берете, господа инженеры. Если хотите служить у нас — служите, но получать зарплату будете как все: русскими червонцами и по нашим расценкам.

Немцы, конечно, ломаться начали: не желаем, мол, так. Сами тогда машины обслуживайте.

— Ну, что ж, попробуем, — ответил директор. — А контракту конец.

И поставил Вострейкина на их место. Увидели это немцы, удивились, возмущаться стали:

— Это несправедливо!.. Это обман!.. Мы у вас масленщика просили, а вы инженера подсунули.

Как их ни убеждали, что Ванька Вострейкин никакого учебного заведения не кончал, а до всего своим умом дошел, не могли они поверить. С тем и уехали.

Так вот в семнадцать лет из «шплинта» превратился Ванька Вострейкин во всеми уважаемого Ивана Матвеевича.

Ю. КУРОЧКИН
РИС. В. БУБЕНЩИКОВА

ЕГЕНДА

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

РЕФЕРАТ И ПОЯС- НЕНИЯ К НЕМУ, СОЧИНЕННЫЕ ЗА- КОЖУРНИКОВЫМ СТЕФАНОМ АРИ- СТАРХОВИЧЕМ

Мне было совсем не до того, чтобы заниматься какой-то там Золотой Бабой. Ну — пришло письмо, ну да, — я старый краевед, ну и что? Ради чего я должен перерывать груды старинных книг и отвлекаться от интересной и важной работы по исторической топографии города? Как-никак, это моя краеведческая специальность, а разыскания — где и когда протекала каждая из многочисленных речушек города — могут принести несравненно больше пользы, чем сведения о каком-то древнем идоле. Ко всему тому, я пенсионер. И я не обязан. Да-с!

Тем более, что письмо, с которого все началось... Извольте полюбоваться!

«Прошу срочно сообщать, какие материалы о Золотой Бабе можно найти в нашем городе. Нет ли в музее чьей-нибудь работы, обобщающей все материалы на эту тему? Это нужно для проведения антирелигиозной работы во время туристических походов студентов в северные районы Урала. О Золотой Бабе должен что-то знать старый краевед Степан Аристархович Закожурников».

Вместо подписи — какая-то немыслимая завитушка.

Адреса тоже не было. Кому отвечать, куда? На деревню дедушке?

Впрочем, сбоку карандашом был записан номер телефона. Наверное, его, вопрошателя. Значит, найдется, если будет нужен.

Но каков! Ему, видите ли, сведения нужны срочно! И — извольте видеть! — некий краевед скрывает тайну Золотой Бабы. Это-то он разузнал, а точное имя краеведа разузнать не постарался. Может быть, имя Степан мне и самому нравится больше, но если я по паспорту Стефан, то зачем коверкать мое имя! Это просто неприлично.

И самое главное, ему нужно что-нибудь готовенькое!

Откуда идет это изредка еще встречаемое стремление ко всему готовенькому? Иной едва оперившийся птенец, натянувший брюки поуже и рубашку попестрей, так и считает: весь мир создан для него и должен поставлять ему все, что он — пуп Земли — пожелает. Самому надо постигать и добывать. Ножками, ножками! Ручками, ручками! Головкой, головкой!

Вот и автор послания — наверняка длинногривый, нечесаный невежа в узеньких зеленых брючках с «молниями»!

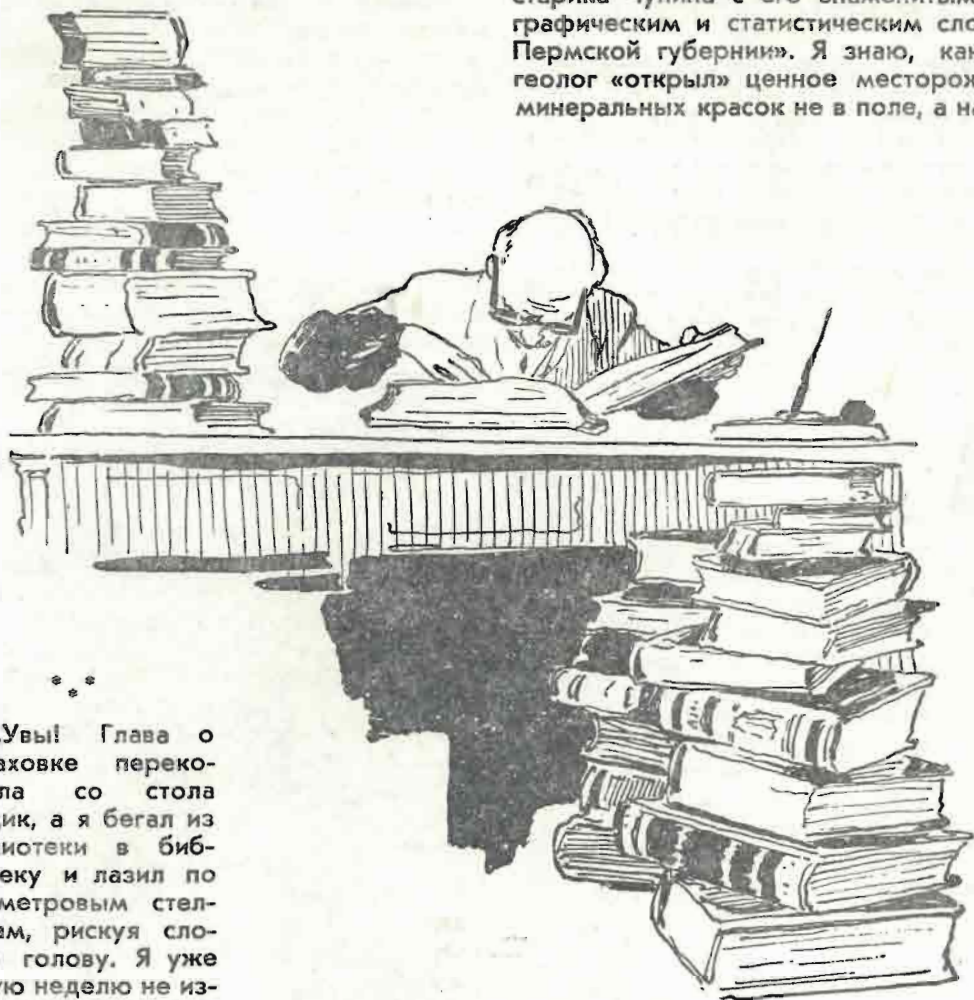
А, может быть, я ошибаюсь? Все же — антирелигиозная пропаганда, туристический поход... Может, просто: папа и мама не научили его вежливости? К тому же, не надо забывать, что современной молодежи нужно знать много такого, чего не знали, да и не могли знать мы: радио, кибернетику, атом, космос... А я, сознаюсь, даже «Волгу» от «Победы» с трудом отличаю.

Нет, надо парню помочь.

Я отложил в сторону незаконченную главу об истоках речки Малаховки и полез на библиотечные полки. Это ведь на день, на два — не больше...

О ЗОЛОТОЙ БАБЕ

старика Чупина с его знаменитым «Географическим и статистическим словарем Пермской губернии». Я знаю, как один геолог «открыл» ценное месторождение минеральных красок не в поле, а на стра-

...Увы! Глава о Малаховке перекочевала со стола в ящик, а я бегал из библиотеки в библиотеку и лазил по трехметровым стеллажам, рискуя сломать голову. Я уже целую неделю не измерял кровяное давление и поэтому, если бы умер, то даже не знал — от чего. Монбланы книг на моем столе грозили обрушением. Я злился на самого себя, на студента, которого снова стал мысленно звать невежей, на эту чертову — виноват, Золотую! — Бабу. Но бросить разыскания уже не мог.

Снова карабкался я по складным лестничкам к потолкам библиотечных хранилищ (самое нужное почему-то всегда находишь в самых труднодоступных местах!), снова чихал, поднимая облака пыли с давно никем не троганных фолиантов.

Да, к сожалению, давно никем не троганных! Молодежь начинает терять вкус к старой книге. А напрасно! Какие залежи полезных знаний скрыты в них! Как много незаслуженно забытого. Сколько иногда напрасно тратится сил на второе открытие Америки! Взять лишь одного

нища чупинского словаря: о нем знали еще древние насельники края. Тот же Чупин помог однажды изыскателям найти кратчайший и удобнейший путь к урочищу, ставшему скоро ареной большой стройки. А «Записки УОЛЕ» — Уральского общества любителей естествознания — до революции одной из сильнейших в мире самодеятельных краеведческих организаций? Это же энциклопедия ураловедения! Кривошеков, Шишонко, Дмитриев, Клеры, Анфиногенов, — они заслуживают того, чтобы их «железки строк случайно обнаруживая», помнили, знали, ценили, чтоб «с уважением ощупывали их, как старое, но грозное оружие».

Но на этот раз и они что-то плохо помогали мне. Золотая Старуха (идола, оказывается, звали еще и так) будто пряталась от меня, как пряталась от всех тех, кто искал ее: она то меняла свое

обличье, то место пребывания, то свое назначение, то имя.

Я бы не сказал, что это «проблема № 1» для уральского краеведения. Но надо же, в конце концов, разрешить тайну этой Золотой Карги, или как там еще называют ее. Однако не будем спешить с выводами. Мое дело — собрать исторические известия об этом идоле.

Нашел я, увы, не так много. Это отнюдь не «обобщающая все материалы» работа, как этого требовало письмо «лохмача». Но, я думаю, с него хватит. Для ведения антирелигиозной пропаганды.

А не хватит — пусть ищет сам. Ориентиры показаны.

РЕФЕРАТ О ЗОЛОТОЙ БАБЕ

1.

Я имею право сказать, что история Золотой Бабы затерялась где-то в веках. Как известно, наши далекие предки не усложняли свой быт избытком писанины. Ни докторских, ни даже кандидатских диссертаций о Золотой Бабе они не оставили, хотя тогда — десять веков назад — тема эта могла бы быть актуальной.

Но простим предкам их прегрешения и попробуем хотя бы выяснить, кто и какие свидетельства оставил о Золотой Бабе позднее.

...Конечно, вести о ней первыми принесли на Русь новгородцы. Еще тысячу лет назад они добирались до таких дальних земель, о которых в «просвещенной Европе» и не слышали. Кто — в погоне за мягкой рухлядью (как тогда назывались меха), кто — спасаясь от местных неурядиц и обид. Где под парусами, где на веслах, а где и волоком пробирались на легких вездеходных ушкях ватажки отчаянных сынов Новгорода, богатого и сильного государства славян.

По голубой паутине рек, покрывшей северо-восток Европы, доходили ушкунники до глухих, «забытых богом» краев, где все было необычно. Если забраться подальше, то там даже ночь и день не такие, как на родине, как везде: полгода — темь, полгода — незакатное солнце. И люди — «незнаемые». Впору сказки о них сочинять: с ног до головы в шкурах, ездят на собаках да на оленях, хлеб не сеют, домов не строят, ибо живут день — в одном месте, день — в другом.

И молятся странно: то дереву поклоняются, то красному знамени, то камню иссеченному, а то Золотой Бабе. А какая она — эта Баба — говорили разное, от показа же таились. Кто посмелее да любопытнее, может, и видел ее. Только тот уж не расскажет — крепко хранят «инородцы» тайну главного идола, не прощают излишнего любопытства.

А следом за первыми ватагами землепроходцев, возвращавшимися с грузом драгоценных мехов и запасом баек о полуночных странах, шли другие. Научились разбираться и в «человецех незнаемых» — где Пермичи, где Печора, где Югра, а где Самоядь. А то раньше огулом весь этот край Землей Югорской звали, а народы — чудью.

А Баба... Что ж, Баба — хоть и Золотая, а на что она? Пусть себе молятся. Сами новгородцы давно ли из язычников в христианство перешли. Да и золотая ли она — кто знает? Вот соболя, дело верное и доходное.

Одна из древнейших новгородских летописей — Софийская — так и повествует о Золотой Бабе, как о чем-то всеизвестном и неудивительном. Сообщая о кончине в 1398 году Великопермского епископа-миссионера, бывшего устюжанского инокa Стефана, летописец свидетельст-

зовал, в каких затруднительных условиях приходилось жить и «работать» первому епископу сих земель:

«Живяше посреде неверных человек, ни бога знающих, ни закона ведящих, молящихся идолам, огню и воде, и камню, и Золотой Бабе, и волхвам и древью».

Даже пояснить не захотел летописец, что это за штука — Золотая Баба, какова она видом и где находится. Что-де разглагольствовать, коли всем известно.

Правда, к тому времени Новгороду было уже не до идолов, хотя бы и золотых. Северо-восточные «волости» числились еще за ним, но более сильный его сосед — Московская Русь — уже поглядывал и на эти волости, и на самого их хозяина. Великий Новгород доживал последние годы своей самостоятельности. Битва при реке Шелони в 1471 году решила его судьбу. Семь лет спустя он окончательно перешел под власть московского князя Ивана III.

С тех пор москвиты сами пошли на Югру. Еще, вероятно, не вернулись из дальних походов последние новгородские посланцы, сборщики дани, когда в 1433 году князь Федор Курбский-Черный и Иван Салтык-Травник с дружиной дошли уже до Иртыша и спустились вниз по Оби до Югорской земли.

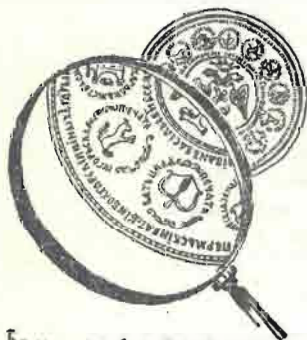
Если при новгородцах югричи были фактически самостоятельными, отделяясь лишь сбором дани, то москвиты осели в крае всерьез.

Молодой государь Василий III, вступив на престол в 1505 году, уже мог не без основания писать в своем пышном титуле:

«...государь всея Руси и великий князь... Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных... Новгорода Низовской земли... и Удорский, и Обдорский, и Кондинский и иных...»

Государю всея Руси до Золотой Бабы дела никакого не было, а вот церковь обойти ей не могла. В 1510 году митрополит Симон в специальном послании «пермскому князю Матвею Михайловичу и всем пермичам большим людям и меньшим» упрекает их в поклонении Золотой Бабе и болвану Войпелю. В послании весьма недвусмысленно дано понять, что с этим-де грехом пора кончать.

С тех пор летописи и другие русские документы молчат о Золотой Бабе. То ли исчезла она, захваченная каким-то вороватым воеводой, то ли спрятана была подальше от всяких глаз — своих и чужих.

«Большая Государева печать»
Ивана Грозного

2.

Зато о Золотой Бабе вспомнили иноземцы. Они проявили к ней гораздо больше интереса, чем хозяева земель, где находился этот идол.

Московия — таинственная страна на востоке Европы, долгое время не привлекавшая особенного внимания западных соседей (своих дел хватало!), с годами все более заинтересовывала их. Фактические сведения об этих краях, сообщаемые в сочинениях античных писателей и некритически повторяемые их позднейшими коллегами, перестали удовлетворять европейских купцов, жадно озирающих открывающийся перед ними мир.

А мир этот открывался все шире и шире. Колумб на снаряженных испанским королем каравеллах открыл Америку. Португальский мореплаватель Васко да Гама указал морской путь в сказочную Индию. Корабли Магеллана обогнули вокруг света. За каких-нибудь два десятилетия на рубеже двух веков — XV и XVI — открыто больше чем за целое тысячелетие! Космографы уже берутся чертить карты «всего света» и давать описание его.

А эта страна, отнюдь не так далекая, как Индия и Америка, все еще оставалась terra incognita — неизведанной землей. С ней уже торговали,

обменивались посольствами, выдавали за ее правителей дочерей и сестер своих государей, а знали о ней до смехотворного мало.

Знать же ее стало необходимым,—ведь именно через нее лежал путь в еще одну сказочную страну, при рассказах о которой у европейских купцов текли слюнки,—в Китай.

Не удивительно поэтому, с каким интересом встретили в Европе вышедшую в Польшу в самый разгар «эпохи великих открытий», в 1517 году, книгу ректора Краковского университета Матвея Меховского «Сочинение о двух Сарматиях».

Хотя этот ученый медик и не бывал в странах, описанных им, а лишь собрал сведения о них от бывалых людей, в том числе и от пленных москвитов, книга его сообщала так много нового, что она произвела впечатление еще одного великого открытия великой эпохи.

Она впервые рассказывала о Московии и ее соседях такое, о чем в печати не рассказывал еще никто, развенчивала многие легенды и сказки, выдаваемые ранее за достоверность. Автор не побоялся посягнуть на незыблемый до него авторитет великого географа древности Птолемея и преемников его.

В этой книге и прочитали впервые на Западе о Золотой Бабе. Меховский писал:

«За землю, называемую Вяткою, при проникновении в Скифию, находится большой идол zlotababa, что в переводе значит златая женищина, или старуха; окрестные народы чтут ее и поклоняются ей; никто, проходящий поблизости, чтобы гонять зверей или преследовать их на охоте, не минует ее с пустыми руками и без приношений; даже если у него нет ценного дара, то он бросает в жертву идолу хотя бы шкурку или вырванную из одежды шерстину и, благоговейно склонившись, проходит мимо.»

Возможно, что и сами москвиты знали в то время о Золотой Бабе не больше того, что сообщил о ней Меховский. По крайней мере, в русских летописях ничего более точного о ней не сообщалось.

3.

В те же годы, когда вышла книга Меховского, в Московии побывал Сигизмунд Герберштейн, посол могущественного Максимилиана I, императора священной Римской империи.

Молодой, но не по годам степенный, он был уже видным дипломатом Европы. Важный и чинный, в пышном, шитом золотом одеянии, он внушал к себе уважение и почтение.

Миссия Герберштейна была тонкой и щекотливой. Максимилиан желал склонить великого князя Московского Василия III к миру с Польшей, чтобы начать совместную борьбу с набиравшей силу Османской империей.

Как ни был хитер и опытен Герберштейн, его миссия не увенчалась успехом, хотя посол и прожил в Москве со своей свитой почти три года.

Однако, ревностный служака своего повелителя, он не терял времени даром. Хорошее знание русского языка позволило ему вести обстоятельные беседы с москвитами на самые различные темы. Он внимательно читал русские летописи, рылся в государственных архивах, заводил знакомства среди царедворцев, служилых и торговых людей. Не брезговал общением и с холопами. И всех дотошно расспрашивал о стране и землях, подвластных ей.

Далеко за полночь просиживали с ним посольские толмачи Григорий Истома и Василий Власов, рассказывая все, что знали о Московии и ее соседях. А знали они немало.

Возможно, что редкостная любознательность посла была в его натуре, но она могла быть и следствием тайных инструкций Максимилиана. Во всяком случае, составленные Герберштейном по возвращении

на родину «Записки о Московских делах» можно признать выдающимся для своего времени географическим, этнографическим и политическим трактатом. Конечно, после появления их космографам следовало внести генеральные поправки в свои труды и карты.

Но — странное дело! — составленные еще в 1519 году, «Записки» не появились на свет.

Может быть, Герберштейн хотел еще дополнить их? Не за этим ли он в 1526 году вновь поехал в Московию с новым тонким дипломатическим поручением... заранее обреченным на неудачу. Миссия опять не имела успеха, но посол не спешил уезжать. Снова беседы с бывальыми людьми, раскопки в архивах, изучение летописей...

К чему бы сие? Ведь книга и на этот раз не была издана. Прошло целых тридцать лет с первого приезда Герберштейна в Московию, прежде чем «Записки» его увидели, наконец, свет. Было это уже в 1549 году, автору в то время шел 64-й год.

Успех книги можно смело признать огромным. Меньше чем за полстолетия она выдержала тринадцать изданий: шесть на латинском, пять на немецком и два на итальянском языках. Отрывки из нее переводились на чешский и голландский. «Записками» зачитывались, как увлекательным романом (кстати сказать, именно тогда вошедшим в моду). Они почти с исчерпывающей для того времени полнотой отразили географию Московского государства.

Конечно, читали их и москвиты, владевшие иноземными языками. Вот что могли они, например, узнать из «Записок» о Золотой Бабе.

«Золотая Баба, то есть Золотая Старуха, есть идол, находящийся при устье Оби, в области Обдоре, на более дальнем берегу... Болтают, что этот идол «Золотая Старуха» есть статуя в виде некоей старухи, которая держит в утробе сына, и будто там уже опять виден ребенок, про которого говорят, что он ее внук. Кроме того, будто бы она там поставила некие инструменты, которые издают постоянный звук наподобие труб. Если это так, то я думаю, что это происходит от сильного, непрерывного дуновения ветров в эти инструменты.»

Вот она, оказывается, какова! Не только золотая, но еще и с фокусами. И адрес уточнен: не просто «за рекою Вяткой», а — при устье Оби.

Как понимать слова о детях «в утробе», Герберштейн не пояснил, вероятно, и сам не очень понял.

А что в этом описании правдоподобно, что вымысел — установить трудно. Проведя описание Золотой Бабы, автор спешит оговориться:

«Все то, что я сообщил доселе, дословно переведено мною из доставленного мне русского дорожника. Хотя в нем, по-видимому, и есть нечто баснословное и едва вероятное, как например, сведения о людях немых, умирающих и оживающих, о Золотой Старухе, о людях чудовищного вида и о рыбе с человеческим образом, и хотя я сам также старательно расспрашивал об этом и не мог указать ничего наверное от какого-нибудь такого человека, который бы видел это собственными глазами (впрочем, они утверждали, на основании всеобщей молвы, что это действительно так)».

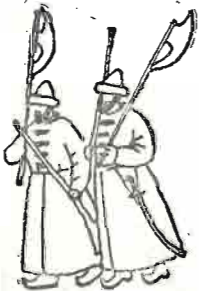
То есть, предупреждает: «За что купил, за то и продаю».

Интересно бы, конечно, заглянуть в этот самый «Дорожник» — ценнейший географический документ того времени. Может быть, там Золотая Баба описана подробнее? Может быть, Герберштейн не в совершенстве знал язык, перевел что-нибудь не точно, понял не так, как следовало понимать?

Увы! Напрасно бросились бы искать москвиты «Дорожник».

«Дорожник» или, точнее, «Указатель пути в Печору, Югру и к реке Оби» — исчез! С тех пор, как он побывал в руках у Герберштейна, больше никто не видел его.

Этот документ, интересный сейчас лишь для освещения истории развития географических познаний наших предков, для них самих имел, однако, совершенно иное — особо важное, прямо-таки государственное,

значение. Ведь в нем описывались наиболее удобные пути в восточные дальние страны, так интересовавшие тогда Европу.

Не оттуда ли попали в «Записки» Герберштейна и карты? О, это были хорошие карты! Не созданные по разноречивым слухам полукарты, полурисунки, что имели распространение на Западе со времен Птолемея, «государя всех космографов». Нет, этими картами северо-востока Европы можно было пользоваться всерьез, для дела, а не только для схоластических споров в университетах.

По обычаю тех лет, на картах, приложенных к «Запискам» Герберштейна, помещались и рисунки — изображения городов, горных хребтов, людей, животных. И если взглянуть в правый верхний угол одной из карт Герберштейна, то можно увидеть и Золотую Бабу.

Над ее изображением написаны латинскими буквами русские слова: Slata Baba. А сама она разместилась на карте в пространстве между Обью и Уральским хребтом, где-то на широте современного Березова.

Вид ее... Как ни странно, в разных изданиях книги она выглядела по-разному. И то, что изображено, не вязалось с описанием в тексте «Записок»:

Нет никаких «детей в утробе», не видно труб или каких-нибудь других инструментов.

На карте, издания 1549 года, Золотая Баба изображена стоящей в длинном платье, в простом головном уборе и с копьем в левой руке. На другой карте — она уже в широкой царственной одежде поверх платья, на голове какой-то замысловатый убор, копье из левой руки перекочевало в правую.

В книге, изданной в 1551 году, статуя на рисунке уже без головного убора, в довольно простой одежде.

Наконец, на карте 1557 года опять новый вид. «Старуха» сидит на троне, в длинном просторном платье, на голове что-то вроде повязки, в правой руке — жезл, подобный скипетру, а на левой сидит ребенок.

Зато на карте, приложенной к итальянскому изданию 1550 года, изображения Золотой Бабы нет совсем.

Вот тут и разберись, какая же она была на самом деле. Вероятно, что ни такой, ни этакой.

Но какой же?

4.

С легкой руки Меховского и Герберштейна Золотая Баба вскоре довольно прочно и надолго осела на страницах географических книг и карт.

Она попала в написанную ученым монахом-францисканцем Себастьяном Мюнстером знаменитую «Космографию». (О знаменитости ее можно судить уже по одному тому, что за сто лет она выдержала 44 издания.)

По описанию Мюнстера, женщина («старуха») держала в руках не ребенка, а «дубинку» (скипетр?). На рисунке же было иное — столб с головой рогатого животного наверху и перед ним коленопреклоненный человек.

Золотую Бабу можно было увидеть на карте литовского географа Антона Вида, изданной в 1555 году. А. Вид составил ее со слов московского окольного Ивана Ляцкого. Идол помещен также близ устья Оби, а изображению его (статуя с ребенком) сопутствует надпись русскими буквами: «Золотая баба».

Рассказ Герберштейна повторил в 1556 году англичанин Клемент Адамс, докладывая королеве Марии о первом плаваньи ее подданных в Белое море. Шесть лет спустя, его соотечественник

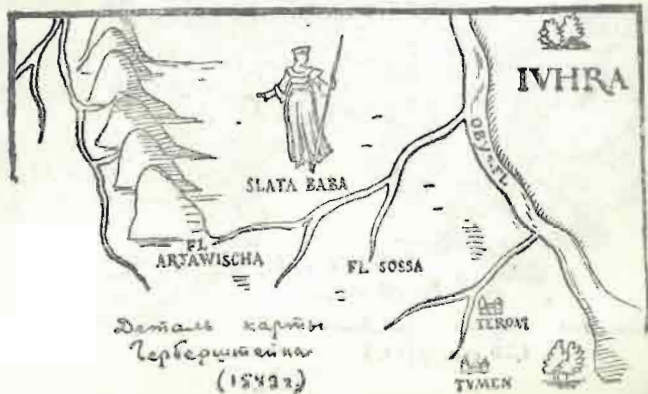
Slata baba

у Герберштейна
(изд. 1551)

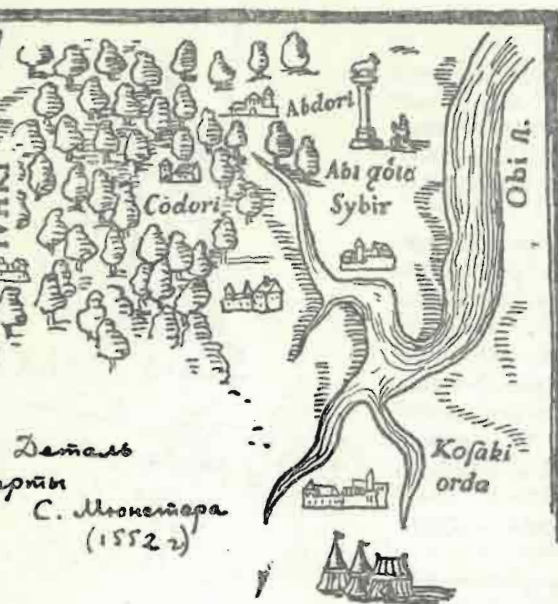

Slatababa

у Герберштейна
(изд. 1557)

Деталь карты
Герберштейна
(1549)

Антоний Дженкинсон на составленной им карте России также поместил Золотую Бабу («Старуха» с двумя детьми), сопроводив изображение ее надписью, в которой сообщил об идоле нечто новое:

«Золотая баба (zlata baba), то есть Золотая Старуха, пользуется поклонением у обдорцев и югры. Жрец спрашивает этого идола о том, что им следует делать, или куда перекочевывать, и идол сам (удивительное дело!) дает вопрошающим верные ответы, и предсказания точно сбываются».

Значит, идол исполнял также обязанности оракула!

Француз Андре Тевэ, сменивший сутану монаха-францисканца на плащ путешественника и распятие на перо, семнадцать лет колесивший по белу свету, но до России так и не добравшийся, тоже передает слухи о Золотой Бабе, слышанные им в своих скитаниях. В объемистой — из двух фолиантов — «Всемирной космографии», вышедшей в 1570 году, он дает рисунок этого идола, полученный, по словам автора, от одного поляка, которого он встретил в Турции.

Что-нибудь новое? Нет, тоже женщина на троне в какой-то не то мантии, не то хитоне, с шарфом на голове, со спящим ребенком на руках. Впрочем, может быть, поляк дал Тевэ рисунок, выбранный из какого-нибудь малоизвестного польского издания книги Меховского? Современники Тевэ немало ругали его за некритический отбор материала для своих сочинений.

Однако его известный противник Бельфорэ, выпустивший в том же году свою «Космографию» (впрочем, это скорее был просто перевод и обработка книги Мюнстера), писал о Золотой Бабе примерно то же самое.

Даже знаменитейший и авторитетнейший Герард Меркатор — фландрский географ, заложивший основы научной картографии — и тот не удержался, чтобы не поместить на своей карте 1580 года легендарного идола. Он взял его, очевидно, у Герберштейна.

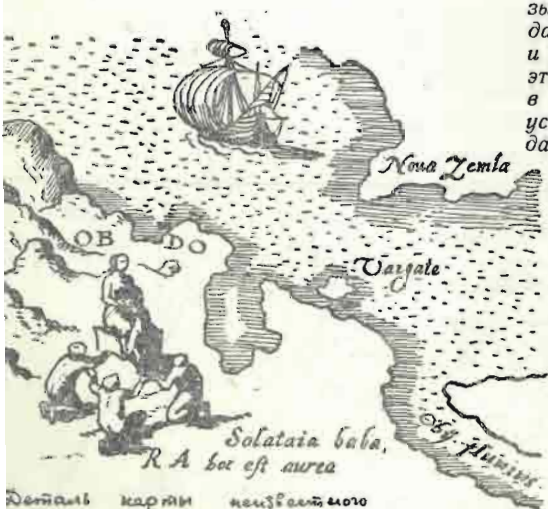
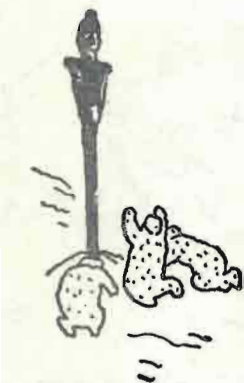
После этого не удивительно, что Золотую Бабу не обошел своим вниманием полонизированный итальянец Алессандро Гваньини, brave вояка, оставшийся под конец жизни не у дел и переквалифицировавшийся в плодовитого компилятора. Он, между прочим, сражался в войсках Стефана Батория с Московией и около пятнадцати лет был начальником Витебской крепости.

В своем «Описании Европейской Сарматии» (1578 год) Гваньини писал о Золотой Бабе:

«В этой Обдорской области около устья реки Оби находится некий очень древний истукан, высеченный из камня, который московитяне называют Золотая баба, то есть золотая старуха... Рассказывают даже, что в горах, по соседству с этим истуканом, слышен какой-то звон и громкий рев: горы постоянно издают звук наподобие трубного. Об этом нельзя сказать ничего другого, кроме как то, что здесь установлены в древности какие-то инструменты или что есть подземные ходы, так устроенные самой природой, что от дуновения ветра они постоянно издают звон, рев и трубный звук».

Похоже, что описание Гваньини составлено из всех других, более ранних. Но в нем важные, хотя и вызывающие недоумение строки, что идол высечен из камня. Почему же тогда он зовется золотым?

Однако, вот еще рисунок. Это на карте, составленной неизвестным космографом во второй половине XVI века. Простоволосая и, кажется, даже не одетая женщина с ребенком на руках сидит на скале, как на

троне, как бы вырастая из скалы. Есть здесь и надпись, повторяющая слова Герберштейна о детях в утробе Старухи.

Выходит, Гваньини не одинок. Фигуру на карте неизвестного космографа вполне можно принять за высеченную из скалы.

Но есть еще свидетельство. Оно стоит особняком в ряду других известий о Золотой Бабе.

Английский дипломат Джильс Флетчер, посол королевы Елизаветы к Федору Иоанновичу, выпустил в 1591 году книгу «О государстве русском...» Его не зря называли самым образованным человеком из всех, посетивших Россию в XVI веке. Помимо многочисленных печатных источников, Флетчер широко использовал для своей книги новые данные, полученные им от Антона Марша — английского подданного, отменного плута и оборотистого торговца.

Марш в 1584 году нанял себе в агенты двадцать пустозерцев и тайно отправил их на Обь, чтобы исследовать водный путь туда и условия сибирского рынка, а попутно вывезти контрабандой добрый транспорт драгоценных мехов. Однако царские служилые люди, имевшие на этот счет строгие инструкции, пронюхали об операции Марша, словили агентов, меха отобрали в казну, а инициатора предприятия привлекли к ответу. Маршу пришлось улаживать свои дела с помощью дипломатов.

Кем он был больше — торговцем, контрабандистом или разведчиком — сказать сейчас трудно. Но Флетчеру для своей книги он сообщил немало нового и важного.

В частности, Флетчер с его слов писал:

«...что касается до рассказа о златой бабе (или золотом идоле), дающей на вопросы жреца прорицательные ответы об успехе предприятий и о будущем, то я убедился, что это пустая басня. Только в области Обдорской, со стороны моря, близ устья большой реки Оби есть скала, которая от природы (впрочем, отчасти с помощью воображения) имеет вид женщины в лохмотьях, с ребенком на руках (так точно, как скала близ Нордкапа представляет собою монаха). На этом месте обыкновенно собираются обдорские самоеды, по причине его удобства для рыбной ловли, и действительно иногда (по своему обычаю) колдуют и гадают о хорошем или дурном успехе своих путешествий, рыбной ловли, охоты и т. п.»

Вот как! Флетчер, имевший данные от весьма сведущих людей, отрицает существование Золотой Бабы. Идол не золотой, а каменный!

А что скажут другие, писавшие после него?

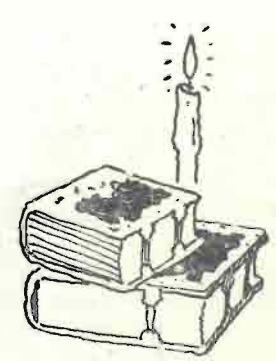
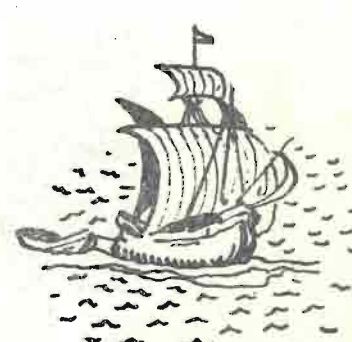
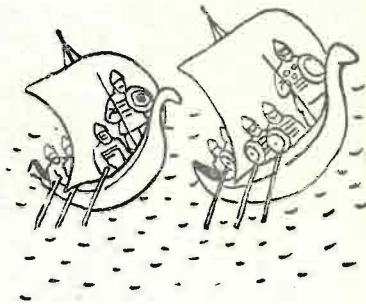
И тут новая странность. В следующем, XVII, веке сообщения о Золотой Бабе как бы перестают интересовать географов и путешественников. Словно идол исчез.

И это несмотря на то, что именно XVII век был веком наибольшего наплыва иностранцев в Россию, веком, когда познания Европы о России необычайно расширились.

Ничего не сообщают о Золотой Бабе ни английские торговые агенты Логан, Персглоу и Финч — участники экспедиции на корабле «Дружба» в 1611 году; ни нидерландский купеческий сын, впоследствии дипломат и писатель Исаак Масса, восемь лет изучавший торговое дело в Москве и издавший на родине два сочинения о Сибири; ни ученый немец Адам Олеарий, бывший секретарем голштинского посольства в Москве в 1633 году; ни другие, немало разузнавшие и немало написавшие о Сибири.

И только шведский дворянин Петр Петрей де Эрлезунд, трижды бывавший в России, в 1620 году единичным запоздалым эхом повторил в своем сочинении старые рассказы о Золотой Бабе.

О Золотой Бабе забыли. Но кто знает, может быть, она жива до сих пор? Осмелюсь предположить, что да, она существует. И, будь я помоложе, отправился бы сам разыскивать ее.

Реферат я закончил, но оказалось, что он никому не нужен. За столь «срочно нужной» работой никто не являлся.

Я позвонил по телефону, номер которого был записан карандашом сбоку письма. Мне ответили раздраженно, что ни золотыми, ни какими-либо другими бабами здесь не интересуются.

Хорошенькая история!

Я сходил в поликлинику, измерил, наконец, свое кровяное давление, достал успевшую запылиться рукопись об истоках Малаховки и начал понемногу забывать о Золотой Старухе и о каком-то невеже, втянувшем меня в оказию, стоявшую месяца трудов.

И, наверное, вскоре бы благополучно забыл. Если бы не...

Однажды, когда я, закончив свои дела в библиотеке, собирался уже уходить, меня остановил молодой человек с фотоаппаратом, висевшим через плечо.

Он еще не успел заговорить, как я понял, что это «он», искатель Золотой Бабы, турист и антирелигиозник по совместительству.

Да, я не ошибся: он был довольно лохмат (хотя и не очень), в узеньких зеленых брючках (хотя и не на молниях) и в пестром сером пиджаке. Усиков, правда, не было. Внешне его стоило признать даже приятным: темные большие глаза, любезная улыбка, вежливые манеры.

— Вы не скажете, как найти Степана Аристарховича? — спросил он меня.

— Скажу, — ответил я. — Он перед вами. Хотя, с вашего позволения, меня зовут Стефаном. Вы насчет Золотой Бабы?

Он удивленно взглянул на меня:

— Да... не совсем... Но все-таки...

— Слушаю вас, — сказал я.

— Сурен, — отрекомендовался он, пожимая мою руку.

Мы уселись за одинокий столик в углу читального зала, пустынного в этот день.

Молодой человек предупредительно осведомился о моем здоровье, уважительно упомянул о моих статьях и заметках по истории города, с сожалением отметил, что в последнее время не видит их в местных газетах. (Знал бы он, что причиной этому его письмо и Золотая Баба!)

Сурен сообщил мне, что составляет фотоальбом выдающихся деятелей Урала, своих современников и хотел бы включить в него и мой портрет. Довольно упорно отказывался я от этой чести, не считая себя вправе... Однако он настоял, утверждая, что альбом этот не выйдет за стены его комнаты и нужен ему исключительно как память о лестных встречах. То забираясь с аппаратом на стол, то совсем ложась на пол в поисках точки съемки, Сурен терзал меня добрых десять минут, пытаясь сделать снимок «пофотогеничнее». И только потом скромно задал свой главный вопрос.

Ласково поглаживая лежавший перед ним футляр с фотоаппаратом, он нерешительно, словно извиняясь за свое неуместное любопытство, сказал:

— Я, знаете ли, очень люблю наш край. Особенно его историю. Да, вы угадали: меня, в частности, интересуют легенды о Золотой Бабе. Не правда ли, как это поэтично? — И, видя, что я собираюсь возражать ему, быстро продолжал: — Мне довелось слышать, что где-то на севере еще должен быть жив старейший шаман. Несколько лет назад его видел молодой геолог Петров. Этот шаман, наверное, мог бы рассказать много любопытного... Да вот беда, забыл я название селения, где он живет. Не помните ли вы, дорогой профессор? Молодой Петров, кажется, — внук вашего старого друга...

Я профессором никогда не был и никогда никому не рекомендовался так и поэтому вначале, оторопев от изумления, немного рассердился:

— Это вы оставьте, милейший! Я, кажется, не давал повода... — Но сразу же остыл: молодой человек мог назвать меня профессором из уважения к моим сединам. — Петрова я, действительно, знал, знаю и внука его.

Хитрец! О письме он смолчал — конечно, чувствовал себя виноватым, потому что так долго не заходил за ответом.

За это время он и сам успел многое узнать о Золотой Бабе и пришел только лишь уточнить некоторые неясные вопросы. Нет, что ни говори, а и лохматая молодежь может быть не такой уж глупой!

Название селения я, конечно, не забыл. Это в районе Шаманихи, священной горы манси. Знаю и о шамане. Памятка о нем стоит на моем письменном столе. Покойный Павел Никифорович, дружбой с которым я очень гордился, рассказывал мне о давнем таежном приключении, когда спас от гибели этого шамана, а в благодарность получил от него замечательный штuf горного хрусталя. Незадолго перед смертью Павел Никифорович подарил штuf мне...

Я сообщил юноше возможный «адрес» шамана. Сурен суетливо поблагодарил и... собрался уходить. А мой реферат?!

— Позвольте, — остановил я его. — А разве вам больше ничего не нужно? Я мог бы дать... записи некоторых интересных легенд о Золотой Бабе. Многие из них вам, вероятно, неизвестны.

— Ах, да, конечно... — как-то безразлично ответил он.

— Так вот, вы их можете получить завтра, — торжественно заявил я и с улыбкой добавил: — Для антирелигиозной пропаганды пригодятся.

— О, я буду очень благодарен, — заявил Сурен, пропустив намек мимо ушей. — Если позволите, зайду завтра.

Извинившись за причиненное беспокойство (что ни говорите, а есть еще вежливые молодые люди в наше время!) и почтительно попрощавшись, он удалился, снова закинув свой аппарат за плечо.

Собирая бумагу, я обнаружил под столом, у которого мой визитер возился с выбором точки съемки, какую-то бумажку. На сложенном вдвое листке, вырванном из записной книжки, были записаны имена и даты:

«Марго — вторник, 10 утра. «Савой». 100 гр.

Толстуха — четверг, 6 часов. Плотина. 50 руб.

Если не придет, зайти на квартиру. Адрес — улица... дом... квартира...»

Признаюсь, записочка покорила меня. «Крутить», — как говорит молодежь, — сразу с двумя девушками, одну из которых называть так пренебрежи-

тельно — Толстуха! — и какие-то граммы!

Впрочем, это его дело. Может быть, я чересчур стар и многого не понимаю.

В назначенное время, взяв с собой реферат, я пришел в библиотеку. В читальном зале было немного народу, лишь две заочницы с унылым видом листали подшивки старых газет, да какой-то солидный дядя в очках азартно выписывал страницу за страницей из «Горного журнала». Наркис Константинович Чупин и Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк спокойно глядели со стен из багетных рам на эту мирную картину. Привычная, давно знакомая рабочая обстановка...

Прошло десять минут, прошло полчаса, а тот, кого я ждал, не появлялся. Я уже стал жалеть о потерянном вечере, когда вошел юноша. Нет, не Сурен. Совсем другой.

В темной рабочей куртке из чертовой кожи и в кирзовых сапогах, немного неуклюжий и нескладный, он являл собой полную противоположность тому, кого я ждал. Простоватое лицо с детскими ямочками на щеках могло бы, пожалуй, вызвать симпатию, если бы не глаза. Темные, колючие, они, казалось, хотели просверлить меня. Нет, он был далеко не так вежлив, как тот... фотограф.

Подойдя, он остановился, словно раздумывая: поздороваться или нет? Но не поздоровался и сел, хотя я встал навстречу ему.

— Так что вам стало известно о Золотой Бабе? — спросил он без предисловий, пристально глядя на меня.

Как?! И этот — о Золотой Бабе?.. Пойдите.. пойдите... А может быть, именно он и писал ту, странную записку? Конечно, он. Но почему говорит так строго и... не совсем вежливо? Смущенный прямым и колючим взглядом собеседника, я несколько неуверенно ответил:

— Да, кое-что все-таки стало известно... Это, знаете ли, не так просто...

— Я думаю — перебил он меня. — Итак, где тетрадь?

Нет, каков?! Он не просит, а требует! Как можно спокойнее, я с достоинством заметил:

— Тетрадь, с вашего разрешения, у меня с собой. А вот с кем имею честь?

Он с возмущением посмотрел на меня:

— Дайте сюда тетрадь, тогда будем разговаривать.

— Но позвольте!..

— Дайте мне тетрадь,— упрямо повторил он.

Я, наконец, взорвался:

— Послушайте, молодой человек! Мало того, что вы мистифицируете меня каким-то нахальным... да-да, нахальным своим письмом, мало того, что я больше месяца трудился для вас, перерывая гималаи книг,— так вы еще забываете прибавить слово «пожалуйста» к гзшей обаятельной просьбе дать вам тетрадь! А я пенсионер, и меня ждет своя работа!.. И я не обязан! Да-с!!

Лицо юноши стало меняться. Отмякла жесткость взгляда, появилась нерешительность, сменявшаяся затем самым простодушным удивлением. В конце моей тирады он даже открыл рот:

— Какое письмо?.. Какой телефон?.. У меня нет телефона!..

Он еще отпирается!

— А это?!— Я с возмущением сунул ему под нос злополучное письмо.

— Это не мое... Я не писал его!

Настала моя очередь удивиться:

— А чье же это письмо?

— Я... не знаю.

Мы оба растерянно помолчали.

— Так что же вам от меня угодно, милостивый государь?

— Мне нужна моя тетрадь. И... деньги, которые были в ней.

Я опешил:

— Знаете что, давайте разберемся по порядку...

И мы начали «разбираться». Начали в шесть часов в читальном зале библиотеки, а закончили в полночь у меня дома. Я поведал подробно о письме и его последствиях, вплоть до визита фотографа. Рассказ Миши (так звали моего нового знакомого) был значительно длиннее. Он заслуживает отдельного изложения, (не

премину сделать это дальше). Пока же скажу, что тетрадь, которую искал Миша, была в самодельном парусиновом переплете с тесемочками. А фотограф оказался ему подозрительным. В этом я позволил себе усомниться: людям надо верить!

* * *

Много дней мы ждали возможного прихода... ну, этого самого... фотографа Сурена. Но он, словно почуяв что-то, не появлялся. Зато мы всласть наговорились за это время с Мишей и очень подружились. Мне давно не хватало юного друга, так любящего свой край, так умеющего слушать (о, это большое искусство, свидетельствующее о бездне других хороших качеств!) и которому я мог бы передать свои знания о крае, накопленные в моей голове и в моих архивах за пятьдесят с лишним лет краеведческих занятий.

Но вчера фотограф попался-таки мне. Он прохаживался по Набережной около плотины с неизменным фотоаппаратом через плечо и беспокойно оглядывался по сторонам. Мое появление явно не обрадовало его. Он даже попытался укрыться за толстым тополем, в надежде остаться незамеченным. Но когда понял, что это бесполезно, то выдавил из себя подобие улыбки и поспешно (даже слишком поспешно) направился ко мне:

— А!.. Здравствуйте, глубокоуважаемый... Простите, что был столь неаккуратен. Болел. Этот идиотский вирусный грипп. Но я вам непременно занесу ваши карточки.

Он хотел улизнуть, но я взял его за пуговицу:

— Да-да, пожалуйста. Я очень прошу вас. Хотя бы завтра, часов в семь. Конечно, в библиотеке.

— М-м... Завтра я, вероятно, не смогу. Но как-нибудь на днях...

— Нет, я очень прошу вас, зайдите завтра. Тем более, мне надо передать забытую вами бумажку.

— Какую бумажку, мой дорогой?— с улыбкой спросил он, хотя глаза были злыми.

— Довольно странную: Толстуха... Са-вой... И так далее.

Фотограф побледнел:

— Да... я, кажется, забыл. Дайте же эту бумажку, пожалуйста!

— К сожалению, не могу. Она дома. Если хотите, могу завтра принести ее в библиотеку. Кроме того, я должен извиниться перед вами: я в прошлый раз перепутал адрес шамана. Завтра вы получите уточнение.

Хитрость с адресом была идеей Миши. Я, признаюсь, не очень верил в нее.

— Хорошо, завтра так завтра,— согласился Сурен.— А сейчас, простите, спешу.

Он почти побежал от меня, придерживая рукой фотоаппарат.

Я свернул в переулок, но что-то заставило меня через минуту осторожно выглянуть из-за угла. Мой фотограф словно никуда не убежал. Он стоял у папета набережной и разговаривал с ка-

кой-то толстой накрашенной дамой, годящейся ему в матери.

«Не эта ли — Толстуха? Ну и ну...», — подумал я.

Сегодня, на целый час ранее назначенного, я пришел в библиотеку и уселся на свое постоянное место, чтобы в ожидании фотографа еще раз просмотреть реферат и эти пояснения к нему. Тем более...

Тем более, что вчера объявился третий соискатель Золотой Бабы! И об этом надо обязательно сейчас записать.

Миша в соседней комнате, где-то под потолком роется в «Записках УОЛЕ». Сердитый. Он уверен, что фотограф — жулик. Ах, Миша, Миша! Ты милый парень, но ты, конечно, ошибаешься. Людям надо вер...

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРШЕГО ТОПО- РАБОЧЕГО МИШИ ЛЕБЕДЕВА

Я должен подробно описать эту историю, чтобы не забыть ничего, так как, мне кажется, она еще не окончена и за нею может скрываться что-то значительное.

Она началась в тот день, когда в нашем стройуправлении выдавали зарплату. Старший геодезист Иван Петрович, с которым мы тогда разбивали трассу водопровода на дальнем участке, решил закончить работу пораньше.

— Ты... управься уж сам. Мне к начальству успеть надо,— сказал он, поглядывая на часы.

Я знал, куда нужно было успеть Ивану Петровичу. Его Марья Ивановна — весьма решительная женщина. Она обычно подстерегала нашего геодезиста у кассы и, нагрузив сумками и авоськами, под собственным конвоем отправляла домой, тогда как Ивану Петровичу это было «решительно ни к чему», ибо лю-

бимого им пива дома не полагалось даже в получку.

И все-таки Иван Петрович был славный мужик. Это он зазвал меня к себе топоробочим, когда я пришел наниматься на стройку обязательно бетонщиком. Он убедил меня, что грамотного и толкового рабочего, годного в помощники геодезисту, найти бывает куда труднее, чем обычного бетонщика.

В первый же месяц я поблагодарил Ивана Петровича за хороший совет. Работа оказалась не столь уж легкой, как думалось мне вначале, требовала много внимания, сообразительности и знаний. Мне предстояло, например, самостоятельно изучить тригонометрию, которую мы в восьмом классе еще не трогали. А освоить нивелир, установить его по уровню за полторы-две минуты — это тоже чего-нибудь да стоит. Тем более, что в полевых условиях, в тайге, когда иной раз дорога каждая минута светового времени, такое умение просто необходимо.

...Когда Иван Петрович ушел, я сложил нивелир в ящик, протер и свернул мерную ленту, отнес инструмент в «прорабку» и только тогда не спеша пошел в управление — все равно очередь у кассы должна была рассосаться через час, не меньше.

И очень хорошо, что шел не спеша и не кратчайшим путем, а окраиной. Иначе я бы не встретился с Павлиновной.

А именно здесь, на старой городской окраине, переживавшей нынче свою вторую молодость, прошло мое детство.

Радостно было теперь смотреть на новые четырехэтажные дома. Они поднимались за почерневшими от времени и заводского дыма хибарками с обязательными ставенками на окнах — то синими, то зелеными, то коричневыми. Тут, в этих домах, и моя доля труда. Вон для того, углового, мы с Иваном Петровичем «разбивали оси». К тому желтому, что выходит в переулок, «тянули теплотрассу». А у детского садика «задавали отметки» под планировку. Значит, есть тут доля труда и старшего топорабочего Михаила Лебедева! Правда, младших рабочих в штате нет, но это уже детали, о которых можно не упоминать.

Я шел по знакомой улице степенно, чуть раскачиваясь с боку на бок, усталой, но твердой походкой — рабочий класс!

Вот и дом, где прожили столько лет. Мы уехали отсюда в тот страшный год, когда погиб Тима. Не могли тут жить после этого... Пусть меньшая и худшая квартира, но — не здесь.

Эх, Тима, Тима...

Вот и знакомый подъезд с обшарпанной, исписанной мелкими дверью. Может, сохранились и мои упражнения? Пружина у дверей всегда была тугой. Маленькому дверь не открыть, всегда надо было просить взрослых.

Да и сейчас какая-то старушка силится открыть ее. Я поспешил помочь и увидел, что это Павлиновна — та самая, с которой мы поменялись квартирами.

— Спасибо, сынок, — не удивилась она, увидев меня. — Хоть бы ослабили эту пружину, силушки нет... Живешь-то как?

— Ничего, живем. Работаю вот... Старшим!.. — не утерпел я похвастаться.

— Это ладно, — согласилась Павлиновна. — Работать всем надо. — И, оглядев меня внимательно, но думая о чем-то своем, спросила: — Мать-то как? Плачет, поди, все? Ты не давай ей думать, дума — она как ржа, всю душу съест может.

Я хотел попрощаться, но Павлиновна остановила меня:

— А ты бы зашел. Мне там недавно тетради и книги его принесли, думали, что по-прежнему живете здесь.

— Кто принес?

— Ну, те, которые обстоятельства расследовали, почему Тима погиб. Тетради-то эти, сказывают, в лесной избушке под ветками были найдены...

Павлиновна принесла мне две книги — Обручевский «Спутник краеведа и путешественника», томик стихов Константина Симонова и Тимину походную тетрадь-портфель. Он сам делал для нее корочки — оклеил парусиной и приделал тесмочки-завязки из ботиночных шнурков.

Я помню их, книги и тетради лежали в кухне на табуретке у рюкзака. Вначале их было больше, но потом Тима отобрал только эти, а остальные вручил мне и сказал, ласково толкнув в спину: «Волоки обратно в шкаф. Рюкзак, к сожалению, не резиновый».

Поблагодарив Павлиновну, я побежал к трамваю, бережно прижимая книги. До управления я сумел бегло заглянуть в одну из тетрадей (их оказалось две в одной папке).

Тетрадь содержала записи о Золотой Бабе. Их было очень много, хватило бы на целую книгу. Так вот над чем сидел ночами мой брат, проглатывая книгу за книгой, делая выписки — даже когда готовился к экзаменам. Значит, Тима это почему-то считал важным. Не за этим ли он шел в тот поход?

Во вторую тетрадь — она принадлежала Фаине, спутнице Тимы по походу, — мне заглянуть не удалось, пора было выходить из трамвая.

* * *

Очередь у кассы была еще изрядной — подъехали бригады с дальних участков. Но мне удалось пробраться вперед. Там стоял Эдька, одноклассник по школе, сосед по дому, а ныне монтажник-подсобник. Он подмигнул мне, улыбнувшись во всю «шанежку», — как он любил называть собственную действительно кругленькую физиономию, — и крикнул:

— Чего бродишь! Скоро очередь подойдет, не пустят.

Я понял: надо встать, как ни в чем не бывало, впереди него.

Первые получки... Наверное, все волнуются, получая их. К ним сразу не привыкнешь, к этим свидетельствам возму-

жалости. Чуть дрожит рука, выводящая нарочито небрежную подпись...

Зажав в кулаке хрустящие бумажки вместе с охлаждающей ладонь мелочью, мы выскочили из тесной клетушки, где помещалась касса, и плюхнулись на скамью в коридоре, потеснив какого-то невзрачного старца, в одиночестве сидевшего на ней.

— Сколько у тебя? — осведомился Эдька, раскладывая на коленях деньги на две кучки. — У меня пять. Для расчета неплохо. Две бумажки предкам, остальные потомку. — И он соответственно разложил деньги в разные карманы своей лыжной куртки, ставшей спецовкой.

— У меня поменьше, — сказал я, укладывая свою получку в Тимину тетрадь.

— Все домой? — кивнул Эдька на мой «бумажник».

— Маме. Когда надо, могу взять.

— Ну, у моих обратно не возьмешь, — вздохнул Эдька. — На киношку даже не подкинут. Приходится комбинировать. Так ведь, дед? — обратился он к соседу.

Старик недружелюбно посмотрел на него и, пожевав губами, отдельно ответил:

— Нет, не так! И я вам, молодой человек, не дед, к тому же. А если бы и был дедом, то, наверное, высек бы. Такой зеленой молодежи незачем иметь много денег и говорить таким корявым языком.

— Ишь ты! — удивленно сказал Эдька и с любопытством оглядел старика. Но тот уже отвернулся от нас, блеснув розовой лысиной, окруженной венчиком белых волос.

Однако Эдька не закончил бы разговор, если бы не подошел наш главный инженер. Поглаживая по всегдашней привычке свою досиня бритую голову, он озадаченно посмотрел на нас, словно вспоминая что-то.

— Ну что, хлопцы, премию получили? — вспомнил он, наконец.

— Какую? — почти в голос спросили мы.

— Как какую? За досрочную сдачу со-рокаквартирного. Что за безобразие — работать умеют, а премии получать не научились! — шутивно набросился он на нас. — А ну, марш!

Мы переглянулись и, не заставив

просить себя второй раз, бросились в кассу.

Денег причиталось немало, почти столько же, сколько зарплаты. Но... мне их некуда было положить.

— Ты что, обомлел от радости? — спросил Эдька, видя, что я растерянно держу деньги в руках.

— Тетрадь... у тебя? — смог только пробормотать я.

— Вот лапоть! Она же на скамейке осталась.

Выбежали в коридор. «Спутник крае-веда» и Симонов по-прежнему лежали на скамейке. А тетради не было. Исчез и старик.

— Это, конечно, он! — решил Эдька. — Больше некому. Я же говорил — вредный. Бежим догонять, наверное, к трамваю топает.

Но старика не оказалось ни по дороге к трамваю, ни на остановке. Наверное, успел уехать.

Тетрадь исчезла. И получка. И Тайна Золотой Бабы. Возможно даже, что и какие-то еще не известные нам обстоятельства гибели Тимофея и Фаи.

...Они вышли в зачетный туристический поход высшей категории трудности. Поход долго не утверждали, так как почему-то считалось, что Урал для таких маршрутов не подходит: для этой цели всегда выбирался Памир, Забайкалье или, на худой конец, Алтай. Ребята же доказывали, что наш Северный Урал вполне отвечает всем условиям и, кроме того, такие походы помогут лучшему освоению нашего края.

Народ подобрался очень надежный — пять студентов последнего курса института, опытные и дисциплинированные туристы. Тщательно отработан и изучен маршрут.

Ничто не предвещало несчастья. Аккуратно по графику поступали вести с контрольных пунктов. На последний пункт они пришли даже с опережением графика. Успешно была пройдена самая сложная часть пути — трехсоткилометровая «ненаселенка». Маршрут близился к завершению. Но в назначенный день с последнего контрольного пункта сообщения почему-то не поступило. Не было телеграммы и на следующий день... И еще на следующий. Три дня спустя начались поиски.

...Не забыть этот выюжный февраль-

ский вечер, такой черный, что в трех метрах от фонаря уже ничего не было видно. Не закрыв за собой двери, вбежала Вера Андреевна — мать Фаи, спутницы Тимы по походу — и с воплем бросилась к ногам моей мамы, сидевшей на диване. Как сейчас помню остановившиеся, расширенные мамины глаза — незнакомые, дикие, такие страшные, что хотелось кричать.

Их нашли в стороне от маршрута по дороге к вершине, восхождение на которую не входило в план похода. Вещи были сложены отдельно, в лесной избушке на маршрутной тропе. Тимофей лежал у Подножия горы, с зажатой в руках неразряженной ракетницей. Фая — километрах в трех от избушки. Остальные трое — далеко в стороне, свалившиеся на дно глубокой замаскированной ямы. Буран, разыгравшийся в те дни над северной тайгой, замел ее до краев. Ребят откопали. В них еще теплилась жизнь, и всех удалось отходить.

Что рассказывали спасенные? Очень мало. Они вышли по следам Тимофея, чтобы предупредить его о надвигавшемся буране. И заблудились. Почему? Подвел компас, еще накануне совсем исправный. Они выбросили его, а ориентироваться больше было не по чему.

Что значила для мамы гибель Тимы, об этом я рассказать не сумею. Скажу только, что Тима был ее надеждой после гибели нашего отца. Отец ушел на фронт в последний год войны, а маме с нами двумя жилось нелегко. Так нелегко, что она не любила даже вспоминать об этом времени. Ее заработка трестовской машинистки едва хватало на то, чтобы отovarивать карточки и уплатить за квартиру. Тима уже ходил в школу, а одеть его было совсем не во что. И пальто, и шубой ему служила перешитая отцовская телогрейка. В доме были одна простыня и две наволочки, но и те перешили на пеленки, когда родился я. Одеялом мне служила старая скатерть. Но я знаю, мама никогда не жаловалась, не отчаивалась. Она ждала и надеялась.

Пришел день Победы, и мама спокойно вздохнула — опасность для отца миновала, и теперь можно было ждать его

домой. Вот почему месяц спустя подслушанное почтальоном под дверь письмо встретили как радость, как возможное сообщение о скором приезде отца.

Но в письме было другое. То, что называли похоронной. Отец погиб при разминировании жилых домов под Берлином. Он так и не увидел меня — я родился после его отъезда.

Так мы остались втроем — мама, Тима и я. Тима очень походил на отца, и мама могла часами смотреть на него спящего, воскрешая в памяти дорогие ей черты.

Тима был и надеждой. Мама изнемогала, работать ей становилось уже не под силу. Он должен был стать кормильцем. Не раз порывался он бросить учебу и пойти работать, но мама настояла, чтоб он кончил институт.

И вот, накануне выпуска... Нет, мне и сейчас трудно говорить об этом...

* * *

Понятно поэтому, каким волнующим событием была для меня находка Тиминой тетради, и каким горем — потеря ее.

Я решил найти похитителя.

Эдька настаивал, что это старик. Пожалуй, вправду, больше некому.

Как истый почитатель «Библиотечки военных приключений», он разработал обстоятельный план поисков преступника. Эдька поджидал меня после работы и ошарашивал новыми деталями своего фантастического плана.

То он предлагал стнести Обручева и Симонова в лабораторию и снять там отпечатки пальцев, непременно оставшиеся на книгах (как будто старик перед похищением тетради обязательно трогал книги). То осматривал с лупой скамью, в надежде найти ниточку одежды или пепел с папиросы (хотя старик, по моему, не курил). То что-нибудь еще.

Я же предложил обойти все комнаты управления и узнать, к кому приходил старик и кто он такой.

Однако, хотя мы и побывали у всех, за исключением разве только начальника и главного инженера, — никто ничего о старике не знал.

(Продолжение следует)

РАСПИСАНИЕ ВИРДЖИНИЯ-ЛАЙН

ЮРИЙ УСЫЧЕНКО

Рисунки Н. Мооса

«Мы заметили, что для пассажирских судов расписание — важнее всего, важнее даже жизни потерпевших кораблекрушение».

Ален Бомбар. «За бортом по своей воле».

— Ого! — со смехом воскликнул Иванов. — Да вы настоящий мореход, мистер Харрисон.

Невинное замечание вызвало совершенно неожиданный результат. Шипчандлер побагровел, голубые глаза его вспыхнули недобрым огнем. На левой руке Харрисона Иванов вдруг заметил синий вытатуированный якорек.

— А почему, позвольте вас спросить, сэр, я не могу быть настоящим моряком? — Харрисон говорил с паузами, сдерживая гнев.

Иванов смутился, мягко ответил:

— Мистер Харрисон, я, кажется, чем-то обидел вас? Это произошло неумышленно, извините.

Искренний тон капитана подействовал. Харрисон вздохнул, сильные пальцы его, сжатые в кулак, ослабли.

— Сердиться глупо, — сказал Харрисон. — Мое прошлое вам неизвестно.

— Конечно, откуда мне знать.

Шипчандлер, не торопясь закурил, помолчал, собираясь с мыслями. Чувствовалось, что он хочет поделиться каким-то случаем из своей жизни.

— Видите ли, — сказал Харрисон, — я действительно был моряком и мечтал остаться им навсегда. Если вы располагаете временем?..

— Пожалуйста, я готов слушать, — Иванов бодряще глянул на собеседника.

— О моих способностях к морскому делу можете судить по тому, что к тридцати четырем годам я сделался капитаном пассажирского судна «Мария Глория», которое принадлежало кампании «Вирджиния-лайн», — начал Харрисон, пристально глядя на стену каюты, как бы читая невидимые письма. — Ходили мы по регулярной линии Монтевидео — Лиссабон. Конечно, «Мария Глория» намного отличалась от всемирно известных лайнеров вроде «Куин Мери» или «Маврита-

Шипчандлерами называются агенты торговых фирм, которые снабжают суда всем необходимым для рейса. Профессия довольно суматошная, как всякая торговлишка в капиталистическом мире, требует известной доли нахальства, умения «забить баки» покупателю.

Однако мистер Харрисон выгодно отличался от большинства своих назойливых, шумливых и бесцеремонных коллег. Сдержанный, корректный, с резкими чертами умного и волевого лица, прямым взглядом чуть блеклых голубых глаз, он невольно внушал к себе уважение и приязнь. Безукоризненная честность его в торговых сделках проявлялась не раз, была вне сомнений.

Вопреки поговорке, добрая слава разносится еще быстрее худой, и капитаны советских судов, попадая в этот порт, старались иметь дело с мистером Харрисоном, а не с другими шипчандлерами. Так поступил и Александр Михайлович Иванов, капитан парохода «Свердловск».

Мистер Харрисон пришел на «Свердловск» под вечер, почти перед концом рабочего дня. О делах с Ивановым договорились быстро, а потом капитан достал из шкафчика бутылку вина, чтобы по исконному русскому обычаю попотчевать гостя. Потягивая вино, Харрисон и Иванов болтали о том, о сем. Капитан, между прочим, посетовал на сложную навигационную обстановку в проливе, который «Свердловску» предстояло проходить. Харрисон согласился с ним и дал несколько очень толковых советов.

нии», однако слыла комфортабельным и быст­роходным судном. Командовать ею была большая удача и честь, тем более для молодого капитана. Я считал себя рожденным в сорочке, дорожил местом, лез из кожи, чтобы хозяева «Вирджи­ниа-лайн» не могли меня ни в чем упрекнуть...

Харрисон сделал небольшую паузу, обдумы­вая дальнейший рассказ, и продолжал:

— Итак, дела шли отлично. Но судьба лю­бит сыграть с нами злую шутку, к ударам ее надо быть готовым. Вы знаете, что в наше время о ко­раблекрушениях слышно все реже. Однако море есть море, оно до сих пор сильнее человека. Осо­бенно неудачным для мореплавания был период спустя несколько лет после войны. Чем это объ­яснить, не знаю. Наверное, сказалась реакция после напряжения, в котором жили и работали моряки в военную пору. Сделали свое дело за­бытые и сорванные с якорей плавучие мины, да и шторма как будто стали сильнее, чем раньше — вспомните ураган в Атлантике, который погубил сотни судов.

— Да,— кивнул Иванов.— Я командовал тог­да не «Свердловском», другим кораблем. Мы чуть не погибли...

— Вот-вот. «Мария Глория» совершала рей­сы через оживленный морской район, и, наверное, этим в какой-то мере объясняется то, что произо­шло со мной. Нам оставалось несколько часов до Лиссабона, когда в дверь моей каюты постучался матрос и доложил, что вахтенный штурман про­сит меня на мостик. Я поднялся туда, штурман протянул мне бинокль:

— Посмотрите, сэр.

Примерно милях в трех я увидел небольшой рыбачий бот. Оттуда отчаянно махали нам, пода­вая сигналы. Погода была довольно свежая, и утлое суденышко то взлетало на волнах, то скры­валось между ними.

— Что делать, сэр?— спросил штурман.

— Похоже, просят о помощи. Надо подойти поближе,— ответил я.

Приблизиться к суде­нышку, взять его на борт с экипажем при семи­балльном ветре и хоро­шей волне — заняло не менее часа: вы моряк и понимаете, что это еще незначительный срок для подобного маневра. Час спустя «Мария Глория» легла на прежний курс, а я в кают-компании бе­седовал с людьми, кото­рых мы подобрали. Они оказались рыбаками. Ста­рая история — испортил­ся мотор, понесло по во­ле ветра, трое суток бол­тались без воды и пищи, но не встретили ни од­ного судна. Не подвер­нись «Мария Глория», их понесло бы дальше в океан... Худые, почерневшие от усталости, страха и голода, все четверо смотре­ли на меня, как на гос­пода бога, хриплыми го­лосами не переставали благодарить за спасение.

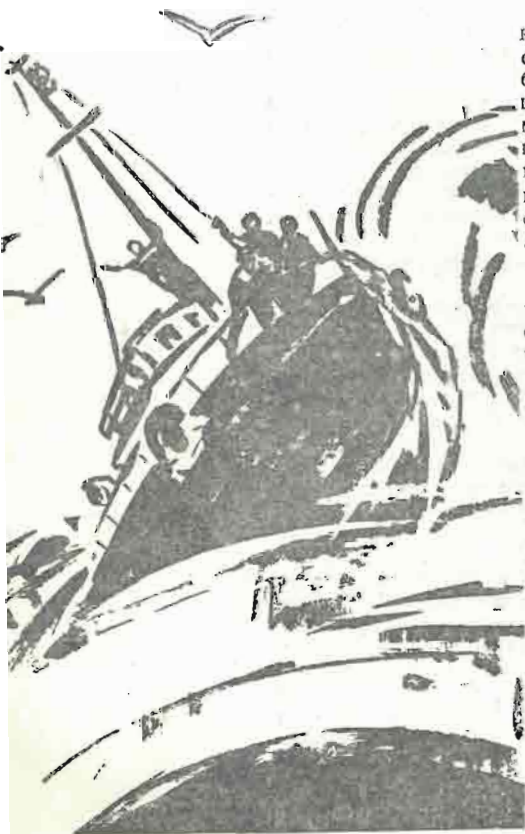
Откровенно говоря, у меня теплело на сердце при мысли, что мы выручили из беды собратьев-моря­ков, сохранили семьям кормильцев. А тут еще явилась делегация от пассажиров и произнесла целую речь о гуманности, самоотверженности, христианском человеколюбии и тому подобном — ведь на берегу любят истории о кораблекруше­ниях, унесенных в океан и всем таком прочем, по мнению береговых, очень романтично. Лиссабон­ские газеты тоже ухватились за сенсационный ма­териал и трезвонили о нем всюду. Фотографиро­вали меня, фотографировали «Марию Глорию», фотографировали рыбаков,— одним словом, все и всех, кого возможно. Не скрою, общее внимание мне льстило, чувствовал я себя героем. Немного, правда, подпортила настроение беседа с лиссабон­ским представителем компании доном Педро Гуа­рецом — довольно паршивого вида и нрава чело­вечишкой, маленьким, одетым с шиком манекена. Во время разговора он смотрел собеседнику в пе­реносицу.

— Все прекрасно, вы поступили как подоба­ло христианину,— сказал дон Педро, когда я кон­чил доклад о рейсе.— Но...— Тут он посмотрел мне в переносицу. Я хотел поймать его взгляд, а глаза дона Педро вильнули в сторону.— Но «Ма­рия Глория» пришла в порт на час позже, чем указано в расписании.

— Мы затратили час, подбирая рыбаков, ко­торых несло в океан,— сказал я, хотя минуту на­зад уже объяснял причину опоздания.

— Вот именно это я имею в виду... Вы сво­бодны, желаю вам счастливого рейса.

Дон Педро представлял хозяев, спорить с ним не полагалось. Я простился как мог веж­ливее и ушел, кусая губы. На улице я немного успокоился, постепенно отлегла обида. В конце концов разговор с Гуарецом забылся. Вспомнить его пришлось восемь месяцев спустя, далеко от Лиссабона — на широте острова Фернандо-де-Но­ронья. Вечер кончался. Вы знаете эти великоле­пные тропические закаты, которые невозможно опи­сать словами, столько в них красок. Мы со стар­шим штурманом стояли на мостике, любуясь ухо­дящим солнцем, когда услышали рокот самолета. Мы оба почувствовали в нем что-то тревожное, необычное. Минуты две спустя над нами показал­ся двухмоторный аэроплан. Он летел, странно на­кренившись, круто снижаясь к воде. Не успели мы толком разглядеть самолет, как из него вы­валился комочек и раскрыл парашют — белый и розовый в лучах закатного солнца. Машина клю­нула носом и нырнула, подняв фонтан брызг. Наступила тишина. День сменился ночью безо всякого перехода, как бывает в тропиках. Мы со штурманом недоуменно посмотрели друг на друга, проверяя, не померещилось ли нам — так внезап­но все произошло. К сожалению, на наших гла­зах действительно погиб самолет, единственный оставшийся в живых член экипажа его барахта­лся где-то недалеко от «Марии Глории», скрытый крошечной тропической тьмой. Штурман сказал, что вероятнее всего он утонул. Я не согласился с таким предположением. У летчиков есть спаса­тельные пояса, которые надуваются автоматиче­ски, держат на воде даже потерявшего сознание человека. Я приказал спустить шлюпки и отпра­вить на поиски. «Мария Глория» застопорила ма­шину, тихо покачивалась на пологой океанской волне. Минуты бежали за минутами. Прошло час, полтора, два. Пассажиров встревожила внезапная остановка среди океана. Когда я объяснил, в чем

дело, они успокоились. Но я успокоиться не мог. Ходил и ходил по мостику от крыла к крылу, вглядываясь в непроницаемую темноту, гадал, скоро ли вернутся шлюпки. Они вернулись через два часа восемнадцать минут. Вернулись ни с чем, найти парашютиста не удалось. Что произошло с ним, почему потерпел аварию самолет, — оставалось для нас загадкой. Переводил я стрелку машинного телеграфа со «стоп» на «полный вперед» с тяжелым сердцем. Я не мог упрекнуть ни себя, ни своих подчиненных — мы сделали, что могли. Найти ночью одинокого пловца в океане труднее, чем иголку в стоге сена. Совесть любого из нас могла быть чиста. Могла быть... Мысль о человеке, который остался среди безбрежной пустыни, о жестокой и долгой гибели его не уходила. Она преследовала меня весь рейс., который продлился на двадцать минут дольше, чем обычно. Полностью нагнать опоздание не удалось.

Харрисон снова остановился, собираясь с мыслями.

— Не в пример Гуарецу, — продолжал после паузы Харрисон, — представитель компании Монтевидео мистер Шумахер высок, солиден, добродушен. Он угостил меня сода-виски, поддакивая, одобрительно кивая, выслушал доклад, а в заключение сказал:

— Мой дорогой капитан, вы вторично нарушили расписание.

— Не по своей воле, сэр.

Мистер Шумахер задумчиво покачал головой, ласково ответил:

— С какой точки зрения посмотреть... Ведь вы хозяин на судне и вольны поступать, как вам вздумается.

Откровенный намек меня ошарашил.

— Да, сэр, однако... — пробормотал я.

— Конечно, конечно, — перебил мистер Шумахер. — Но все же, — на лице его промелькнуло какое-то неуловимое выражение, и я сразу понял цену добродушия мистера Шумахера, — но все же расписание «Вирджиния-лайн» священно. Запомните это, мой дорогой Харрисон, прошу вас. Запомните ради своего собственного благополучия.

— Слушаю, сэр! — что мне оставалось ответить?.. И вот, вы догадываетесь, что случилось потом? Судьба настойчива. Раз начав, она преследует нас до конца... Помните гибель «Порт оф Нанси»? Нашумевшая история, о ней говорили моряки всего мира. «Порт оф Нанси» затонула у берегов Зеленого Мыса, две шлюпки ее встретил английский корвет, а плот с боцманом и кочегаром попался нам. Я никогда не забуду чувств и мыслей, нахлынувших на меня, когда вахтенный крикнул: «Виджу плот с людьми!». Моему сыну исполнилось пять лет. Он рос славным парнем, красивым и добрым, как его мать. Я готов был пожертвовать всем ради их счастья. Всем, капитан Иванов. Поверьте, я не преувеличиваю и не хвастаюсь... Но я знал, что сейчас отдам команду, которая в третий и последний раз нарушит расписание «Вирджиния-лайн». В нашей душе есть что-то сильнее рассудка, самосохранения, даже сильнее любви. Хотя нет, я не прав. Потом, много дней спустя, анализируя свой поступок, я понял, что среди других чувств мною руководила и любовь к Тедди: я не хотел делать его сыном подлеца... Ну, вот и все. Остальное вам ясно... Экипаж старался выручить меня, кочегары не жалели сил, и остальную часть пути «Мария Глория» неслась, как бешеная. Иногда я совершенно серьезно боялся взрыва котлов. Котлы не взорвались, а встречавшие на

ших пассажиров на причале в Монтевидео прождали лишних сорок три минуты... Узнав об этом, мистер Шумахер не стал вдаваться в объяснения. Он посмотрел мне в глаза. Положение мое было дрянным, а я с гордостью и радостью подумал, что у меня никогда не будет такого взгляда, как у мистера Шумахера... Много раз до того я посещал кабинет мистера Шумахера, но никогда раньше не замечал, как он длинен. Протискиваясь с Шумахером, я шел и шел к двери, шел и шел по коричневому блестящему полу, и мне казалось, что моему пути не будет конца. В зеркале я увидел, что Шумахер склонился над столом, углубившись в чтение каких-то бумаг. Может быть, он уже забыл обо мне... Или старался забыть?.. Что потом, не хочется рассказывать. Меня уволили с репутацией «норовистого», таких судовладельцы берут неохотно. Капитаном устроиться не мог. В конце концов, благодаря помощи друга, попал шипчандлером в этот богом забытый порт...

Харрисон замолчал. В каюте стояла печальная и густая тишина. Иванов разлил остатки вина по бокалам. Харрисон взял тонкий стеклянный сосуд, посмотрел сквозь него на свет, сказал с улыбкой — невеселой и чуть растерянной:

— Человек — непонятное существо, капитан. В сорок лет я остался за бортом, погубил карьеру... А доведись снова попасть в такую переделку, я опять нарушил бы расписание «Вирджиния-лайн».

— Верю, — тепло ответил Иванов. — Верю!

«КИНОЗВЕЗДА»

Актером Тузик стал случайно. Когда в Североуральск приехала съемочная группа «Хмурого Вангура», с одним из четвероногих артистов случилось несчастье: он попал под машину. В городской газете появилось объявление: для съемки фильма требуется собака, сибирская или уральская лайка. Предлагали многих собак, но все они по каким-либо причинам не подходили. Кто-то посоветовал обратиться к дежурному электрику Бок-

ситстроя Клавдию Дерябину: «У них пес что надо». Но когда пришли знакомиться с «артистом», он выглядел неважно, так как накануне участвовал в схватке с чужими собаками. И все-таки остановились на Тузике. Скоро пес стал любимцем съемочной группы.

Сниматься в кино Тузику понравилось: ежедневно в определенное время он выходил на крыльцо и ожидал, когда придет за ним машина. Как только открывалась дверь автобуса, пес

ИЗ СЛОВАРЯ УРАЛЬ

В обиходе уральских охотников очень много слов, которые у городских жителей обычно означают совершенно иные понятия. Например, **СТАНОК**. Это вовсе не машина для обработки металла или дерева, а самая обыкновенная умело замаскированная яма для подстерегания уток. **ШИХТА** — не сырье для производства металла, а густые пряди лишайников, свисающие с ветвей деревьев. **СОР** — не мусор, а своеобразное озеро в заливной пойме.

Однажды в комариную пору мой спутник сказал мне, что вечером будет делать **ПАРИК**, иначе комары спать не дадут. Я представил себе парик чем-то вроде полога или сетки, которая надевается на голову. Каково же было мое удивление, когда узнал, что париком называют обыкновенные полаты на высоких ножках. Делаются они из жердей, под ними разводятся маленький костер-дымокур. Спать на парике очень удобно, тепло, и комары не кусают.

Позже я узнал еще одно название такой постели. В Гаринском районе, Свердловской области, ее зовут **НОРМЫ**, или **НОРМА**. Вероятней всего, название это заимствовано из языка манси.

Здесь же, в Гаринском районе, я впервые услышал слова **ЯЧА** и **ЛУПЧА**.

ЯЧА — это промысловая тропа, обозначенная затесками на деревьях. Иногда она — широкая, настоящая дорога, а чаще — едва приметная тропочка, по которой охотник затаскивает к избушкам свой **УЖИН**. На языке охотников «ужин» означает не только вечернюю еду, но и весь запас продовольствия на сезон промысла.

Самые чистые и широкие ячи мне приходилось видеть в знаменитых Вагильских или Осинских кедровниках. В реку Вагиль впадает речка Осья. В верховьях этой речки стоит громадный массив кедровника. Весь кедровник пересекает четырнадцать яч. Здесь яча не только тропа, но

ТУЗИК

заскакивал в него и садился рядом с шофером Гошей.

Осенью вместе со съемочной группой Тузик отправился на Кавказ. Четвероногий артист прекрасно вел себя на съемках. Он выполнял то, что от него требовалось, и показал «высокое артистическое дарование».

Много времени прошло с тех пор, как закончились съемки. Фильм вышел на экран. Но Тузик, кажется, до сих пор помнит то время. Когда около дома останавливается машина, он выбе-

гает на улицу. Обнаружив, что это не автобус киностудии, грустно поворачивает назад. Он по-прежнему хорошо несет службу сторожа. превосходно ведет себя на

охоте и, наверное, мечтает о том времени, когда представится возможность еще раз проявить себя в третьей «профессии» — профессии актера.

А. МАЛЬЦЕВ.

СКИХ ОХОТНИКОВ

и граница промыслового участка. В годы, когда бывает много кедрового ореха, местные жители делят меж собой участки, потом чистят ячи и после промысла по ним вывозят кедровый орех на лошадях.

Слово ЛУПЧА означает завал на реке. Завалы — настоящее бедствие таежных рек. Падают в реку перестойные кедровые и сосновые деревья, вода подмывает берега, и с них вместе с корнями сползают громадные разлапистые ели. Где-нибудь в узком месте застрянет одно дерево, а на него громоздятся другие, и получается завал, через который на лодке не проедешь. Люди рубят его, пилят деревья на части. А на следующий год опять лупча образуется, опять пили ее, опять тащи лодку по берегу.

Известны случаи, когда целые деревни переселялись вниз по реке из-за такой непобедимой лупчи. На реке Конде, выше Турсунского Тумана, людям пришлось даже сделать специальный прокоп, чтобы пустить реку по новому руслу, в обход старой лупчи. Здесь и расстояния не километрами, а лупчами да плесами меряют. ПЛЕСОМ зовут прямой однородный отрезок между двумя мысами. Если спросишь местных охотников, далеко ли еще до деревни осталось, они тебе и ответят: «Двенадцать плесов, четыре лупчи, да три перебора». Переката, значит; вот и прикинь, сколько будет.

Очень меня интересовало, что с рекой станет, если человек не будет лупчи разбирать. Оказалось, на лупчу половодье нанесет ил, сначала трава, потом деревья на ней вырастают, а река промывает новое русло. И превращается лупча в остров или просто в береговую мыс. Глядишь на него и никогда не подумаешь, что на этом самом месте когда-то текла река.

Г. БАБАКОВ

ВСТРЕЧА НА 112 КИЛОМЕТРЕ

Вертолет идет над тайгой. Кругом, куда ни кинешь взор, лес, лес — на юг, север, запад, восток.

Тайга. Она простирается здесь на сотни километров, вплоть до берегов реки Оби. Краем «зеленого золота», газа, нефти называют ее люди. Веками, не шелхнувшись, стояли стройные сосны, могучие кудрявые кедры. Ничто не нарушало их покой.

Лучи солнца освещают макушки сосен, заливают светом поляну. Наклонившись, держась за сосны развесистыми ветвями, точно боясь упасть, стоит кедр. Его корни выброшены на поверхность земли. Кругом тишина...

Но не красота глухомани, не

вековые сосны и кедры привлекают сегодня художников в тайгу. Их привлекает человек, преобразующий ее. Рокотом сотен механизмов наполнился лес.

Более двух лет прошло с того дня. Все дальше и дальше на север уходят рельсы:

*Тайгу раздвигая,
Ложится дорога,
Шаги семилетки —
Поступь стальная.*

Строители открыли движение тепловозов до станции Оус, что находится на 62-м километре трассы. Отмеряя новые версты, шагает путеукладчик. На подступах к реке Конде бьется головной отряд строителей.

112-й километр трассы. Здесь я и встретил свердловских художников И. Нестерова, Н. Чеснокова и А. Казанцева.

Из карьера, тяжело дыша, выползали груженные песком мощные самосвалы. Они направлялись в сторону полотна будущей железной дороги. За рулем одного из них — комсомолец Володя Гринюк. Володя еще не знает, что после смены его попросят помочь перебрать двигатель, а завтра — отработать подряд две смены... Он не откажет, как и ни один из его товарищей.

Володя Гринюк вряд ли чем отличается от своих товарищей, приехавших на строительство таежной магистрали по комсомольским путевкам! Может, именно потому, что он как все, его портрет пишут художники.

— Гигантская стройка! — восхищается художник Чесноков. — Две недели — небольшой срок, поэтому нам приходилось работать с утра до позднего вечера. Техника, люди — все в движении, отсюда минутные этюды, мгновенные наброски... Мы побывали на станции Оус, где заложен большой современный город, на строительстве крупнейшего на трассе моста

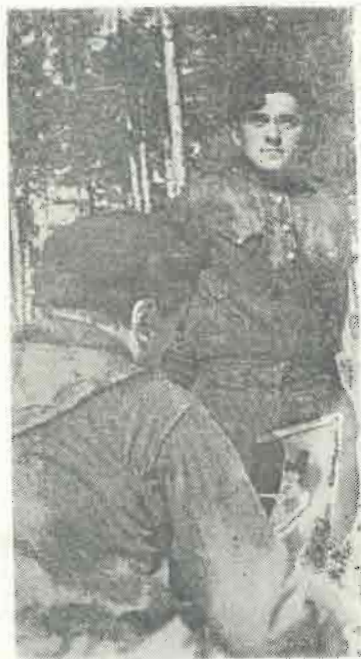

Художнику Н. Чеснокову часто приходилось писать и так.

через реку Пелым, в головном отряде строителей, прокладывающих сланцевую дорогу. Всего не перечислишь... Но где бы мы ни были, всюду писали этюды и портреты простых парней и девчат, под чьим натиском отступает тайга.

Более сотни этюдов и набросков сделали художники на трассе Ивдель — Обь. И кто знает, может скоро появятся картины, рассказывающие о героизме человека, прокладывающего через болота и непроходимые чащобы новые пути. Трасса Ивдель — Обь.

В. КОСТОУСОВ

В короткие минуты отдыха Володи Гринюка художник И. Нестеров работал над его портретом.

День первый,

26 января 1928 года

Казанский поезд, пробившись сквозь крутую коловорот разгулявшейся метели, прогромыхал на стрелках и остановился возле Свердловского вокзала. На зябкий перрон высыпали пассажиры. Их было немало, — с чемоданчиками, с деревенскими сундучками, а то и просто с тощими заплетенными мешками... Почитай, пол-России устремилось тогда в эти края — на Восток, на Урал, где набирало разгон строительство социализма.

Чем он отличался от других, этот приезжий? Трудно сказать. Ростом? А мало ли таких же высоких да крепких людей было среди новоселов. Открытым и твердым взглядом? Уверенной походкой? Ну, к тому времени вся Россия научилась держаться уверенно, по-хозяйски — Советской власти шел одиннадцатый год.

Нет, приезжий был таким же, как и все, кто прибыл в этот уральский город. Только, может, повнимательнее других присматривался он ко всему, что делалось здесь: к ломке и созиданию, к отмиранию и рождению, к поступкам людей и их настроениям.

На площади перед вокзалом он взял извозчика:

— В гостиницу «Эрмитаж».

Был мороз, и дул обжигающий ветер. Но приезжий не прятал лица, а все смотрел перед собой, смотрел внимательно, в упор.

В гостинице его уже ждал тихий, застенчивый Павел Ильич Лэвут — администратор поездки.

— Мы вас заждались, Владимир Владимирович, — сказал он с улыбкой. — А дел у вас будет немало. Вот, посмотрите...

В правом углу сложенной вдвое газеты была напечатана статья с портретом. «Приезд... на Урал — бесспорно, глубоко положительное явление, становящееся особенно ценным в свете общего, наблюдающегося сейчас оживления литературной жизни...» — И последняя фраза, выделенная особо: — «Но «Деловой клуб»¹ далеко не единственный клуб на Урале. Есть у нас и «Дома Октябрьской революции!»

— Намек понятен, дескать, выступать в клубе инженерно-технических работников — одно, а в рабочем клубе...

— Усваиваю! — прервал его с улыбкой приезжий. И потом, уже серьезно, добавил: — Будет так, как надо. С рабочим человеком искать общий язык мне нечего. У нас язык давно уже общий.

В регистратуре гостиницы приезжий представился просто:

¹ Деловой клуб — так назывался в 1928 году клуб инженерно-технических работников Свердловска. Теперь в этом здании находится филармония.

КАК ЖИВОЙ С ЖИВЫМИ

— Маяковский. Поэт. К вам в город на несколько дней на работу.

И работа началась в этот же день. Афиши, расклеенные по городу, извещали, что в четверг, 26 января, в Деловом клубе, состоится выступление поэта Владимира Маяковского...

Владимир Владимирович вышел на сцену в точно обозначенное время, подтянутый, собранный, строгий. С минуту постоял, чуть откинувшись назад, пристально вглядываясь в зал. А когда улегся шум, шагнув вперед, сказал приглушенным голосом:

— Рим-Ромы¹ выступают с эстрады, певцы-куплетисты и музыканты имеют аудиторию, а поэты — нет.

Зал загудел: кому-то уже не понравились эти первые слова. Но Маяковский, чуть повысив голос, продолжал говорить о новых задачах поэзии. Возбужденный зал все явственнее расслаивался на сочувствующих и протестующих. Словно радуясь этому, поэт, рубя рукой воздух, бросал страстные, пламенные лозунги:

— Поэты — на эстраду! Искусство — в массы! Зал был наэлектризован до предела.

— «Хорошо!» — поэма о революции, — спокойно объявил Маяковский. — Это — моя резолюция.

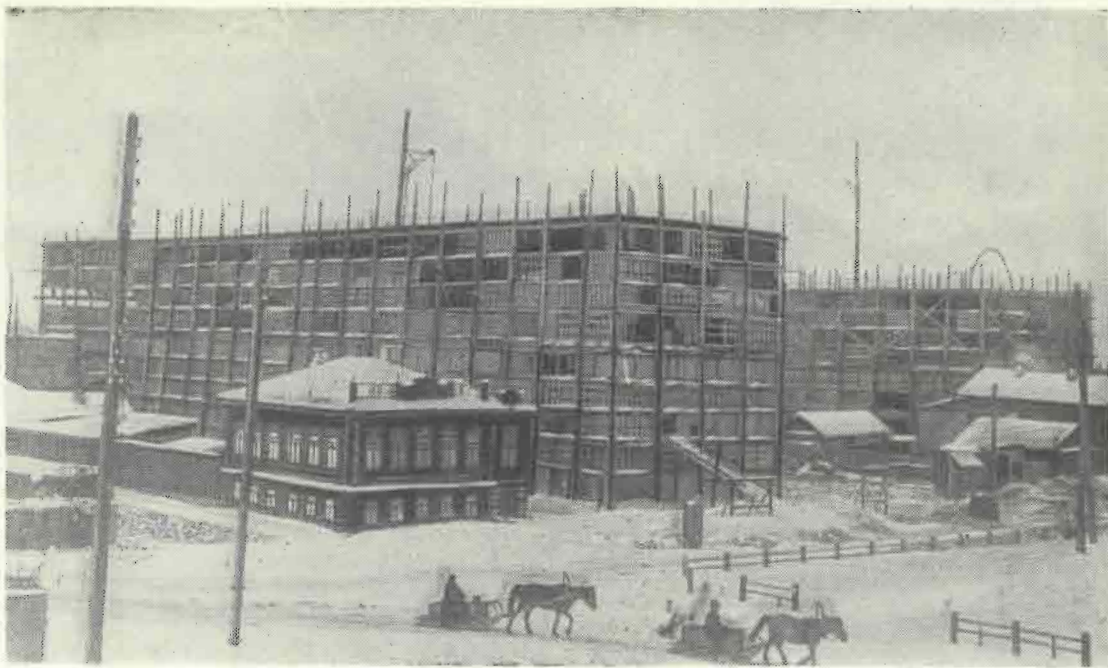
И начал читать. Зал опять словно замер. Чем дальше продолжалось чтение, тем все более чуткой становилась тишина. Но теперь чувствовались уже не возбужденность, не нервность, а энтузиазм.

И сочувствующие, и протестующие были властно захвачены могучей силой. И те и другие не жалели ладонь. Овации сотрясали стены. Усталый, но довольный ушел Маяковский со сцены. А люди продолжали аплодировать.

За кулисы пришли несколько актеров, певцов, журналистов, а с ними вместе первый председатель исполкома Свердловского Совета Анатолий Иванович Парамонov. Познакомились. Маяковский отмахивался от комплиментов, с интересом высказывал о культурной жизни города.

Договорились все вместе поужинать. Ужин получился по-настоящему товарищеским. Шутили, смеялись, зазывали Маяковского в гости. Он ссылался на занятость. К столу вместе с Лемешевым,

¹ Рим и Ром — эстрадные артисты, выступавшие в те дни в свердловском кинотеатре «Колизей» (теперь «Октябрь»).

Свердловск в конце двадцатых годов. Угол улиц Ленина и Обсерваторской.

певшим тогда в Свердловском оперном театре, подошла молоденькая балерина.

— Ах, Владимир Владимирович! — зашебетала она. — Я так давно мечтала с вами познакомиться.

— Вот как?

— Честное пионерское! И вот наконец я вас встретила. Поэтому вы, конечно, будете так добры и дадите мне автограф!

Она протянула коробку из-под папирос. Маяковский усмехнулся, но достал огромную самописку и, раскрыв коробку, что-то написал.

Видя, что знаменитый поэт неуязвим для чар, балерина удалилась. А Маяковский повернулся к Парамонову:

— Интересуетесь, что я там изобразил? — И весело рассмеялся: — «Петров».

— Почему?

— А чтобы не носилась с моим именем, как с писаной торбой. Думаете, ее интересуют стихи? Нет! Будет везде тыкаться и стрекотать: «Я лично знакома с Маяковским! Мне Маяковский дал автограф!»

Засиделись долго. Маяковский узнал, что рядом бильярдная. Захотел сыграть партию. Попросил Парамонова проводить. Было уже поздно, играть пришлось с маркером. Маяковский играл красиво, с большим мастерством. Когда Парамонов заметил это, Владимир Владимирович весело улыбнулся и продекламировал:

— Скажем,

мне — бильярд

— отрицаяю глаз!

И тут Парамонов признался, что не понимает у Маяковского некоторых стихов: начнешь читать — язык заплетается.

— Что ж, — спокойно ответил поэт, — это по-

нятно: мы привыкли к Пушкину, он делал в литературе погоду. Теперь надо ломать привычку.

Парамонов, страстный охотник, рассказал поэту о своей удаче: на днях он убил медведя. Завтра жена состряпает пирожки из медвежатины.

— Из медвежатины? — Маяковский даже отложил кий. — Вот уж чего никогда не едал.

— Теперь такая возможность есть. Заходите завтра.

— Пожалуй. Даже обязательно! Мне еще надо вас кое о чем выспросить.

День второй, 27 января 1928 года

Проснулся чуть свет, но спать уж не хотелось.

Настроение было отличное. Правда, больше чем обычно беспокоило горло, но он к этому уже привык. Но не делать же из этого мировую проблему, черт возьми!

Маяковский вспомнил, как прошел пешком от Делового клуба до гостиницы. На улицах горели костры. Их багровое пламя освещало обветренные жесткие лица рабочих, рывших траншеи. Строительство не прекращалось и ночью. Город рос на глазах. Новые дома появляются всюду. Говорят, собираются заселять дома Горсовета, кажется на улице Ленина или на Пушкинской. Надо обязательно туда заглянуть. И вообще надо осмотреть город. Надо обязательно написать о Свердловске. Стоит.

Он встал, побрился, сел поработать. Пришел Павел Ильич Лавут.

— Ну, здравствуйте, мой продюсер! Каковы наши дела?

— Тридцатого, Владимир Владимирович, надо выезжать в Пермь.

— Так быстро? А я-то собирался побывать еще у металлургов Верх-Исетского завода.

До обеда поэт работал, потом вышел на улицу. Повсюду громоздились леса строек. Маяковский останавливался, заговаривал с рабочими и снова шел, шел, пристально глядявываясь во все, что происходило вокруг.

В четыре, как и договорились, на улице Вайнера, возле редакции газеты «Уральский рабочий» Маяковский ожидал провожатый — молодой журналист, «знаток» города.

— Значит, в новый дом, Владимир Владимирович, к металлургам в гости? — спросил он.

— Только безо всяких извозчиков. Да тут и недалеко.

...Они пробыли у металлургов около часу. Маяковский вышел взволнованным.

— Будто у социализма в гостях побывали! Это достойно самых лучших поэм. Передайте товарищам, — сказал он своему спутнику, — что социальный заказ выполнен. Стихи занесу завтра, и непременно что-то будет свердловское. Ну, а я из гостей в гости. На медвежатину!

Парамоновы уже поджидали поэта. На кухне приятно щекотал ноздри аппетитный чадок: на сковородке шипели и румянились пирожки из медвежатины.

Анатолий Иванович и его жена встретили знаменитого гостя со всем уральским хлебосольством. «Пир» получился на славу. Маяковскому очень понравились пирожки — сочные, нежные. Он никак не мог поверить, что они из медвежатины.

Разговор, естественно, шел о Свердловске, о свердловчанах — этим Маяковский интересовался больше всего.

— Город, город, что он представляет сейчас, чем был, чем будет?

— Да пока город еще ничего особенного не представляет. То, что у нас есть, — это вчера, — отвечал Анатолий Иванович. — А главное у города — это завтра. Сбросили с пьедестала на плетине памятник коронованной Екатерине I и принялись за строительство.

Маяковский выпрашивал о революционной истории города, о планах; зная, что последний российский самодержец нашел свой бесславный конец в Свердловске, попросил рассказать об этом подробнее.

— Да ведь меня в то время и в городе не было, — ответил Парамонов. — Воевал. Правда, мой друг рассказывал, даже показывал место, где сожгли останки «его величества». Я еще для памяти сделал зарубки на березах.

— Хорошо бы побывать, посмотреть.

— Что вы, Владимир Владимирович! Это далеко, да и зима сейчас.

— Нет, все-таки хотелось бы. Может, съездим?

...В гостиницу Маяковский вернулся поздно. Пора было уже спать: завтра предстоял трудный день. Но как совладаешь с впечатлениями минувшего дня? Стихи о Свердловске вырисовывались теперь совершенно отчетливо. И не думал даже Парамонов, какую неоценимую помощь окажет он своим рассказом поэту! Еще за столом прямо в строку легли его слова:

*У этого города
нету сегодня,
а только завтра
и вчера.*

Пригодилось все — и хождение по улицам, и разговоры с рабочими, и посещение театра. Теперь поэт был знаком с людьми, чьи руки рождали этот городище «из воли, Урала, труда и энергии».

День третий,

28 января 1928 года

Вставать снова пришлось рано. Правда, на этот раз разбудил Парамонов. Он вошел в комнату, раскрасневшийся с мороза, в тяжелой дохе. Маяковский быстро поднялся и почти мигом был готов.

На улице лежал иней. Провода закуржавели и провисали под тяжестью игольчатой бахромы. Лошади бежали споро. Вот и город уже далеко позади. Вдоль дороги — могучие сосны под высоким снежным малахем, чем-то напоминавшим шапки древнерусских бояр.

— Ну, а теперь придется пешком, — сказал Парамонов.

Дорогу пересекали какие-то следы. Они ухилились как раз в ту сторону, где по расчетам Анатолия Ивановича находилось кострище. Взмахи были большими. «Волки», — определил Парамонов. — Видно, гнались за кем-то.

Пошли по следу. Владимир Владимирович с улыбкой смотрел, как его проводник, забавно взмахивал руками и, глубоко проваливаясь в своей тяжелой дохе даже на тропе, приглядывался к березам.

— Зарубки?

— Да, ишу...

Сделали несколько кругов.

— Кто его знает, толи здесь, толи в другом месте...

Свердловск в наши дни. Угол улиц Ленина и Баждова (Обсерваторской).

Маяковский иронически огляделся:

— А немного осталось от его императорского величества.

Обратно ехали молча. Маяковский был погружен в размышления, и Анатолий Иванович не хотел нарушать их.

В пять часов вечера поэта уже ждали рабкоры и молодые литераторы из группы «На смену!» Но еще до этой встречи он успел побывать в редакции «Уральского рабочего» и передать два стихотворения: «Три тысячи и три сестры» и родившееся только вчера «Екатеринбург—Свердловск».

Рабкорам и членам литературного кружка при комсомольской газете «На смену!» ждать пришлось недолго. Маяковский вошел в переполненный зал, на ходу развязывая шарф, — высокий, строгий, собранный, даже чуть суровый. Ведь предстоял разговор с литературе. Снова борьба, в которой надо отстаивать свои, партийные позиции. Вот почему почти с первых же слов:

— Я считаю за честь для себя, если мои стихи совпадают с партийными директивами...

И он говорит о месте поэта в рабочем строю, обрушивается на «гитарную» лирику. Достается и критике, особенно ее раповскому крылу.

— Есть такой журналишко, «На литературном посту» называется. Работает, а он тебе на ухо бубнит: «Нет, не так! Нет, не так!» — «А как?» — «А я и сам не знаю...»

Конечно, и здесь не обходится без выкрика:

— Ваши стихи непонятны для масс!

Поэт плотно сжимает губы, над переносицей появляется жесткая складка:

— Кто это говорит?.. Вы?.. Кем вы работаете?.. Библиотекарем?!

И уже трудно сдержать раздражение!

— Вы должны пропагандировать мою поэзию,

а кто вы?.. Книжный регистратор!.. Я массам понятен. На Путиловском однажды читал стихи... перед рабочими. Кончил — спрашиваю: «Кто не понял? Поднимите руки!» Из пятисот человек поднял только один. Оказался тоже библиотекарем.

Как всегда, много вопросов, самых разнообразных. Щелкает затвор фотоаппарата. Фотокорреспондент «Уральского рабочего» Л. Сурин запечатлел на пластинке Маяковского. Поэт стоит возле стола. Правая рука его на графине — пятерня стиснула пробку...

...Еще днем по Горному институту разнеслась весть: сегодня перед будущими горняками выступит Маяковский! Аудитории бурлили. Задолго до урочного часа актовыв зал был заполнен до отказа. Кое-кто пристроился на подоконниках. Заполнены проходы, забаррикадированы двери. Пели комсомольские песни, шутили, смеялись и спорили. Конечно, о поэзии, о Маяковском. А он уже шел по коридору — в черной шапке, с массивной тростью, висящей на руке. Подошел к одной двери актового — куда там, не протиснешься! Попытал счастья у другой — тоже баррикады.

— Да пустите же, ребята! Я — Маяковский. А не пропустите — и вечер не состоится, — шутит он.

Быстро раздевшись, выходит на сцену. Твердым взглядом обводит аудиторию: кто здесь — друзья или противники? Друзья! Улыбка делает лицо ясным, даже юношеским:

— Читайте поэму «Хорошо!»

День был нелегкий. Маяковский устал. В перерыве он курит папиросу за папиросой.

А на столе уже — груда записок. Отвечает. Серьезно или с юмором, или с сарказмом, — в зависимости от характера вопроса. Зал живо реагирует на каждое слово.

Вечер затянулся. Но куча записок почти не

Свердловск. Здание, в котором в 1928 году помещалась редакция газеты «Уральский рабочий».

убывает... Маяковский рассказывает их по карманам:

— На эти ответить сейчас не могу. Надо обстоятельно подумать. Приходите за ответом через сто лет...

Сошел со сцены. Его окружили плотным кольцом. Завязалась самая оживленная, по-настоящему дружеская беседа. Кто-то протянул поэту для отзыва свои стихи.

— Прочитаю, непременно прочитаю. Приходите в гостиницу завтра, поговорим.

Сопровождал поэта Иван Федорович Егармин, пока еще просто Ваня, молодой газетчик. Шли по улице Вайнера. Пробираясь через ухабы и рвы, добродушно чертыхаясь, Владимир Владимирович весело говорил:

— Черт знает, что делается! Все улицы изрыты, не город — строительная площадка...

А ротационные машины в это время уже «крутили тираж» завтрашнего номера «Уральского рабочего», где были помещены стихи об этой самой «строительной площадке» — «новом городе: работе и войне»...

На исходе третьих суток пребывания в Свердловске Маяковский написал своего «Козырева». Вернувшись 5 февраля в Москву, он передал стихотворение в «Правду».

День четвертый,

29 января 1928 года

Утро прошло в обычных хлопотах. Работал, разговаривал с самыми разнообразными посетителями. Почти силой пришлось выпроводить двух не в меру экспансивных девиц, любителей писательских автографов. Читал газеты, снова восхищался большими делами, разворачивающимися в столице Урала.

Потом опять выступление в Деловом клубе, четвертое по счету за время пребывания в Свердловске. Аудитория отличная: рабочие, комсомольский актив, представители заводских культкомиссий. Долго не отпускали, требовали стихов и снова стихов. Реакция была самая непосредственная, острая.

Вечером в том же Деловом клубе доклад «Даешь изящную жизнь».

К этому выступлению он всегда относился с особой серьезностью. Ведь в нем давался открытый бой мещанству, решившему во что бы то ни стало опутать своими ядовитыми силками молодежь — будущее молодой страны Советов.

Расклеенные по городу афиши и объявления гласили:

Разговор-доклад

«ДАЕШЬ ИЗЯЩНУЮ ЖИЗНЬ»

1. ТЕМЫ:

Черемухи и луны со всех сторон
Нездешний гость с гармошкой
Страусы в клетках
Эпоха фрака
Брюки дудочкой
Упраздненные пуговицы
Петушки-гребешки, теремочки

В. В. Маяковский выступает в редакции «Уральского рабочего».

Пролетарий сам знает, что ему изящно и что красиво

II. НОВЫЕ СТИХИ:

Письмо к любимой Молчанова

Рак и пиво завода имени...

Даже мерин сивый...

Письмо Горькому

Мусье Гога

Слух идет бессмыслен и гадок

Мишка, как тебе нравится эта рифмишка?

Разговор с Венерой Милосской о Вячеславе Полонском

III. ОТВЕТЫ НА ЗАПИСКИ

Да, он очень волновался. Именно из-за этого волнения он казался несколько самоуверенным, даже грубоватым. Впрочем, такое мнение складывалось далеко не у всех. Большая часть аудитории переживала каждое его слово, как собственное откровение.

— Что это за лозунг «Даешь изящную жизнь»? — спросил Маяковский у зала, взмахнув рукою, словно разрубая пространство, сам же ответил на вопрос: — Его нужно понимать как отрицание изящной жизни, санкционированной буржуазным классом.

И добавил:

— Одним из пунктов левовской программы является борьба с бытом, созданным эстетами наших дней.

Его голос звучал твердо:

— Перед лицом всего мира мы строим новое, социалистическое государство, мы должны создать и новый быт без унизительного подражания заграничным образцам...

И здесь, в самом патетическом месте своего доклада, он улыбнулся, улыбнулся потому, что увидел в первом ряду мальчишку в брючках-дудочках и уцепившуюся за него очень юную испуганную партнершу.

Однако, надо продолжать доклад, и поэт едко высмеивает «канаречный» быт. Сняв пиджак, застучив рукава рубашки, он читает стихи:

*Слава, слава героям!!!
Впрочем,
им довольно воздали дань,
теперь
поговорим
о дряни.*

И он клеймит «дрянь», говорит, что заграничная «мода» проникает уродливыми потоками в советский быт и кое-где успевает подмочить крепкие устои нашей молодежи. С этим надо бороться решительно и беспощадно. Если мы объявляем классовую войну мировой буржуазии, если ее миру мы противопоставляем свой, то эту враждебность нужно сохранить до конца, во всем, сверху донизу. То, что проникает в наш быт из-за границы, заключает в себе микробы разложения. Товар, проникающий контрабандой из-за рубежа и уродливо воспринимаемый нами, подтачивает твердые устои нашего быта, вызывает нотки общественной пассивности.

День пятый,

30 января 1928 года

Снова тот же вокзальный перрон... Погода выдалась отличная. Небольшой, но ядерный морозец, над самой головой ослепительный диск солнца. Поезд уходил в Пермь. Около вагона собралось несколько новых знакомых. Пришел проводить поэта и Парамонов.

Последние рукопожатия, добрые напутствия. Маяковский вырвал из записной книжки листок и протянул его Анатолию Ивановичу.

— Ведь вам приходится бывать в Москве. Здесь два адреса и два телефона. Первый, в Гендриковом переулке, — на всякий случай. Главное — это Лубянка. Там, в двенадцатой квартире третьего дома, — мой рабочий кабинет. И телефон «4-48-22» знают только мои друзья. Приедете — заходите, звоните. Буду вам рад!

Это было 30 января.

Не знал Анатолий Иванович, что больше им не суждено будет встретиться. Судьба занесет его в Москву только в печальном апреле тридцатого года, и он опоздает. Телефоны так и останутся на листе из записной книжки. Они не сгодятся...

Поезд, набрав скорость, скрылся вдаль. Маяковский стоял у окна и вглядывался в последние домики пригорода.

До свидания, Свердловск! До свидания, город-друг, до свидания!..

Вся эта хроника отчетливо представилась мне, когда я слушал Анатолия Ивановича Парамонова.

Насколько точна она?

О предельной точности говорить всегда рискованно. А здесь тем более: ведь сам я не был очевидцем описываемых событий. Но в одном я уверен наверняка: все эти события были и скорее всего именно в той последовательности, в которой они представились в моем воображении, — ведь я и до встречи с Анатолием Ивановичем ознакомился с документами, с воспоминаниями, с рассказами очевидцев.

Чем особо знаменательны свердловские стихи Маяковского? Своей фактичностью. Скажем, в «Императоре» называется даже фамилия А. И. Парамонова, человека совершенно конкретного. То же можно сказать и о «Екатеринбурге — Свердловске».

Заглянем в почти дословную запись рассказа Парамонова, еще раз прочтем стихи Маяковского, и мы увидим совпадение не только мыслей, но и целых выражений в стихе и этом рассказе.

Работу над «Императором» Маяковский начал, по-видимому, по свежим следам, вечером 29 же января засел за «заготовки». Полностью стихотворение было написано позднее. По возвращении в Москву, вероятно, дорабатывалось и было напечатано лишь в четвертой, апрельской книге «Красная ночь».

Такова история «Екатеринбурга — Свердловска» и «Императора». А как же быть с «Рассказом литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру»? Как было написано это стихотворение? Под ним стоит дата — 28 января 1928 года. Как с «фактичностью» здесь? Был ли такой человек, литейщик Иван Козырев, на самом деле?

Ответить на эти вопросы не так просто. В предисловии к двухтомнику сочинений поэта, изданному в 1949 году, говорится, что стихотворение появилось в результате посещения Маяковским вновь построенного дома по улице Ленина 5, который заселялся рабочими Верх-Исетского завода. Выясняем. Нет, дело обстояло не так. Архитекторы и строители в голос утверждают, что в январе 1928 года дом еще не заселялся. Но встреча Маяковского с кем-то из визовцев все же состоялась. Об этом совершенно определенно пишут в «Уральском рабочем» от 14 апреля 1940 года двое рабочих ВИЗа — литейщик Ф. Морозов и сталевар А. Быков:

«Будучи в Свердловске 12 лет назад, Маяковский написал один из лучших своих стихов — «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру». Рабочие Верх-Исетского завода хорошо запомнили это стихотворение. В те годы многие рабочие нашего завода переезжали из тесных квартир в новые благоустроенные дома.

Рассказ одного из наших литейщиков Маяковский и изложил в своем стихотворении».

Скорее всего, встреча произошла 27 января, так как 26 и 28 января время было занято до предела. А вечером 28 января это стихотворение Маяковского было написано. Наверняка так и было. А, впрочем, может быть и не так?

Кто знает, тот напишет об этом.

А. ПУДВАЛЬ

СУДЬБА «ТЕОДОРА НЕТТЕ»

Это была одна из тех случайных встреч, которые так часто происходят в Москве. На привокзальной Комсомольской площади стояла группа моряков в бескозырках с надписью «Тихоокеанский флот». Один из них спрашивал у прохожих, как найти памятник Теодору Нетте.

— Нам обязательно нужно побывать у Нетте,— пояснил он.

Мы хорошо знали памятник Нетте на Ваганьковском кладбище. На обелиске высечен портрет молодого человека в очках— революционера, командира батальона красных латышских стрелков в гражданскую войну, а потом советского дипломата, убитого фашистами.

Но что связано у тихоокеанских моряков с Теодором Нетте? Разговорились. И вдруг оказалось, что в порту, где они служат, стоит сейчас знаменитый «Теодор Нетте»: пароход, о котором писал Владимир Маяковский.

Революционера Теодора Яновича Нетте с Маяковским познакомил литературовед Роман Якобсон. Они подружились. Но вскоре пришло известие об убийстве дипломата в поездке на перигоне Икшкиль—Саласпилс. Маяковский тяжело переживал гибель друга. По рассказам администратора его гастрольных поездок Павла Ильича Лавута, Владимир Владимирович во время публичных выступлений неизменно читал стихотворение, посвященное Нетте, а перед этим говорил:

— Нетте— наш дипломатический курьер— погиб в Латвии при исполнении служебных обязанностей, отстреливаясь от нападавших на него контрразведчиков... Я хорошо знал товарища Нетте. Это был коренастый латыш, с приятной улыбкой, в больших роговых очках. Я встречался с ним много раз. Приходилось ездить с ним за границу в одном купе... В Ростове на улице я услышал— газетчики кричат: «Покушение на наших дипломатов Нетте и Махмастая». Это была моя первая встреча с Нетте уже после его смерти. Вскоре первая боль улеглась. Я попадаю в Одессу. Пароходом направляюсь в Ялту. Когда наш корабль покидал гавань, навстречу нам шел пароход, и на нем золотыми буквами, освещавшимися

солнцем, два слова: «Теодор Нетте»— это была моя вторая встреча с Нетте, но уже не с человеком, а с пароходом...

Пароход был построен на Невском судостроительном заводе в 1912 году. Тогда же его приписали к Одесскому порту. Пароход назывался сначала «Тверь», потом «Сорно». Он курсировал по линии Одесса—Батуми, а с 1930 года стал возить товары и продовольствие из Одессы в порты Камчатки и Чукотки. В тридцать третьем его приписали к Владивостокскому порту. Неумоимо бороздил он волны морей и океанов в дальних плаваниях, а в годы Отечественной войны был включен в состав Военно-Морского Флота и стал мясным заградителем и тральщиком.

Волны и время не щадили корабль. С каждым годом он все больше уступал современным судам, а когда зимой 1953 года «Теодор», как коротко назвал его экипаж, попал в сильный шторм, судьба его была предопределена. Ему доверили сделать своим ходом последний рейс: прийти в Петропавловскую гавань. Туманным утром 5 ноября 1953 года он пришел в одну из бухточек Ава-

чинской губы и стал на якорь. Все это рассказали нам моряки. В Музее боевой славы Петропавловска-Камчатского открыта специальная экспозиция, посвященная пароходу и тому, чьим именем он был назван. Матросы с действующих кораблей и приезжие в Петропавловск-Камчатский обязательно приходят на старый корабль, на потемневшем корпусе которого еще видны золотые буквы: «Теодор Нетте».

Иван Григорьевич Козорез— последний боцман корабля— с удовольствием водит на него экскурсии. Самое волнующее в рассказах Козореза— традиция, существовавшая на корабле: каждому новичку обязательно сообщали историю парохода, биографию дипломата, показывали каюту № 22, в которой бывал Маяковский, а новичок должен был наизусть прочитать стихотворение «Товарищу Нетте— пароходу и человеку».

М. ЗИНОВЬЕВ, С. МАРКОВ,
«Ленинское знамя»

Теодор Янович Нетте

СТРАНИЧКА ЮНОГО ЛЕДОПЫТА

НАСЛЕДНИК

Якутка сказала: «За сыном бегу!».
Спокойная, вышла за дверь
и видит: мальш наигрался в снегу
и спит на сугробе теперь.
«Будить его? Жалко!—
подумала мать.—
Обедать придется потом...»
И так же, как вышла,
спокойно опять

она возвращается в дом.
Мальчишка лежит,
обнимая сугроб,
а щеки смуглы и туги...
И солнце целует уснувшего в лоб:
ведь это —
наследник тайги!

НИКОЛАЙ ЕВСТИФЕЕВ

ДЕТУШКА НЕТУШКА

Есть у мамы детушка —
Сын любезный Нетушка.
Нетушка в двенадцать лет
Знает только слово «нет»,—
Вот, какой он, детушка,
Сын любезный Нетушка.
— Купишь хлеба на обед?
— Нет!
— Так сходи купи газет.
— Нет!
— Будешь кушать винегрет?
— Нет!
— Ну, вставай скорей!
— Не встану!
— Ешь сметану.
— Нет, не стану!

Я не стану
Есть сметану,
Я не буду
Мыть посуду...
Не оденусь, не умоюсь!—
У него один ответ.—
Я не встану!
Я не стану!
Нет! Нет! Нет!
Ох, ты, чадо-детушка,
Сын любезный Нетушка!
Все горюют папа с мамой:
— И в кого наш сын пошел?!
Отчего такой упрямый,—
Просто вылитый осел!

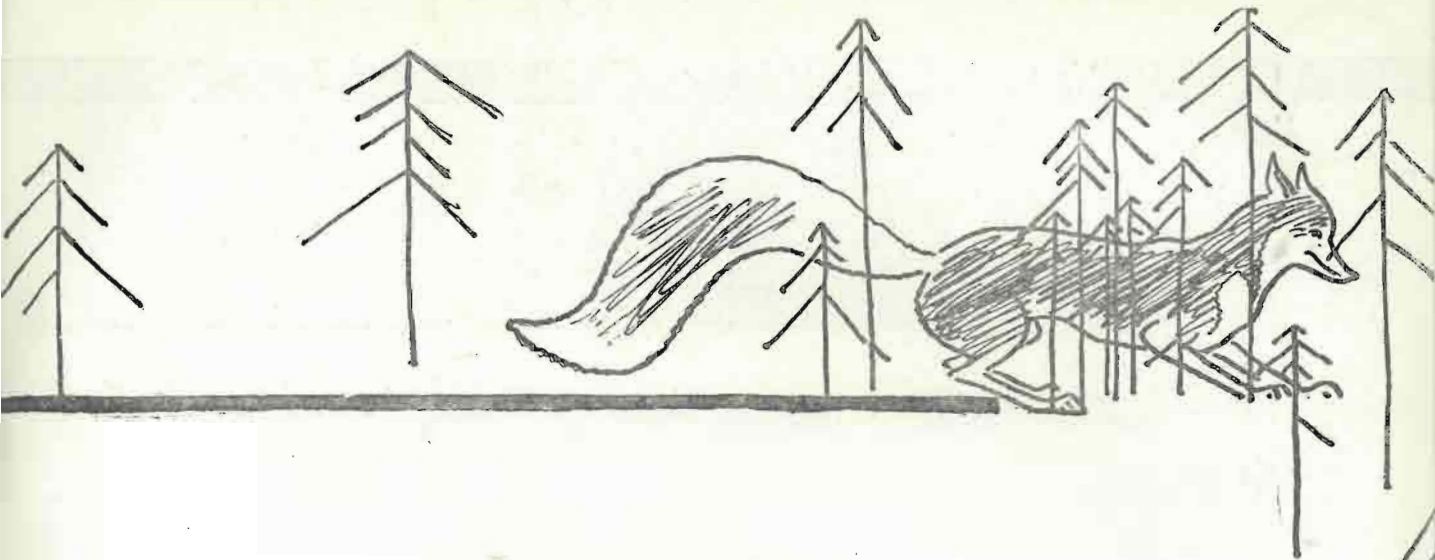
ЕЛ. ХОРИНСКАЯ

МАЛЬЧИШКИ

Мальчишек гонят прочь от крана:
— Кыш! Не мешайте! Ну-ка — вон!
...В больших мальчишеских карманах
Тяжелых гаек перезвон...
Стоят в сторонке и не могут
Упрятать зависти в глазах:
Совсем незлой тот дядька строгий,
Что «кыш» обидное сказал.

Вон как умеет он любовно
Огромным краном управлять
И груз несет тяжелый, словно
Бойтся каплю расплескать...
Мальчишек гонят прочь от крана.
Да где там! Разве отогнать?!
Они, возможно, сами станут
Таким же краном управлять.

А. БАЕВА

ТЕТЕРЕВИНАЯ ТРЕВОГА

Посреди зимы случилась оттепель: мороз поутру неожиданно спал, заморосило. К вечеру ветер переменился и похолодало, снег повалил хлопьями, а когда вывездало, то подморозило пуше прежнего. Старожилы и те диву дались:

— Ну и заковало!

Я шел пешком из колхоза на станцию, выбился из сил и заночевал у знакомого учителя Владимира Петровича, бывалого охотника, который жил подле школы, на самом краю села.

Ранним утром слышу тревожный галдеж под окнами. Оделся, вышел на крыльцо. Шумливая ребячья ватага удалялась к лесу вслед за Владимиром Петровичем. Его заячья шапка и новый полушубок отливали на солнце золотистым блеском. Впереди всех бежала рыжая Лайка, верная спутница учителя.

— Что случилось? — спросил я паренька в ватной телогрейке, догонявшего своих товарищей.

— Тревога! — на ходу ответил он.

— Какая тревога?

— Тетеревиная!

С лопатой на плече он быстро бежал напрямик через сугробы, но ничуть не проваливался в снег — настолько крепким был наст. Верхний слой снега до того смерзся — взрослых держит; идешь, как по мосту, только скрип стоит.

Было непонятно, что встревожило учителя и его воспитанников. Зачем понадобились лопаты? Долго не думая, я поднял воротник и поспешил в лес. На окруженной березками маленькой полянке происходило такое, чего мне никогда не доводилось видеть. Собака металась то туда, то сюда и заливалась звонким лаем. Раскрасневшиеся ребята, сбросив полушубки, крошили лопатами наст. Звенели веселые голоса:

— Ого, какой! Довольно спать!

— Эй, Черныш, вылезай из плена!

Взметая снежные вихри, взлетали из-под ре-

бячих ног большие черные птицы. Это были тетерева, лесные черныши-красавцы.

Оказывается, в зимние вечера (особенно в лютые морозы) стаи тетеревов, наглотавшись мерзлых березовых почек, выбирают укромные лесные полянки, камнем падают с деревьев в рыхлый снег, закапываются и ночуют в снежной спальне: тепло и не дует, а главное — теперь уже не отмерзнет отвисший зоб, очень остывший от льдистой еды.

Выспавшись в мягкой постели, черныши снова взлетают на березы, чтобы полакомиться почками.

Спят птицы чутко. Когда нет наста, они легко выпархивают из глубокого снега. Даже хитрым лисам, охочим до вкусной тетеревины, не всегда дается лакомая добыча. Если впотьмах попадешь на такую полянку, с непривычки жуть возьмет, как под самым носом поднимутся снежные вихри: «Шу-ух-порх! Шу-ух-порх!»

Бывалые охотники всегда примечают тетеревиные ночлежки, чтобы выручить птиц, если в беду попадут. К счастью, случается это редко, но все же случается. Ведь иногда находят весной на лесных проталинах десятки погибших чернышей.

Долго учитель водил своих юных друзей по тетеревиным «гостиницам», чтобы вызволить пернатых пленников из-под снежной корки. Ребята и сами уже наловчились угадывать, где заночевали косачи: примечай в снегу неглубокие ямки (они хорошо заметны, если не было снегопада) и кроши настовую броню. Поблизости от ямки, сделав в снегу небольшой коридор, наверняка дремлет затаившийся черныш. И Лайка помогла. Понятливая, она подбегала к ямкам в снегу и лаяла, предупреждая: «Вот где тетеревиная спальня!»

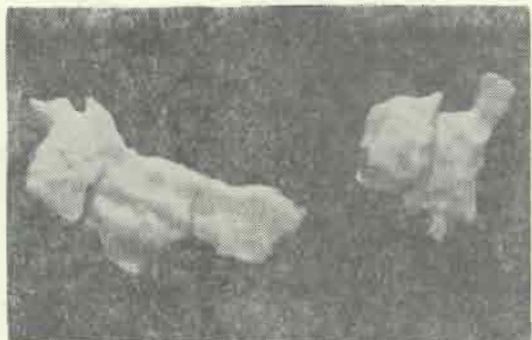
— Чу-фык! Чу-фык! — доносилось с мерзлых шуршащих веток.

— Слышите? — вытирая со лба пот, спросил Владимир Петрович своих юных помощников. И пошутил: — Это косачи на своем языке нам говорят: «Спасибо, что из неволи выручили!».

Вода-скульптор

После создания Камского водохранилища крупнейший приток Чусовой — река Сытва — в нижнем течении разлилась широко, вплотную подступила к коренным берегам. Напротив станции Сытва вода стала подмывать известковые и гипсовые обрывы.

Годами волны делают свое дело, формируя новые берега. И в процессе этой неторопливой и неотвратимой деятельности могучая природа порой выступает как изумительный скульптор «малых форм».

Размывая известняк, гипс, алебастр, вода «попутно» создает из этого поделочного материала самые разнообразные, иногда очень замысловатые фигурки. Можно часами бродить по мелководью у подножия скал, выискивая все новые и новые творения. Здесь

можно найти каменные кольца, причудливые гроты, фигурки, напоминающие животных и птиц.

Вот две такие «скульптуры»: лежащая собака и щенок.

А. ГРАЕВСКИЙ

Причуды природы

В окрестностях Дегтярска, недалеко от озера Ит-Булат, стояла старая сосна. Недавно ее свалило сильным ветром. Высохшая трава и земля на корнях придали ей причудливое очертание. Всмотритесь, это ли не лохматый пес?

Д. ЧЕБЫКИН

Черепаха-путешественница

Долго путешествовала эта черепаха, двадцать четыре года. В конце мая прошлого года ее поймали колхозники в одном из озер в пойме реки Дона, недалеко от села Ново-Григорьевки. На панцире черепахи прочитали надпись: «Поймана Саратовская область, п/о Грязнуха, Богатырев, 1938 г., Петровский...»

Да, поистине черепахи темпы даже для черепахи. Ведь, как утверждают ученые, наша сухопутная черепаха делает примерно 5—10 метров в минуту и, значит, из Саратовской в Волгоградскую область она могла прийти за два-три года.

Интересно, в каких еще краях побывала эта удивительная путешественница?

Е. К.

Главный редактор В. ШУСТОВ.

Члены редакционной коллегии: В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, Л. НЕВЕРОВ (заместитель главного редактора), В. ОЧЕРЕТИН, Кл. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, Г. ТОМИЛОВ.

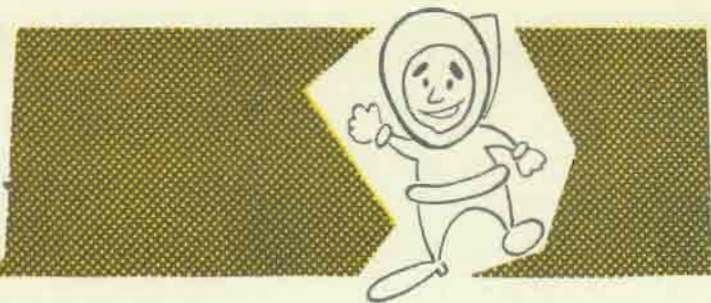
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор А. Асс.
Технический редактор Э. Максимова.

Наш адрес: Свердловск, ул. имени Малышева, 24. Телефон Д1-22-40.

Подписано к печати 23/1 1982 г. Бумага 54 × 108/16 = 2 1/2 бум. л. — 8,2 печ. л. — 9,02 уч.-изд.
НС20051 Тираж 80 000. Цена 30 коп. Заказ 722.

Обложка отпечатана на Свердловской фабрике офсетной печати.
Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

За встречу в новом году!

Резкое похолодание

Новичок

Без слов

В этом свитере его старший брат не пропустил ни одного мяча!

